

Ученые записки

НОВГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 2411-7951

Главный редактор

Моторин А. В., д. филол. наук, профессор

Зам. гл. редактора

Макаров В. И., к. филол. наук, доцент

**Торопова Е. В., к. ист. наук, доцент, гл. редактор
научного направления (Великий Новгород)**

Ариас-Вихиль М. А., д. филол. наук, с. н. с. (Москва)

**Бессуднова М. Б., д. ист. наук, доцент
(Великий Новгород)**

Васильев Я. А., к. ист. наук, доцент (Великий Новгород)

**Владимирова Н. Г., д. филол. наук, профессор
(Калининград)**

Гайдуков П. Г., д. ист. наук, член-корр. РАН (Москва)

**Гиппиус А. А., д. филол. наук, профессор,
член-корр. РАН (Москва)**

**Жукова Е. Ф., к. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)**

**Каминская Т. Л., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)**

**Ковалев Б. Н., д. ист. наук, профессор
(Санкт-Петербург)**

Кулик С. В., д. ист. наук, профессор (Санкт-Петербург)

**Куприянова Е. С., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)**

**Маленко С. А., д. филос. наук, профессор
(Великий Новгород)**

Прохорова О. Н., д. филол. наук, профессор (Белгород)

**Седов Вл. В., д. искусств., профессор, член-корр. РАН
(Москва)**

**Семенова А. Л., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)**

Тарабардина О. А., к. ист. наук (Великий Новгород)

**Терешкина Д. Б., д. филол. наук, доцент
(Великий Новгород)**

**Шмелева Т. В., д. филол. наук, профессор
(Великий Новгород)**

№ 5 (50) 2023

Учредитель и издатель – Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

Адрес редакции и издателя:
173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
Тел. (8162) 338830 доб. 2294
Факс: (8162) 974526
E-mail: enotes@novsu.ru
<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Ученые записки

Новгородского государственного университета
№ 5 (50) 2023

Выпускающий редактор: Макаров В. И.
Оригинал-макет подготовлен редакцией
сетевого издания «Ученые записки
Новгородского государственного университета»

Свидетельство
Эл № ФС77-58076 от 20 мая 2014 г.
Роскомнадзора Российской Федерации
Выходит не менее 4 раз в год

Подписано в печать 02.10.2023 г.
Дата выхода 05.10.2023 г.

Отпечатано: ИП Копыльцов И.П.
349052, Воронежская обл., г. Воронеж,
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56
Тел. 89507656959, e-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

© НовГУ, 2023
© Авторы статей, 2023

(16+)

Memoirs of Novgorod State University

ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 2411-7951

№ 5 (50) 2023

Editor-in-Chief

Motorin A. V., Doctor of Philology, Professor

Deputy Editor-in-Chief

Makarov V. I., Candidate of Philology, Associate Professor

Toropova E. V., Candidate of History, Associate Professor,
Research Area Chief Editor (Veliky Novgorod)

Arias-Vikhil M. A., Doctor of Philology, Senior Scientific
Researcher (Moscow)

Bessudnova M. B., Doctor of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vasiliev Ya. A., Candidate of History, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Vladimirova N. G., Doctor of Philology, Professor
(Kaliningrad)

Gaidukov P. P., Doctor of History, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Gippius A. A., Doctor of Philology, Professor, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Zhukova E. F., Candidate of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Kaminskaya T. L., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Kovalev B. N., Doctor of History, Professor
(Saint Petersburg)

Kulik S. V., Doctor of History, Professor (Saint Petersburg)

Kupriyanova E. S., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Malenko S. A., Doctor of Philosophy, Professor
(Veliky Novgorod)

Prokhorova O. N., Doctor of Philology, Professor (Belgorod)

Sedov V. V., Doctor of Art History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Semenova A. L., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Tarabardina O. A., Candidate of History (Veliky Novgorod)

Tereshkina D. B., Doctor of Philology, Associate Professor
(Veliky Novgorod)

Shmeleva T. V., Doctor of Philology, Professor
(Veliky Novgorod)

Founder and Publisher —

Federal State Budgetary Educational

Institution of Higher Education

“Yaroslav-the-Wise Novgorod State University”

(NovSU)

Postal Address:

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod,
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., office 1216

Tel.: +7 (8162) 338830 add. 2294

Fax: +7 (8162) 974526

E-mail: enotes@novsu.ru

<https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/>

Memoirs of NovSU

№ 5 (50) 2023

Executive Editor: Makarov V. I.

Camera-ready copy is prepared

by the Memoirs of NovSU editorial staff

Registration Certificate:

El No. FS77-58076 of May 20, 2014, issued by the
Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
Published no less than 4 times a year

Signed for publication on October 2, 2023

Published on October 5, 2023

Printed by IE Kopyltsov I. P.

349052, Voronezh Region, Voronezh

27-56, Marshala Nedelina str.

Tel.: +7 (950) 765-69-59

E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

© NovSU, 2023

© Authors of articles, 2023

(16+)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА			
1	Каминская Т. Л., Рынгаченко Е. С.	Медиапродвижение lifestyle-компаний в изменившихся общественно-политических условиях	387
2	Третьяков В. Т.	Функциональная теория журналистики: к постановке проблемы	395
3	Шестерин Н. О.	Искусственный интеллект и проблема приоритизации медиаконтента	402
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ			
4	Владимирова Н. А.	«Сельский педагог по податной части», или деятельность податных инспекторов в уезде	410
5	Глезеров С. Е.	Первые годовщины прорыва блокады Ленинграда на страницах «Ленинградской правды» (1944–1947 гг.)	417
6	Журавлев Е. Н.	Спецслужбы Испанской добровольческой дивизии на Советско-Германском фронте (1942–1943)	425
7	Красноперов А. А.	Комплексы с бусами группы Алексеева-480-482,490,492 / Т-М-362 в Центральной Европе и их датирующие возможности	434
8	Кулаков В. И.	Кони Бирки	452
9	Матвеев И. Ю.	Жизненный и научный путь В. В. Никитина	458
10	Селин А. А., Клейменов В. И.	Посадское население Старой Руссы по материалам Писцовой книги 1497/98 г.: предварительные наблюдения	465
11	Синельникова Е. Ф.	Русское физико-химическое общество на излете своей истории (1917–1930 гг.)	474
12	иеромонах Никодим (Хмыров Д. В.)	Благотворительная деятельность братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х годах и попытки секвестировать имущество Русской Зарубежной Церкви	481
ЛИНГВИСТИКА			
13	Барышева А. А.	Имплицитные способы выражения оценки и авторского начала в медиатекстах о культуре	488
14	Кушнерева Д. А.	Агрессор и Жертва в женском политическом дискурсе (на примере речей Лауры Чинчили Миранды)	497
15	Ремянникова Д. О.	Вкус правит, метафтонимия помогает	505
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ			
16	Дубаков Л. В., Чжан Вэйнин	Поэтика и функции китайского национального костюма в творчестве С. М. Третьякова	512
17	Иванова Л. А.	Пародия как способ осмысления творческих поисков Бенджамина Дизраэли	520
18	Калинина В. Д., Шадурский В. В.	Новгородские сюжеты и образы в произведениях времени Великой Отечественной войны (по материалам газет 1941–1945 гг.)	527
19	Марков А. В.	Спор об образе Остапа Бендера в советской теории литературы	535
20	Рожин В. О.	Идея рая и ее воплощение в романе С. Снегова «Люди как боги»	543

CONTENTS

MEDIA STUDIES

1	Kaminskaya T. L., Ryngachenko E. S.	Media promotion lifestyle company in the changed sociopolitical conditions	387
2	Tret'yakov V. T.	Functional theory of journalism: Toward a problem statement	395
3	Shesterin N. O.	Artificial intelligence and the problem of media content prioritization	402

HISTORY AND ARCHEOLOGY

4	Vladimirova N. A.	"Rural teacher of the taxable part" or The activities of tax inspectors in the county	410
5	Glezerov S. E.	First anniversaries of the breakthrough of the blockade of Leningrad on the pages of "Leningradskaya Pravda" (1944–1947)	417
6	Zhuravlev E. N.	Special services of the Spanish Volunteer Division on the Soviet-German front (1942–1943)	425
7	Krasnopeorov A. A.	Complexes with rosette glass beads (Alekseeva-480-482,490,492 / T-M-362) in Central Europe and their dating potential	434
8	Kulakov V. I.	Birka's horses	452
9	Matveev I. Yu.	V. V. Nikitin's life and scientific path	458
10	Selin A. A., Kleymenov V. I.	The <i>posad</i> people of Staraya Russa according to the <i>pistsovaya kniga</i> (cadastres) of 1497/98: preliminary observations	465
11	Sinelnikova E. F.	The Russian Physicochemical Society at the end of its history (1917–1930)	474
12	Hieromonk Nikodim (Khmyrov D. N.)	Charitable activities of the fraternity of St. Anastasia in Menton (France) in the 1920s and attempts to sequester the property of the Russian Church Abroad	481

LINGUISTICS

13	Barysheva A. A.	Implicit ways of expressing evaluation and the author presence in media texts about culture	488
14	Kushnereva D. A.	Aggressor and Victim in women's political discourse (on the example of the speeches of Laura Chinchilla Miranda)	497
15	Remyannikova D. O.	Taste is king, metaphonymy is tool	505

LITERARY STUDIES

16	Dubakov L. V., Zhang Weining	The poetics and functions of the Chinese national costume in the works of S. M. Tretyakov	512
17	Ivanova L. A.	Parody as a way of comprehension of Benjamin Disraeli's creative search	520
18	Kalinina V. D., Shadursky V. V.	Novgorod plots and images in works of the Great Patriotic war (by the materials of newspapers of 1941–1945)	527
19	Markov A. V.	The dispute over the image of Ostap Bender in Soviet literary theory	535
20	Rozhin V. O.	The idea of paradise and its embodiment in S. Snegov's novel "Humans as Gods"	543

Т. Л. Каминская, Е. С. Рынгаченко

МЕДИАПРОДВИЖЕНИЕ LIFESTYLE-КОМПАНИИ В ИЗМЕНИВШИХСЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Проблемой исследования является использование инструментов PR и каналов медиакommunikаций lifestyle-компанией на примере бренда «Азбука вкуса» в условиях трансформации информационного поля и смещения фокусов информационной повестки. С использованием данных Медиалогии, методами контент-анализа рассмотрены эффективные медиастратегии продвижения бренда как экосистемы, поддерживающей определенный стиль жизни и ценности. Приведены такие успешные инфоповоды, как запуск собственного эко-продукта, производство арт-объектов, а также создание экспертного медиаконтента. Исследование со всей очевидностью продемонстрировало, что новые социально-политические условия и трансформация медийного рынка страны предлагают бизнесу не только новые вызовы и проблемы, но и новые траектории продвижения и взаимодействия с целевой аудиторией.

Ключевые слова: медиапродвижение, lifestyle-компания, бренд, экосистема, стиль жизни, ценности

Для цитирования: Каминская Т. Л., Рынгаченко Е. С. Медиапродвижение lifestyle-компаний в изменившихся общественно-политических условиях // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 387–394. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).387-394

Стадия в существовании бизнеса, когда он превращается в экосистему, в последние годы активно обсуждается в научных публикациях [Куприянов, Баженов, 2019; Серов, 2021]. Обобщая подходы экономистов к такого рода организации бизнеса, можно констатировать, что компания считается экосистемой, если объединяет в себе много подсистем: розничные форматы, производство, сервисы, ассортимент, обучение и услуги корпоративным клиентам.

Необходимо отметить, что экосистемы в бизнесе появляются, в частности, в lifestyle сегменте, который, по мнению ученых, характеризуется определенным дискурсом, в том числе и медийным. Так, С. В. Иванова ставит знак равенства между лайфстайл-дискурсом и дискурсом здорового образа жизни, и если эта точка зрения может быть спорной, то, на наш взгляд, стоит согласиться с ее утверждением, что «стилистические характеристики изучаемого типа дискурса отличаются простотой, которая объясняется коммуникативной целью продуцента текста выполнить дидактическую задачу: регламентировать образ жизни адресата» [Иванова, 2019, с. 8]. Е. Н. Молодыхенко среди базовых функций лайфстайл-дискурса выделяет инструктирующую и метасемиотическую [Молодыхенко, 2019].

Исследовательская проблема лежит в плоскости трансформации коммуникативных практик и принимаемых брендами имиджевых решений во взаимодействии с медиа в условиях социально-политической турбулентности.

Компанию «Азбука вкуса», на примере которой рассмотрена эта трансформация, – во-первых, можно отнести к экосистемам, а, во-вторых, к lifestyle-компаниям. Она насчитывает историю в четверть века, активно развивавшуюся в относительно благополучные годы. Сегодня – она не просто ритейлер, поскольку организовала собственное кулинарное, кондитерское, хлебопекарное производство на фабриках-кухнях в Москве и Санкт-Петербурге, фермерское хозяйство в Калужской области, розничные форматы: 4 маркета «Азбука маркет», 103 супермаркета «Азбука

вкуса», 62 минимаркета у дома «Азбука daily» и 3 Энотеки. Кроме этого, у бренда есть инхаус-фотостудия, дизайн-студия и лаборатория качества QLab, на которой проводятся проверки качества продукции. На сегодняшний день у компании в стране 168 магазинов общей площадью почти 100 000 квадратных метров, 13 000 сотрудников, а в ассортименте – более 18 000 SKU из 70 стран мира. «Азбука вкуса» занимает первое место среди ритейлеров по товарообороту на один квадратный метр площади (Прим. 1).

Такого рода трансформацию компаний в экосистемы рассматривает Я. Ю. Радюкова с соавторами, отмечая, что это – тренд современности, и трансформироваться таким образом под силу лишь самым передовым компаниям, и что «в условиях функционирования компании внутри экосистемы есть возможность экспериментировать, вкладывать ресурсы в новые сферы деятельности» [Радюкова и др., 2019, с. 37]. Бренд «Азбука вкуса» не только продает продукты или услуги, но и представляет определенный образ и стиль жизни, который не предполагал таких социально-политических трансформаций страны последних двух лет.

Как показало исследование, в «Азбуке вкуса» корпоративный PR играет важную роль и занимает равнозначное brand-PR положение. Brand-PR или lifestyle-PR – это форма связей с общественностью, которая нацелена на донесение информации до конечного потребителя через доступные lifestyle-каналы, прежде всего медиа. Так, по мнению П. А. Кузнецова [Кузнецов, 2021], ранее PR воспринимался общественностью как манипулятивный и нечестный метод продвижения, намеренно смещающий фокус внимания со значимых проблем на менее значимые, или же на политическую сферу жизни в целях отвлечения. Автор связывает этот феномен с тем, что инициатива паблик рилейшнз в России на первом этапе его развития исходила не от бизнеса, а от политических акторов. В настоящее время в условиях общества информационного, как считает П. А. Кузнецов, существуют прозрачность информации и отсутствие ее искажения, так как последнее несет за собой большие репутационные риски для компании и утрату доверия как со стороны бизнес-сообщества и инвесторов, так и со стороны лояльных и потенциальных клиентов.

Сегодня PR-сопровождение бренда – необходимый инструмент в ведении любого бизнеса, который позволяет компании выйти на качественно-новый уровень развития отношений с аудиторией и партнерами.

До недавнего времени сектор lifestyle-СМИ в России был огромен, он увеличивается с каждым днем по мере того, как потребители осваивали новые платформы: от социальных сетей до интерактивных версий многочисленных гляцевых журналов. В условиях санкционного давления и ухода брендов из России медиаландшафт страны сильно изменился [Каминская, 2022]. Начиная с марта 2022 года, многие СМИ прекратили свое существование, поменяли домены или же переименовались, какие-то из них были запрещены на территории Российской Федерации. Издания поменяли форматы: выходят онлайн или в принте. Так, например, популярные ресурсы, занимавшие нишу lifestyle, в том числе такие, как GQ, Tatler, Vogue, Glamour, ELLE, больше не функционируют и не издаются. Несмотря на мировую трансформацию, российский рынок СМИ перестраивался вместе с изменяющимися условиями и требованиями как аудитории, так и рекламодателей и других брендов. Так, ключевые lifestyle-ресурсы продолжили работу на рынке

отдельно от европейских головных офисов и переименовались: Harper's Bazaar стал The Symbol, Esquire – «Правила жизни», Cosmopolitan – The Voice.

Появились и новые медиа: NowNowNow, «Большой город», Way of Living. Какие-то из них не были переименованы и продолжили стабильную работу. Среди них: Grazia, Robb Report, Marie Claire и ключевые медиа в этой категории: Buro, The Blueprint, Коммерсантъ Стиль, РБК Стиль, РБК Life, Ведомости «Как потратить» и Ведомости «Город», Forbes Life, Афиша Daily.

Интересно в этом плане исследование Ассоциации компаний-консультантов в области связей с общественностью (АКОС) в октябре-ноябре 2022 года на тему: «Тренды современных медиа российского рынка» (Прим. 2), в котором отследила актуальность глобальных трендов для медиа в России. В исследовании учитывалось мнение специалистов по коммуникациям и представителей СМИ, средний возраст которых 37 лет. Респонденты отвечали на открытые вопросы, далее, исходя из ответов, были выявлены актуальные тенденции. Некоторые из ключевых трендов, актуальных для данной статьи, следующие:

- уход журналистов в блогеры и перенос фокуса развития на свои каналы в Telegram;
- переход новостной повестки в Telegram;
- перераспределение внимания редакции к новостным поводам и новостям крупных рекламодателей издания.

Действительно, одна из сложностей в PR-поддержке и сопровождении, с которой столкнулись lifestyle-бренды – это заинтересованность СМИ в политической повестке и бизнес-новостях, связанных с санкциями, больше, чем в новостях в данном случае ритейлера «Азбука вкуса». Однако другие тренды можно было использовать в интересах компании – например, активное присутствие в Telegram как одном из самых популярных ресурсов на сегодняшний день. «Азбуке вкуса» пришлось адаптироваться к новым условиям, сделать акцент на создании креативных инфоповодов, а также начать работу с теми медиаресурсами, которые прежде не входили в ее пул.

Вообще, brand-PR в компании «Азбука вкуса» основан на поддержке lifestyle-поводов. Сегодня это, прежде всего, регулярная поддержка продуктовых новинок, экспертные материалы, попадание в дайджесты и тематические подборки в lifestyle и гастрономических медиа, работа с авторами telegram-каналов и продуктовые и креативные рассылки для них, а также имиджевые специальные проекты про еду, культуру, открытия. В brand-PR команда следит за изменениями на рынке, продолжает поддержку сезонного ассортимента и новых продуктов и поводов, готовит предстоящие большие информационные поводы.

С помощью метода контент-анализа медиа мы получили информацию о том, какие инструменты в brand-PR использует компания «Азбука вкуса»:

- публикации о новых запусках и проектах в СМИ;
- экспертные материалы в СМИ;
- работа с Telegram-каналами и гастрономическим сообществом: публикации о новых запусках или проектах, продуктовые и креативные рассылки для авторов;
- организация мероприятий: завтраки, бранчи, мастер-классы и лекции для журналистов гастрономических и lifestyle СМИ, а также для авторов Telegram-каналов.

Рассмотрим ключевые lifestyle-поводы бренда за 2022 год. «Азбука вкуса» часто следует трендам и рассказывает о них клиентам. Так, например, в мире искусства покупка онлайн становится все более популярной и доступной, также набирает популярность тиражное искусство – произведения, созданные не в единственном экземпляре, а серией – определенным тиражом. Сейчас это один из видов нового коллекционирования. Следуя этому тренду, в ноябре 2022 года «Азбука вкуса» запустила проект вместе с онлайн-галереей «Объединение» и молодыми художниками, в котором они создали коллекцию предметов быта и искусства, выпущенную ограниченным тиражом. Тема для творчества – еда как впечатления, как привычный ритуал или фантазия о будущем. Вместе с пятью художниками «Азбука вкуса» и «Объединение» создали 15 предметов не более 15 объектов каждый, связанных с едой: посуда, кухонный текстиль, принты для интерьера. Коллекция все еще доступна в Москве и Санкт-Петербурге, а также на официальном сайте бренда. Данный проект получил большую информационную поддержку традиционных медиа и Telegram-каналов. Так, например, о нем рассказали такие ведущие lifestyle и маркетинговые медиа, как The Blueprint в интервью с одной из художниц – Надеждой Лихогруд (*Прим. 3*), Buro (*Прим. 4*), Sostav (*Прим. 5*), РБК Стиль (*Прим. 6*), Design Mate (*Прим. 7*) и другие. С помощью системы мониторинга «Медиалогия» автор измерил охват PR-поддержки: более 3 000 000 прочтений. Общее число публикаций в Telegram-каналах и СМИ составило более 50. И все это были не коммерческие публикации: журналистов заинтересовал данный инфоповод.

Еще один показательный кейс в PR-поддержке «Азбуки вкуса» – это запуск собственного производства растительного мяса в сентябре 2022, что отвечает тенденциям развития веганства и соответствует ценностям защиты животных в контексте экологического медиадискурса. Растительные котлеты для бургеров под брендом Eat no meat стали продолжением экосистемы «Азбука life», которая объединяет сервис консультаций с нутрициологами, готовую еду, продукты питания и экологичные средства для дома под СТМ. С помощью PR-поддержки команда «Азбуки вкуса» рассказала о запуске нового направления на собственном производстве и донесла до покупателей информацию о новом продукте на своих полках. В данном кейсе мы можем говорить о двух направлениях PR-поддержки инфоповода – корпоративном PR: эксклюзивная новость в деловом издании, распространение по разным типам медиа и brand PR: работа с гастрономическими и lifestyle-медиа. О запуске растительного мяса написали Afisha Daily (*Прим. 8*), Большой город, и такие lifestyle и популярные гастрономические Telegram-каналы, как Utroo, «Что где есть в Петербурге», Restosnob, KOZAK FOOD. В общей сложности у новости было более 180 выходов в СМИ и Telegram-каналах, более 20 креативных продуктовых рассылок гастрономическим авторам и журналистам с общим охватом более 13 000 000, по оценке системы мониторинга Медиалогия. «Азбука вкуса» получила награду «Инфоповод года 2022» в сегменте «Ритейл» по версии «Медиалогии».

Опираясь на данные, предоставленные пресс-службой «Азбуки вкуса», можно отметить, что благодаря заметной медиаподдержке уже за первые 3 недели продукт занял 25% товарооборота компании внутри категории «растительное мясо и

полуфабрикаты». Позиции показали хорошую динамику спроса (+124% март vs сентябрь), а также зафиксирован повышенный спрос в период Великого поста.

Еще один инструмент в brand PR «Азбука вкуса» – это экспертные материалы в СМИ. Один из сервисов, которые развивает «Азбука вкуса», – это бренд «Азбука life». На платформе бренда существует сервис консультаций с нутрициологами (надо отметить, что «Азбука вкуса» – единственный ритейлер, который оказывает такую информационную услугу своим клиентам). Также команда создает экспертные статьи и интервью со специалистами по питанию в таких медиа, как, например, «Правила жизни», «Marie Claire» (Прим. 9). Сравнение ключевых информационных поводов в brand-PR «Азбуки вкуса» за 2020 и 2022 гг. представлено в таблице 1 ниже.

Таблица 1. Сравнение ключевых информационных поводов в brand-PR «Азбуки вкуса» за 2020 и 2022 гг.

№	2020 год		2022 год	
	повод	охват / чел.	повод	охват / чел.
1	PR в рамках новогодней коммуникационной кампании: акция «Кофе в пробках»	2 000 000	Праздничные подборки к Пасхе с тематическими товарами из «Азбуки вкуса»	4 300 000
2	Рецепты от бренд-шефов «Азбуки вкуса»	1 200 000	Экспертные материалы с нутрициологами в поддержку бренда «Азбука life»	4 000 000
3	Праздничные подборки к Пасхе с тематическими товарами из «Азбуки вкуса»	800 000	Коллаборация «Азбуки вкуса» и онлайн-галереи «Объединение»	3 000 000
4	Поддержка запуска новой линейки блюд A la carte	150 000	Запуск «Азбучных сезонов» – линейка кулинарии и аутентичные товары из регионов России	2 300 000
5	Материал о запуске новой линейки кулинарии Taste of	100 000	PR-поддержка новогодних подарков и праздничного меню «Азбуки вкуса»	1 000 000
6			Запуск линейки кулинарии «Азбука life»	1 000 000
7			PR-поддержка новых сезонных летних напитков	670 000
8			Коллаборация «Азбуки вкуса» и El Copitas	630 000
9			Международный день чизкейка – PR-поддержка запуска новых чизкейков в «Азбуке вкуса»	420 000
10			Коллаборация «Азбуки вкуса» и Императорского фарфорового завода»	320 000
11			PR-поддержка бургеров «Азбуки вкуса» к сезону пикников	300 000
12			PR-поддержка новой коллекции свадебных тортов к летнему свадебному сезону	280 000

Соотнося lifestyle PR-поводы «Азбуки вкуса» в 2020 и 2022 году, можно сказать, что количество инициируемых поводов возросло более чем в 2 раза: увеличилось количество совместных проектов, экспертных сообщений и новых запусков. PR-сопровождение стало более актуальным: например, к подходящем празднику или сезону команда поддерживала актуальные для компании продукты и товары. Помимо этого, увеличилось число охватов. Так, в 2020 году охваты ключевых информационных поводов составили 4 250 000, в то время как в 2022 году – 18 220 000. Таким образом, аудитория увеличилась в 4,3 раза. На рисунке 1 представлена динамика изменения охватов.

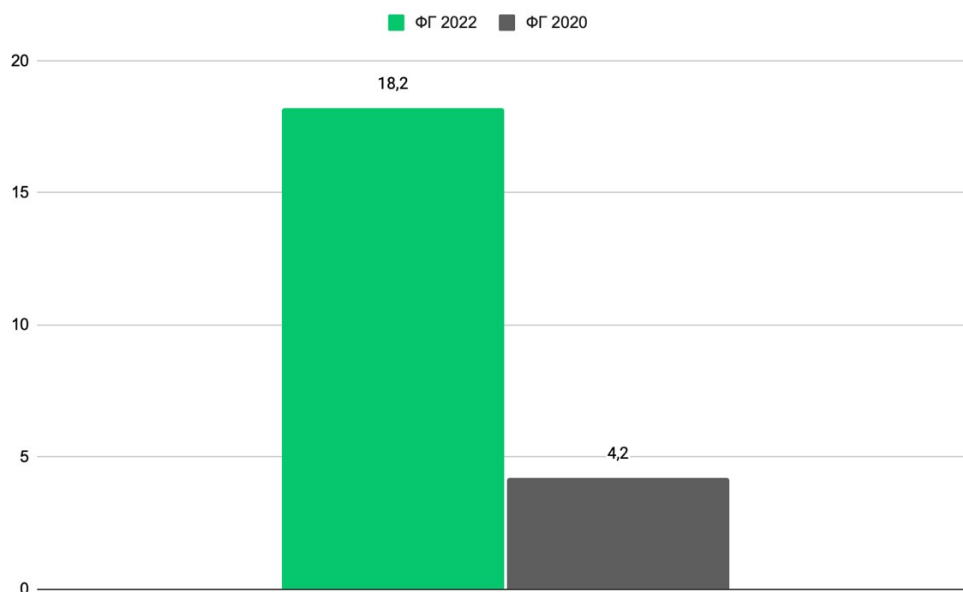

Рисунок 1. Динамика изменения охватов публикаций

Анализ показывает, что, хотя компания и столкнулась с изменениями информационного поля, связанными с глобальной перестройкой сферы из-за новой реальности и смещения интереса СМИ в сторону политики, она успешно трансформировала свою медиакommunikation. В целом же, решения для lifestyle-компаний, которые сегодня испытывают затруднения с brand-PR и оптимальными решениями для захвата интереса медиа к ним, на взгляд авторов статьи, следующие:

- публикации о создании новых продуктов, услуг и экспертные материалы в СМИ;
- работа с Telegram-каналами и гастрономическим сообществом: публикации о новых продуктах или проектах, продуктовые и креативные рассылки для журналистов и блогеров;
- организация мероприятий: завтраки, бранчи, мастер-классы и лекции для журналистов гастрономических и lifestyle СМИ, а также для авторов Telegram-каналов.

Примечания

1. Сайт для инвесторов компании «Азбука вкуса». <https://invest.av.ru/ru/>
2. Ассоциация компаний-консультантов в области связей с общественностью // Исследования АКОС. Тренды современных медиа российского рынка. <https://www.akospr.ru/issledovaniya/media-trendi2022/>

3. Памяти памяти. Интервью с художницей Надеждой Лихогруд. <https://theblueprint.ru/culture/art/nadya-lichogrud-interview>
4. Еда как искусство. Что нужно знать о художниках проекта онлайн-галереи «Объединение» и «Азбуки вкуса» и их работах. <https://www.buro247.ru/culture/arts/24-nov-2022-obedinenie-azbuka-vkusa.html>
5. «Азбука вкуса» представила коллекцию предметов быта и искусства от молодых художников. <https://www.sostav.ru/publication/azbuka-vkusa-57717.html>
6. Миша Никитин и другие молодые художники поразмышляли на тему еды. <https://style.rbc.ru/impressions/637cd1539a79478f585f33a3>
7. «Азбука вкуса» и онлайн-галерея «Объединение» выпустили серию домашнего декора. <https://design-mate.ru/read/news/azbuka-vkusa-i-onlayn-galereya-ob-edinenie-vypustili-seriyu-domashnego-dekora>
8. «Азбука вкуса» начала производить растительное мясо. <https://daily.afisha.ru/news/67826-azbuka-vkusa-nachala-proizvodit-rastitelnoe-myaso/>
9. Иванова М. Почему первый прием пищи должен быть только несладким? <https://www.marieclaire.ru/krasota/pochemu-pervyi-priem-pishi-dolzhen-byt-tolko-nesladkim-vy-vse-delali-naoborot/>

Литература

- Иванова С. В. (2019). Стилистика и риторика лайфстайл-дискурса. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 1, 2, 8–21.
- Каминская Т. Л. (2022). Новая российская медиареальность: процессы адаптации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 3, 109–113.
- Кузнецов П. А. (2021). *Public Relations. Связи с общественностью для бизнеса: практические приемы и технологии*. 3-е изд., стер. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 294.
- Куприянов А. Н., Баженов А. В. (2019). Бизнес-модель платформенной организации как цифровая система. *Развитие менеджмента: концепция «Industri 4.0»*. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, 68–72.
- Молодыхенко Е. Н. (2019). Что такое лайфстайл-дискурс? Две базовые функции новых лайфстайл-медиа в сети Интернет. *Коммуникативные исследования*, 6, 3, 726–743. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).726-743
- Радюкова Я. Ю., Архипова Ю. К., Сутягин В. Ю., Колесниченко Е. А. (2019). Развитие экосистем в экономике: возможности и последствия. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*, 9, 6(35), 29–38.
- Серов Н. С. (2021). Бизнес-экосистема как этап жизненного цикла организации и как элемент интеллектуального менеджмента. *Экономика науки*, 7, 2, 135–143.

References

- Ivanova S. V. (2019). Stilistika i ritorika layfstayl-diskursa. [Stylistics and rhetoric of lifestyle discourse]. *Diskurs professional'noy kommunikatsii*, 1, 2, 8–21.
- Kaminskaya T. L. (2022). Novaya rossiyskaya mediareal'nost': protsessy adaptatsii. [New Russian media reality: adaptation processes]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 3, 109–113.
- Kuznecov P. A. (2021). *Public Relations. Svyazi s obshchestvennost'yu dlya biznesa: prakticheskie priemy i tekhnologii* [Public Relations. Public Relations for Business: Practical Techniques and Technologies]. Moscow, 294.
- Kupriyanov A. N., Bazhenov A. V. (2019). Biznes-model' platformennoy organizatsii kak tsifrovaya sistema [Platform organization business model as a digital system]. *Proc. of "Razvitie menedzhmenta: koncepciya «Industri 4.0»"-II*, 68–72.
- Molodychenko E. N. (2019). Chto takoe layfstayl-diskurs? Dve bazovye funktsii novykh layfstayl-media v seti Internet [What is lifestyle discourse? Two basic functions of new lifestyle media on the Internet]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 6, 3, 726–743. DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(3).726-743

- Radyukova Ya. Yu., Arkhipova Yu. K., Sutyagin V. Yu., Kolesnichenko E. A. (2019). Razvitie ekosistem v ekonomike: vozmozhnosti i posledstviya [Development of ecosystems in the economy: opportunities and consequences]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 9, 6(35), 29–38.
- Serov N. S. (2021). Biznes-ekosistema kak etap zhiznennogo tsikla organizatsii i kak element intellektual'nogo menedzhmenta [Business ecosystem as a stage in the life cycle of an organization and as an element of intellectual management]. *Ekonomika nauki*, 7, 2, 135–143.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.05.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторах

Татьяна Леонидовна Каминская – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8371-787X; tlkam1@mail.ru

Екатерина Сергеевна Рынгаченко – магистрантка направления «Реклама и связи с общественностью»; Финансовый университет при правительстве РФ (Москва); ORCID: 0009-0004-9127-6578; katerina2001@icloud.com

T. L. Kaminskaya, E. S. Ryngachenko

MEDIA PROMOTION LIFESTYLE COMPANY IN THE CHANGED SOCIO-POLITICAL CONDITIONS

Abstract. The problem of the research is the use of PR tools and media communication channels by a Lifestyle company on the example of the *Azbuka Vkusa* brand in the conditions of transformation of the information field and shifting the focus of the information agenda. Effective media strategies of brand promotion as an ecosystem supporting a certain lifestyle and values are considered using the data of the Media Catalog and content analysis methods. Such successful infopods as the launch of its own eco-product, the production of art objects, as well as the creation of expert media content are given. The study clearly demonstrated that the new socio-political conditions and the transformation of the country's media market offer businesses not only new challenges and problems, but also new trajectories of promotion and interaction with the target audience.

Keywords: media promotion, lifestyle company, brand, ecosystem, lifestyle, values

For citation: Kaminskaya T. L., Ryngachenko E. S. (2023). Media promotion lifestyle company in the changed socio-political conditions. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 387–394. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).387-394

В. Т. Третьяков

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Трансформация системы средств массовой информации требует своевременного перепросмотра теоретических основ их бытования. С точки зрения понимания современной медиасистемы принципиально важно определить основы ее функционирования. В данной статье на основе анализа существующих концепций, с опорой на современные медиареалии и с привлечением историко-функционального и сравнительно-текстологического методов предпринимается попытка формирования функциональной теории журналистики. Выделяются основные функции СМИ: информационная, коммуникативная, vox populi, политическая, развлекательная, функция социализации и функция борьбы за социальную справедливость. Значимость этих функций поясняется применительно к современной ситуации в области журналистики. Раскрывается сущность каждой из них и ее влияние на различные уровни функционирования медиа. Называется дополнительная функция журналистики – историографическая. Поясняются уровни ее проявления в работе современных средств массовой информации.

Ключевые слова: журналистика, медиа, функции, функциональная теория журналистики

Для цитирования: Третьяков В. Т. Функциональная теория журналистики: к постановке проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 395–401. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).395-401

Журналистика – социальный институт, отвечающий на запрос общества в рамках своих технологических возможностей и по законам внутреннего функционирования системы «журналистика – СМИ». Развитие технико-технологического потенциала постоянно расширяет эти возможности и делает необходимым пересмотр функциональных основ развития мира масс медиа. А потому анализ функций современной журналистики становится сегодня особенно значимым. Более того, эти функции можно назвать определяющими для понимания сути самого явления. Мы в нашем исследовании предпринимаем попытку наметить черты функциональной теории журналистики, которая, на наш взгляд, способна конкретизировать процессы, развивающиеся в информационном пространстве.

Важно отметить, что обращение к категории «функции» для определения журналистики предпринимали многие исследователи. чьи работы сегодня признаются как классические. Так, теория прессы, сформулированная Фредериком Сибертом, Теодором Питерсоном и Уилбуром Шраммом, в определении журналистики и конкретизации ее типов прежде всего учитывает те функции, которые медиа выполняют в определенным образом организованном социуме. Авторитарная, либертарианская, коммунистическая теория и теория социальной ответственности фиксируют те отношения, которые выстраиваются между социумом и журналистикой, и ту роль, которая отводится последней [Сиберт, 1998].

Маршал Маклюэн, рассматривая особенности развития электронных медиа, также в основу своей концепции положил функции, которые эти медиа выполняют по отношению к обществу [Маклюэн, 2020]. Причем в своих изысканиях он обратил внимание на те качества медиа, которые объединяют их с другими формами проявления человеческой природы – например, с мифом. Позже мы развили эту концепцию в работе «Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал» [Третьяков, 2015].

Особенности функционирования СМИ лежат и в основе теории Пьера Бурдьё, который размышлял о власти СМИ, об их способности влиять на различные стороны жизни общества [Бурдьё, 1993]. Однако ученый говорил и о всё нарастающем противоречии, которое заключается в том, что возможности журналистики оказывать воздействие на жизнь социума всё чаще сталкиваются со встречным движением – когда медиа сами становятся подвластными некоторым лицам или структурам, представляющим социум.

О значимости понимания основ функционирования средств массовой информации в обществе говорили и другие исследователи. Так, Р. Якобсон в контексте массовой коммуникации рассматривал такие функции, как эмотивная, коннотативная, фатическая, метаязыковая, поэтическая, референтивная [Якобсон, 1987], к функциональной специфике медиа обращались К. Лазарсфельд [Лазарсфельд, 2018], Р. Мертон [Мертон, 2006], Э. Ноэль-Нойман [Ноэль-Нойман, 1996], К. Левин [Левин, 2019], У. Эко [Эко, 2005], Ю. Лотман [Лотман, 1992] и многие другие.

Современные российские ученые также предпринимали активные попытки интерпретации функций журналистики, но при этом расходились в оценке значимости каждой из них. Так, Е. Е. Прохоров [Прохоров, 2008], В. Л. Цвик [Цвик, 2004], С. Г. Корконосенко [Корконосенко, 1995] скрупулезно анализировали просветительскую, социальную и коммуникативную функции СМИ. При этом С. Г. Корконосенко особое внимание уделял коммуникативной функции, определяя ее как во-многом первичную, поскольку именно СМИ нередко обеспечивают горизонтальную и вертикальную коммуникацию между членами общества. А В. Л. Цвик акцентировал значимость информационной функции, по крайней мере – по отношению к телевидению. Е. Е. Пронин уделял внимание психологическим основам реализации функций журналистики – причем как на уровне психологии личности, так и в аспекте социальной психологии [Пронин, 1971].

Ряд исследователей предпринимает содержательные попытки обобщить существующие подходы к определению функций медиа, включая в эмпирическую базу наиболее значимые исследования [Соколова, 2009]. Значительное число российских ученых обращается к анализу отдельных функций СМИ: просветительской [Десяев, 2019; Колбасов, 2021], организационной [Бейненсон, Кузьмина, 2021], культуроформирующей [Хоссейнзаде, 2012] и других. Некоторые исследователи предлагают развести понятия «функции журналистики» и «функции СМИ» [Науменко, 2000]. Ведется речь о трансформации функций [Бабюк, 2012], об их кризисе [Колоев, 2011] и даже об их подмене [Павлова, Арғылов, 2021].

Как видим, дискуссия о функциях журналистики развивается чрезвычайно активно, что свидетельствует о значимости уточнения их содержания. В каждой из концепций содержится нечто ценное и практически полезное. Но более всего при анализе СМИ полезно обратиться к сумме этих теорий и попытаться сформировать новую теорию, отвечающую современному этапу развития медиа. Обобщение существующих концепций показывает, что именно функции могут стать основой новой теории журналистики. Мы предпринимая попытку в первом приближении обозначить ее сущностные черты. Материалом нашего исследования станет система современных медиа, а основными методами исследования – историко-

функциональный и сравнительно-типологический, объединенные на основе системного подхода.

Важно отметить, что в основу функциональной теории журналистики должны быть положены не идеальные представления о том, какими журналистика и СМИ должны быть; не субъективные и пристрастные сравнения того, где СМИ свободнее и независимее; не представление о том, что невидимая рука свободного рынка (рынка собственников и рынка потребителей) автоматически гарантирует большой плюрализм и большую независимость медиа; не то, что свободный поток информации и свобода изложения мнений автоматически исключают предвзятость, пропаганду, и манипулирование общественным мнением и проч., а самое простое, очевидное и фундаментальное – функции, которые СМИ выполняют в обществе на данном историческом отрезке. Нам представляется это обоснованным, поскольку функции того или иного субъекта – это и есть его сущность.

В нашей работе мы определяем функцию как «внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений» или – в социологическом аспекте – как «роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому» [Современная энциклопедия, 2023]. На основе такого представления о категории и с опорой на анализ особенностей функционирования современной медиасистемы мы выделяем основные функции журналистики, определяющие ее природу.

1. Информационная функция. Выражается в передаче информации о происходящем в мире (или его отдельных частях). Журналистика родилась как способ удовлетворять информационные (новостные) запросы всё усложняющегося общества. И эта функция журналистики, во-первых, первородна, то есть институциональна, и первична; во-вторых – эксклюзивна. Значение этой функции как главное, несмотря на трансформацию медиасистемы, сохраняется и по настоящее время – как на глобальном уровне (сообщение, значимое практически для всех людей независимо от места проживания), так и на локальном или частном уровне. Ее эксклюзивность заключается в том, что, в отличие от всех других функций, которые могут реализовать прочие социальные институты, информационная функция в глобальном смысле – прерогатива средств массовой информации. Без передачи новостей журналистика как социальный институт перестала бы существовать и выполнять свою социальную миссию.

2. Коммуникативно-интеграционная функция. Заключается в слиянии общества (или системы обществ и государств) в единое целое. Важно подчеркнуть, что существует несколько институтов, имеющих характеристику национальных: территория, государство, вооруженные силы, язык, культура, религия, средства массовой информации и т.д. Последние существуют, в первую очередь, как СМИ на национальном языке. Единое национальное сознание, национальный менталитет сегодня фиксируются, помимо самой жизни, все более и более интернационализирующейся, именно в национальных СМИ – единственном материальном носителе повседневного коллективного сознания общества. Именно через СМИ нация ежедневно «общается» сама с собой. Несколько страниц своего «Восстания масс» Хосе Ортега-и-Гассет посвятил разбору и уточнению утверждения Жозефа Ренана о том, что «жизнь нации – это повседневный плебисцит». Ортега-и-

Гассет называл национальное государство формой такого плебисцита [Ортега-и-Гассет, 2008, с. 156]. Сегодня мы могли бы уточнить: современные СМИ суть публичная трибуна повседневного плебисцита нации.

3. Функция *vox populi* (гласа народа). Проявляется в провозглашении (декларации) интересов общества перед теми, кто этим обществом управляет (в обыденном представлении – перед властью). Журналисты нередко становятся представителями народа во власти. Обращаясь к медиа, граждане могут повлиять на власть не только в ситуации выборов, но и между ними.

4. Политическая функция. Реализуется в управлении поведением членов общества (масс населения) со стороны власть имущих, правящего класса, государства.

5. Функция социализации. Это – воспитание и отчасти образование подрастающих и уже взрослых поколений посредством СМИ. В подавляющем большинстве стран средства массовой информации сегодня в этом процессе играют не меньшую роль, чем семья, система образования или Церковь. Появление этой функции связано как с определенными политическими процессами и с возникновением феномена массового общества, так и (даже в большей степени) с информатизацией и глобализацией общества и систем образования, а также с развитием телеиндустрии развлечений. Необходимо подчеркнуть важность осмысления этой функции, поскольку электронные СМИ – это база внедрения в общественную культуру норм маскульты и поп-культуры.

6. Развлекательная функция. Проявляется в увеселении, развлечении аудитории. Здесь важно оговориться, что термин «развлекательная» принципиален. Замена его на термин «рекреативная», наблюдаемый в некоторых концепциях, представляется нам неправомерным. Рекреация, если быть точным, – это отдых. Если все, что не является работой, считать отдыхом, то тогда, конечно, и чтение газет или просмотр телевизора можно наделить этой функцией. Но не для отдыха (от труда) люди обращаются к медиа. Скорее уж тут, если отталкиваться от естественного стремления людей иногда предаваться ничегонеделанью, просматривается желание убить время. А это не то же самое, что отдых. Развлечение – другое дело. Этого в современных СМИ аудитория, бесспорно, ищет, а сами средства массовой информации подобный запрос удовлетворяют. Поэтому мы в нашей концепции выделяем именно развлекательную функцию.

7. Функция борьбы за социальную справедливость. Реализуется в защите интересов и прав отдельных граждан общества, особенно рядовых. Мы имеем в виду защиту, в первую очередь, не политических, а именно общественных, вплоть до бытовых, интересов и прав людей, причем не «борцов с политическим режимом» и не тех, чья профессия так или иначе связана с политической деятельностью (например, журналистов), а самых обычных людей. Сегодня эта функция чрезвычайно активно реализуется в новых медиа, в социальных сетях.

Эти основные функции СМИ мы могли бы дополнить еще одной – **историографической**. Мы определяем ее как дополнительную и не включаем в перечень основных, поскольку она реализуется произвольно, без специально активного участия самих журналистов. Тем не менее, эта функция чрезвычайно значима – особенно для будущего. Нередко именно журналистские свидетельства

становятся основой для понимания глубинных процессов, происходящих в той или иной стране, том или ином регионе, в конкретной социальной сфере, на уровне культуры или субкультуры. Влияние журналистики на формирование истории – отдельная и очень интересная тема, но она выходит за рамки нашего исследования.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что функциональный подход к журналистике разумен и плодотворен в первую очередь потому, что именно он во многом связывает теорию журналистики с практикой. Он позволяет журналистам ориентироваться в современном предназначении их профессии, а стороннему наблюдателю или исследователю – правильно понять и оценить то, чем миллионы представителей этой профессии ежедневно занимаются. Таким образом, функциональная теория журналистики есть наиболее логичное и исчерпывающее описание и объяснение как целей и задач журналистики, закономерностей ее функционирования в обществе и внутри самой себя как системы, так и мотивов и содержаний действий людей, которые в этой системе работают.

Литература

- Бабюк М. И. (2012). Отечественная журналистика в период перестройки: трансформация политических и социокультурных функций. *История отечественных СМИ*, 1, 5–10.
- Бейненсон В. А., Кузьминова В. О. (2021). «Журналистика действия» как реализация организационной функции СМИ в нижегородской телепрограмме «Кстати». *Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия*. М.: Изд-во факультета журналистики МГУ, 16–17.
- Бурдье П. (1993). *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 336.
- Десяев С. Н. (2019). Музейные ресурсы как средство реализации просветительской функции журналистики. *Известия института педагогики и психологии образования*, 1, 5–9.
- Колбасов С. А. (2021). Историческая журналистика как способ реализации просветительской функции на современном российском телевидении. *Молодой ученый*, 50(392), 120–122.
- Колоев А. С. (2011). Кризис научно-просветительской функции журналистики. *Наука на рубеже тысячелетий*, 10, 58–62.
- Корконосенко С. Г. (2004). *Основы журналистики*. М.: Аспект Пресс, 287.
- Лазарсфельд П. (2018). *Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании*. Ульяновск: УлГУ, 151.
- Левин К. (2019). *Теория поля в социальных науках*. М.: Академический проект, 402.
- Лотман Ю. М. (1992). *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра, 247.
- Маклюэн М. (2020). *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. М.: Академический Проект, 443.
- Мертон Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. М.: Хранитель, 873.
- Науменко Т. В. (2000). Функции журналистики и функции СМИ. *Credo*, 6, 46–50.
- Ноэль-Нойман Э. (1996). *Общественное мнение. Открытие спирали молчания*. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 352.
- Ортега-и-Гассет Х. (2008). *Восстание масс*. М.: АСТ, 156.
- Павлова Н. Л., Аргылов Н. А. (2021). Новостная журналистика: практика подмены функций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 1, 132–141.
- Пронин Е. Е. (1971). *Печать и общественное мнение*. М.: МГУ, 132.
- Прохоров Е. П. (2008). *Эффективность деятельности СМИ*. М.: Факультет журналистики МГУ, 46.
- Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. (1998). *Четыре теории прессы*. М.: Вагриус, 221.
- Современная энциклопедия (2023). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/51082> (Дата обращения: 02.07.2023).
- Соколова А. (2009). Функции журналистики: подходы и проблемы. *Меди@льманах*, 1(30), 10–19.

- Третьяков В. Т. (2015). *Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал*. М.: Ладомир, 664.
- Хоссейнзаде С. (2012). Основные принципы реализации культуроформирующей функции журналистики. *Журналистика и общество*. М., 174–182.
- Цвик В. Л. (2004). *Телевизионная журналистика: История, теория, практика*. М.: Аспект Пресс, 382.
- Эко У. (2005). *Пять эссе на темы этики*. СПб.: Симпозиум, 160.
- Якобсон Р. (1987). *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 464.

References

- Babyuk M. I. (2012). Otechestvennaya zhurnalistika v period perestroyki: transformatsiya politicheskikh i sotsiokul'turnykh funktsiy [Domestic journalism in the period of perestroika: transformation of political and sociocultural functions]. *Istoriya otechestvennykh SMI*, 1, 5–10.
- Beynenson V. A., Kuz'minova V. O. (2021). "Zhurnalistika deystviya" kak realizatsiya organizatsionnoy funktsii SMI v nizhegorodskoy teleprogramme "Kstati" ["Journalism of action" as the implementation of the organizational function of the media in the Nizhny Novgorod TV program "Kstati"]. *Zhurnalistika v 2020 godu: tvorchestvo, professiya, industriya*. Moscow, 16–17.
- Burd'e P. (1993). *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow, 336.
- Desyaev S. N. (2019). Muzeynye resursy kak sredstvo realizatsii prosvetitel'skoy funktsii zhurnalistiki [Museum resources as a means of implementing the educational function of journalism]. *Izvestiya instituta pedagogiki i psikhologii obrazovaniya*, 1, 5–9.
- Eko U. (2005). *Pyat' esse na temy etiki* [Five Essays on Ethics]. St. Petersburg, 160.
- Khosseynzade S. (2012). Osnovnye printsipy realizatsii kul'turoformiruyushchey funktsii zhurnalistiki [Basic principles for the implementation of the culture-forming function of journalism]. *Zhurnalistika i obshchestvo*. Moscow, 174–182.
- Kolbasov S. A. (2021). Istoricheskaya zhurnalistika kak sposob realizatsii prosvetitel'skoy funktsii na sovremennom rossiyskom televidenii [Historical journalism as a way to implement the educational function on modern Russian television]. *Molodoy uchenyy*, 50(392), 120–122.
- Koloev A. S. (2011). Krizis nauchno-prosvetitel'skoy funktsii zhurnalistiki [Crisis of scientific and educational function of journalism]. *Nauka na rubezhe tysyacheletiy*, 10, 58–62.
- Korkonosenko S. G. (2004). *Osnovy zhurnalistiki* [Fundamentals of journalism]. Moscow, 287.
- Lazarsfel'd P. (2018). *Vybor naroda: kak izbiratel' prinimaet reshenie v prezidentskoy kampanii* [People's Choice: How the Voter Decides in a Presidential Campaign]. Ul'yanovsk, 151.
- Levin K. (2019). *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in the social sciences]. Moscow, 402.
- Lotman Yu. M. (1992). *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Articles on semiotics and typology of culture]. Tallin, 247.
- Maklyuen M. (2020). *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Galaxy Gutenberg. Becoming a typing person]. Moscow, 443.
- Merton R. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow, 873.
- Naumenko T.V. (2000). Funktsii zhurnalistiki i funktsii SMI [Functions of journalism and functions of the media]. *Credo*, 6, 46–50.
- Noel'-Noyman E. (1996). *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [Public opinion. Opening the Spiral of Silence]. Moscow, 352.
- Ortega-i-Gasset H. (2008). *Vosstanie mass* [Revolt of the masses]. Moscow, 224.
- Pavlova N. L., Argylov N. A. (2021). Novostnaya zhurnalistika: praktika podmeny funktsiy [News journalism: the practice of function substitution]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 1, 132–141.
- Pronin E. E. (1971). *Pechat' i obshchestvennoe mnenie* [Press and public opinion]. Moscow, 132.
- Prokhorov E. P. (2008). *Effektivnost' deyatel'nosti SMI* [Media performance]. Moscow, 46.
- Sibert F., Shramm U., Piterson T. (1998). *Chetyre teorii pressy* [Four press theories]. Moscow, 221.
- Sovremennaya entsiklopediya [Modern Encyclopedia]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/51082> (Accessed: 02.07.2023).
- Sokolova A. (2009). Funktsii zhurnalistiki: podkhody i problemy [Functions of journalism: approaches and problems]. *Medi@l'manah*, 1(30), 10–19.

- Tret'yakov V. T. (2015). *Teoriya televideniya. TV kak neoyazychestvo i kak karnaval* [The theory of television. TV as neo-paganism and as a carnival]. Moscow, 664.
- Tsvik V. L. (2004). *Televizionnaya zhurnalistika: Istoriya, teoriya, praktika* [Television journalism]. Moscow, 382.
- Yakobson R. (1987). *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, 464.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Виталий Товиевич Третьяков – профессор, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ имени М. В. Ломоносова; ORCID: 0009-0007-0734-1608; hstv@bk.ru

V. T. Tret'yakov

FUNCTIONAL THEORY OF JOURNALISM: TOWARD A PROBLEM STATEMENT

Abstract. The transformation of the mass media system requires a timely review of the theoretical foundations of their existence. From the point of view of understanding the modern media system, it is fundamentally important to determine the foundations of its functioning. In this article, an attempt is made to form a functional theory of journalism based on an analysis of existing concepts and modern media trends. The main functions of the media are singled out: informational, communicative, vox populi, political, entertainment, the function of socialization and the function of the struggle for social justice. The significance of these functions is explained in relation to the current situation in the field of journalism. The essence of each of them and its influence on various levels of media functioning are revealed. An additional function of journalism is called historiographic. The levels of its manifestation in the work of modern mass media are explained.

Keywords: journalism, media, functions, functional theory of journalism

For citation: Tret'yakov V. T. (2023). Functional theory of journalism: Toward a problem statement. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 395–401. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).395-401

Н. О. Шестерин

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОБЛЕМА ПРИОРИТИЗАЦИИ МЕДИАКОНТЕНТА

Аннотация. Развитие технологий искусственного интеллекта в значительной степени трансформирует технологии создания медиатекста. Современный журналист должен учитывать параметры настроек рекомендательных алгоритмов не только при выборе темы, но и при формировании языка произведения и подборе выразительных средств. Это рождает немало проблем – как творческих, так и технико-технологических. В настоящей статье мы предпринимаем попытку на основе анализа рекомендательных алгоритмов социальных сетей (ВКонтакте, Дзен, Twitter), видеохостинга (YouTube, Tiktok) и основных поисковых систем конкретизировать характер их воздействия на процесс создания, распространения, а затем и восприятия медиатекста. С опорой на метод анализа контента и историко-функциональный метод мы выявляем ключевые проблемы, рождаемые рекомендательными алгоритмами, и предлагаем пути их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, новые медиа, приоритизация медиаконтента, рекомендательные алгоритмы

Для цитирования: Шестерин Н. О. Искусственный интеллект и проблема приоритизации медиаконтента // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 402–409. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).402-409

Искусственный интеллект находит применение в широком спектре задач, решающих проблемы сортировки, классификации и оптимизации. Применительно к новым медиа это задачи подбора контента отдельным читателям, зрителям, слушателям или группам аудитории, а также поддержания здоровья экосистемы веб-платформы, эксплуатирующей пользователей для создания контента, цензуры и модерации контента – множества фундаментальных аспектов функционирования новых медиа вплоть до автокоррекции текста.

Как и у любых алгоритмов, у алгоритмов, используемых в сфере медиа, есть свои слабости, ограничения и несовершенства: некоторые позволяют находчивым пользователям эксплуатировать эти алгоритмы неочевидными путями, вредящими здоровью платформы; некоторые несправедливо усложняют или облегчают труд создателей контента; а некоторые и вовсе деструктивно влияют на развитие социума – в рамках рассматриваемой платформы и в целом в масштабах человечества. Все эти проблемы заставляют исследователей медиа активно обращаться к теме Искусственного Интеллекта и анализировать последствия его развития в контексте трансформации медиасистемы [Кривуля, 2022; Шестерин, Шестерина, 2022; Шестерина, 2023; Каминская, Томмингас, 2020]. Так, ученых волнует этическая сторона проблемы [Лукина и др., 2022; Фролова и др., 2020]. Ряд исследователей касается возможностей использования технологий искусственного интеллекта для анализа пользовательского поведения [Спивакова, 2017]. Однако процессуально ситуация с рекомендательными алгоритмами, их потенциалом и рисками, связанными с активизацией их вторжения в медиасферу, еще не получила достаточного освещения. В данной статье мы на основе анализа рекомендательных алгоритмов социальных сетей (ВКонтакте, Дзен, Telegram), видеохостинга (YouTube) и основных поисковых систем с применением метода анализа контента и историко-

функционального метода попытаемся определить функциональные особенности работы такого рода алгоритмов и найти возможные причины и пути решения вызываемых ими проблем.

Типичным примером использования алгоритмов сортировки в новых медиа являются алгоритмы приоритезации популярного контента. Здесь следует заметить, что технологическая природа таких алгоритмов в данном контексте маловажна: в большинстве современных алгоритмов рекомендации используется комбинация гибких обученных методов на основе нейросетей и жестких математических процедур, рассчитанных и настроенных людьми [Herrmann, Saltonstall, 2023]. Как станет очевидно дальше, главные проблемы алгоритмов приоритезации происходят не из их технической организации, а из самого факта существования системы, решающей, какие медиа предлагаются к потреблению какому конкретно пользователю. Поэтому термин «искусственный интеллект» в данной статье используется в общем смысле, как набор автономных методов, решающих задачи и реагирующих на изменения в их условиях [Ильясов, 1986]. В случае онлайн-видеохостингов такой алгоритм отбирает видео для отображения в ленте поиска или на главной странице сайта. На первый взгляд, задача этого алгоритма обезоруживающе проста – более популярные видео должны появляться в ленте более часто большему числу пользователей. На практике же для поддержания здоровья платформы и сохранения качества контента, показываемого зрителю, такому алгоритму приходится учитывать сотни факторов и выполнять множество требований. К наиболее существенным можно отнести:

1. Предотвращение экспоненциального роста популярности. Чем больше людей смотрят видео, тем более популярным оно становится и тем больше людей увидят его на сайте, что может привести к эффекту снежного кома и не только сделать видео незаслуженно популярным, но и помешать другим видео попасться на глаза пользователям.

2. Предоставление шанса на успех видео с небольшим числом просмотров или от каналов с небольшим числом подписчиков. Чтобы у новых создателей контента был шанс на успех, их видео должны попасть на глаза минимально необходимому числу зрителей – иначе только известные и устоявшиеся каналы будут получать всё пространство ленты и главной страницы сайта, приводя к стагнации.

3. Предотвращение излишней гомогенизации контента и предоставления пользователям популярного контента вне их круга интересов. Помимо популярных видео, рассчитанных на массовую аудиторию, должны существовать видео, отвечающие узким нишевым интересам индивидуальных пользователей. В противном случае платформа рискует потерять существенную часть своей аудитории, а популярный контент рискует стать излишне однородным. При этом следует ограничивать показ таких нишевых видео широкой аудитории, так как это также может привести к потере интереса у среднего зрителя и, как следствие, потере этой самой большой группы аудитории.

4. Предотвращение манипуляции алгоритмом. Если видео отбираются по популярности, основываясь на какой-то одной метрике, и эту метрику возможно подделать, пользователи монетизированных платформ, несомненно, воспользуются такой возможностью, причём при обнаружении такой возможности большое число

пользователей станут эксплуатировать её одновременно, чтобы обогнать конкурентов, что приведёт к лавинному падению качества рекомендованного контента на платформе.

5. Необходимость модерации и цензуры. Большинство стран накладывают те или иные ограничения на то, какой контент может демонстрироваться их аудитории. Если платформа получает прибыль от показа рекламы, заказчики также, скорее всего, потребуют определенных ограничений на то, какие видео будут показываться рядом с их рекламными объявлениями. И, в отличие от случаев, когда законодательные требования площадки могут игнорировать с незначительными последствиями, требования рекламодателей чаще всего ставятся превыше любых других факторов. При этом вовсе убирать нежелательные видео с платформы или даже существенно их деприоритизировать также непрактично – это может привести к существенному оттоку аудитории и создателей контента. Под ограничения попадает не только объективно вредный контент, но и видео непрофессионального качества. Сами требования часто меняются или иногда выдвигаются правительствами стран в состоянии диктатуры – алгоритму нужно поддерживать хрупкий баланс и отбирать, какой контент показывается каким пользователям, причём, в большинстве случаев, автоматически.

Итак, алгоритм приоритизации контента состоит из множества иногда противоречивых инструкций, каждая из которых необходима для функционирования платформы и, как следствие, должна находиться в балансе с остальными. При этом у создателей платформы остаётся существенная степень свободы в определении приоритетов алгоритма в целом: будет ли алгоритм играть на пользу крупным создателям или большому числу небольших, в том числе новых, каналов; будет ли алгоритм приоритизировать прибыль создателей или прибыль платформы; будет ли алгоритм потакать требованиям могущественных, но морально обанкротившихся сил или гуманистическим принципам морали; будет ли алгоритм выступать в роли полиции нравов и ограничивать контент, который создатели платформы по тем или иным причинам считают нежелательным, или оставаться морально нейтральным? Все эти вопросы напрямую касаются как законодательной, так и этической сторон работы медиа. Стоит также отметить, что та или иная стратегия, выбранная платформой, будет реализована людьми, программистами и, как следствие, неизбежно будет иметь недостатки.

Таким образом, алгоритмы приоритизации контента имеют три потенциальных уязвимости: нарушение баланса приоритетов отбора, выбор создателями платформы неудачных практик и ограничений и эксплуатация несовершенств алгоритма злоумышленниками.

Первая из этих уязвимостей – нарушение баланса – может привести к падению качества контента на платформе, несправедливому распределению аудитории и возможностей между небольшими и крупными каналами, сатурации однотипным контентом в результате лавинных трендов, несправедливой или чрезмерно жесткой деприоритизации «нежелательного» контента. Вторая – неудачные практики – может привести к несправедливому обращению с создателями контента (жесткие или вовсе ошибочные баны или страйки, низкая оплата труда, перекладывание обязанностей контроля качества с платформы на создателей (самомодерации) с неопределёнными

правилами), нарушению человеческих прав (блокировка или деприоритизация контента или создателя по признакам религиозной принадлежности, гендерной идентичности, национальности или политической аффилиации), массовому оттоку аудитории и рабочей силы (например, в результате жесткого бана программ, позволяющих пользователям блокировать рекламу на сайте) и даже к юридическим проблемам. Третья уязвимость – программные ошибки – может спровоцировать проблемы, схожие с первыми двумя, но также позволяет злоумышленникам эксплуатировать алгоритм (посредством ботов, незаконного доступа к скрытой статистической информации, личным данным пользователей и т.д.).

Некоторые из этих проблем в определённой степени неизбежны. Например, программные ошибки – неотъемлемая часть процесса разработки цифровых продуктов. Так как онлайн-видеохостинги и в целом онлайн социальные платформы постоянно развиваются и адаптируются к переменам в медиасфере и обществе, эти ошибки будут всегда. Также в большой степени неизбежна проблема модерации и цензуры – даже при условии, что алгоритм реализует эти практики идеально и с результатами, задуманными разработчиками, противоречивые и часто негуманные требования иногда враждующих государств, социальных групп и общественных организаций продолжают вызывать прения, долговременные и острые кризисы, выходящие далеко за пределы платформы и в целом онлайн-медиасферы. Однако многие из этих проблем происходят не из фундаментальных свойств алгоритма, но из корыстных мотивов его создателей.

Проблемы первого рода можно если не решить, то купировать – найти решения, сводящие их эффекты к минимуму. Конкретно, проблема сатурации, понижения качества контента и деприоритизации нишевого контента решаются алгоритмами рекомендации, подбирающими видео непосредственно под вкусы конкретного зрителя. Эти алгоритмы работают в тандеме с глобальным алгоритмом приоритизации контента и вместе вычисляют вероятность того, что то или иное видео попадётся на глаза тому или иному пользователю. Эти алгоритмы сами также уязвимы и имеют сходные с неспециальными алгоритмами приоритизации несовершенства, однако последствия этих недостатков всё же менее деструктивны. Проблема модерации нежелательного контента также отчасти решается ими – пользователи, находящие тот или иной контент оскорбительным или психически дестабилизирующим, скорее всего, не встретят его в своих лентах. Главной уязвимостью здесь является то, что сложнейшие взаимоотношения этого множества факторов легко расстраиваются и могут, например, привести к тому, что определённый тип контента не показывается почти никому по произвольным причинам и, как следствие, изживается с платформы, или наоборот, создаёт социальные пузыри – частично замкнутые сообщества заинтересованных людей, изолированных от глобального медиaprостранства. Проблемы второго рода – проблемы, вызванные корыстной природой таких платформ, сложнее и не могут быть исправлены изнутри. Платформы онлайн-видеохостингов, социальных сетей и т.д. в подавляющем большинстве случаев обеспечиваются владеющими ими бизнесами. Как правило, это огромные корпорации, превыше всего ставящие прибыль и рост, которые, в свою очередь, обеспечиваются рекламодателями – часто сотнями разношерстных бизнесов и организаций, каждая из которых выдвигает свои

требования, в том числе политического и идеологического характера, но, по большому счету, также мотивирована прибылью и, прежде всего, хочет обеспечить безопасность своей рекламе.

В идеальных условиях, когда бизнес получает «достаточно» прибыли и платформа может позволить себе вести себя в соответствии с нормами морали и гуманности, разработчики постараются учесть интересы маргинальных групп, создателей контента, аудитории. Однако на практике такие условия недостижимы. Помимо финансовых кризисов, вызванных рыночными трендами и происходящими за пределами среды онлайн-медиа, сама финансовая модель, которой следуют видеохостинги, подобные YouTube или Tiktok, социальные сети, подобные Twitter или ВКонтакте, требуют постоянного роста, постоянного увеличения прибыли. Это, в конечном итоге, то, чего хотят инвесторы, и это – единственный интерес, общий для всех инвесторов. Как следствие, более тонкие, человеческие интересы различных групп, в том числе тех, к которым принадлежат члены инвестиционной группы, теряют приоритет. Остаётся лишь корпоративная жадность.

Добиться роста можно несколькими способами, в том числе теми, которые не навредят, а даже улучшат пользовательский опыт обитателей платформы за счет увеличения аудитории посредством улучшения сервиса, культивации качественного контента, облегчения трудового процесса создателей медиаконтента. Но эти способы приносят результат в долгосрочной перспективе, и часто сложно доказательно определить, что именно эти практики привели к росту прибыли.

В то же время краткосрочные жесткие практики, выжимающие из платформы максимальный доход, дают моментальные, хорошо заметные результаты: увеличение числа рекламных вставок, увеличение числа типов рекламных вставок (реклама, прерывающая потребление контента, реклама, сопровождающая потребление контента, реклама платной версии сервиса, предоставляемого платформой), приоритизация и продвижение крупных каналов с брендовыми контрактами на рекламу, приоритизация контента, вызывающего наиболее активную реакцию и наиболее явный эффект снежного кома. Всё это приводит к пропорциональному увеличению прибыли, что намного проще «продать» на совещании с инвестиционной группой или советом директоров. Точно так же работают жесткие деструктивные практики немедленного действия – то, что инвесторы часто требуют прямо в случаях, когда их рекламируемая собственность находится под реальной или вымышленной угрозой. В случае, когда независимый создатель контента, по мнению одного из рекламодателей или владельца интеллектуальной собственности, нарушает их права копирайта или вредит их брендовому имиджу, платформа почти всегда встанет на сторону денег и будет эксплуатировать собственную систему разрешения конфликтов для того, чтобы сделать выигрышный исход для создателя контента практически невозможным. Такое поведение естественно и ожидаемо – бизнесы оперируют бесчеловечной логикой, и в ситуации, когда одна сторона обладает всеми финансовыми и юридическими ресурсами для защиты своих интересов, держит в своих руках рычаги давления на самый важный для платформы ресурс – прибыль, – а другая сторона приносит им сравнительно мизерный доход, не обладает такими ресурсами и из

рычагов давления имеет только разве что непостоянное и забывчивое общественное мнение, выбор владельцев платформы будет очевиден [Daniel, 2023].

Возможные решения этой проблемы далеко выходят за пределы самого алгоритма приоритизации. Основываясь на прошлом опыте, действенными решениями являются правительственные ограничения и / или передача управления платформой коллективу независимых создателей. Первое решение показало себя успешным применительно к проблеме эксплуатации IT-компаниями своих поисковых сервисов и негласной продажи приоритизации третьим лицам (компании искусственно завышали приоритет своих сайтов, сервисов и рекламных объявлений или таковых третьих лиц за существенную плату). Проблема была решена глобально посредством наложения законных ограничений законодательствами США и нескольких других стран (США здесь отдаётся приоритет, поскольку большинство крупных IT-компаний во время кризиса базировались в США). Второе решение показало эффективность в среде видеохостингов. Так, платформа Nebula и подобные ей сервисы, созданные и управляемые самими создателями контента, дают участникам пропорциональную степень влияния на принимаемые решения и обеспечивают защиту их прав как авторов [Nebula, 2023].

Итак, в данной статье мы провели обзор основных методов искусственного интеллекта, лежащих в основе алгоритмов поиска и приоритизации онлайн-медиаконтента. Мы описали их основные функции и уязвимости, определили основные вытекающие из них проблемы. Мы выделили два типа проблем – врождённые неизбежные проблемы конфликтующих требований и проблемы, вызванные финансовой моделью владеющих алгоритмами организаций. Мы предложили возможные решения, в том числе с уже существующими успешными примерами реализации. В итоге можно сделать вывод о том, что неизбежное внедрение технологий искусственного интеллекта в практики производства и распространения медиаконтента неизбежно сопряжено с целым рядом проблем. Эти проблемы невозможно устранить окончательно на каком-либо этапе развития медиасферы в силу динамичности протекающих в ней процессов. Только постоянное сканирование и контроль ситуации, постоянный поиск «противоядия» против рождаемых новыми технологиями проблем может стабилизировать текущее положение дел. Наряду с этим важно подчеркнуть, что при соблюдении этого условия технологии искусственного интеллекта вообще и алгоритмы приоритизации в частности являются эффективным инструментом в руках медиакриэйторов.

Литература

- Ильясов Ф. Н. (1986). Разум искусственный и естественный. *Известия АН Туркменской ССР. Серия: Общественные науки*, 6, 46–54.
- Каминская Т. Л., Томмингас Т. (2020). Яндекс Дзен: новый медийный и обучающий формат. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 4(29), 1. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).1
- Кривуля Н. Г. (2022). Искусственный интеллект и четвертая революция в киноиндустрии. *Актуальные проблемы электронных и интерактивных медиа*. М: Издательство ВШТ МГУ, 5–66.
- Лукина М. М., Замков А. В., Крашенинникова М. А., Кульчицкая Д. Ю. (2022). Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации. *Вопросы теории и практики журналистики*, 11(4), 680–694.

- Спивакова К. С. (2017). Возможности искусственного интеллекта для анализа и прогнозирования поведения потребителей в социальных медиа. *Шаг в будущее: Искусственный интеллект и цифровая экономика*. М.: Издательство Государственного университета управления, 241–246.
- Фролова Т. И., Лукина М. М., Крашенинникова М. А., Замков А. В. (2020). Искусственный интеллект и медиа: новые термины в профессиональном тезаурусе. *Актуальные проблемы медиаисследований – 2020*. М.: Издательство факультета журналистики МГУ, 124–126.
- Шестерин Н. О., Шестерина А. М. (2022). Процесс взаимодействия человека и искусственного интеллекта в медиaprостранстве компьютерных игр. *Неофилология*, 8(1), 128–136.
- Шестерина А. М. (2023). Потенциал использования технологий искусственного интеллекта в обучении креативным профессиям. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 1(52), 277–282.
- Daniel (2023). YouTube [Электронный ресурс]. *RTGame*. URL: https://youtu.be/Pn4_oD-TJw0 (Дата обращения: 01.06.2023).
- Herrmann K., Saltonstall M. (2023). How to provide better search results with AI ranking [Электронный ресурс]. *Google Cloud blog*. URL: <https://cloud.google.com/blog/topics/developers-practitioners/how-provide-better-search-results-ai-ranking> (Дата обращения: 01.06.2023).
- Nebula (2023). Nebula terms of service [Электронный ресурс]. *Nebula*. URL: <https://nebula.tv/terms> (Дата обращения: 01.06.2023).

References

- Daniel (2023). YouTube. RTGame. Available at: https://youtu.be/Pn4_oD-TJw0 (Accessed: 01.06.2023).
- Frolova T. I., Lukina M. M., Krashennnikova M. A., Zamkov A. V. (2020). Iskusstvennyy intellekt i media: novye terminy v professional'nom tezauruse [Artificial Intelligence and Media: New Terms in the Professional Thesaurus]. *Aktual'nye problemy mediaissledovaniy – 2020*. Moscow, 124–126.
- Herrmann K., Saltonstall M. (2023). How to provide better search results with AI ranking. *Google Cloud blog*. Available at: <https://cloud.google.com/blog/topics/developers-practitioners/how-provide-better-search-results-ai-ranking> (Accessed: 01.06.2023).
- Il'yasov F. N. (1986). Razum iskusstvennyy i estestvennyy [Mind artificial and natural] *Izvestiya AN Turkmenskoy SSR. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 6, 46–54.
- Kaminskaya T. L., Tommingas T. (2020). Yandex Dzen: novyy mediynnyy i obuchayushchiy format [Yandex Zen: a new media and training format]. *Memoirs of NovSU*, 4(29), 1. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).1
- Krivulya N. G. (2022). Iskusstvennyy intellekt i chetvertaya revolyutsiya v kinoindustrii [Artificial intelligence and the fourth revolution in the film industry]. *Aktual'nye problemy elektronnykh i interaktivnykh media*. Moscow, 5–66.
- Lukina M. M., Zamkov A. V., Krashennnikova M. A., Kul'chitskaya D. Yu. (2022). Iskusstvennyy intellekt v rossiyskikh media i zhurnalistike: k diskussii ob eticheskoy kodifikatsii [Artificial Intelligence in Russian Media and Journalism: Toward a Discussion on Ethical Codification]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 11(4), 680–694.
- Nebula (2023). Nebula terms of service. *Nebula*. Available at: <https://nebula.tv/terms> (accessed: 01.06.2023).
- Shesterin N. O., Shesterina A. M. (2022). Protsess vzaimodeystviya cheloveka i iskusstvennogo intellekta v mediaprostranstve komp'yuternykh igr [The process of human interaction and artificial intelligence in the media space of computer games]. *Neofilologiya*, 8(1), 128–136.
- Shesterina A. M. (2023). Potentsial ispol'zovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v obuchenii kreativnym professiyam [The potential of using artificial intelligence technologies in teaching creative professions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 1(52), 277–282.
- Spivakova K. S. (2017). Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta dlya analiza i prognozirovaniya povedeniya potrebiteley v sotsial'nykh media [Artificial Intelligence Capabilities for Analyzing and Predicting Consumer Behavior in Social Media]. *Shag v budushchee: Iskusstvennyy intellekt i tsifrovaya ekonomika*. Moscow, 241–246.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Никита Олегович Шестерин – аспирант, НИУ Высшая школа экономики, факультет медиа и дизайна;
ORCID: 0000-0003-2134-8412; nshesterin@gmail.com

N. O. Shesterin

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROBLEM OF MEDIA CONTENT PRIORITIZATION

Abstract. The development of artificial intelligence technologies significantly transforms the process of creating media-texts. The modern journalist must consider the mechanisms behind recommendation algorithms not only when choosing their subject but also when choosing means of expression within the text. This creates many problems - both creative and technical-technological ones. In this article, we attempt to analyse the recommendation algorithms of social networks (Vkontakte, Dzen, Twitter), video-hosting sites (YouTube, Tiktok) and major search engines, determine their influence on the creative process, outreach, and consumption of media-texts. Relying on the method of content-analysis as well as the historical-functional method, we highlight key issues that result from recommendation algorithms and suggest possible solutions.

Keywords: artificial intelligence, new media, media-content prioritization, recommendation algorithms

For citation: Shesterin N. O. (2023). Artificial intelligence and the problem of media content prioritization. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 402–409. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).402-409

Н. А. Владимирова

«СЕЛЬСКИЙ ПЕДАГОГ ПО ПОДАТНОЙ ЧАСТИ», ИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДАТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ В УЕЗДЕ

Аннотация. Одной из важнейших обязанностей податных инспекторов был контроль за сбором налогов в том числе и налогов с крестьянского населения. Многие законодательные документы в период с 1899 по 1910 годы были посвящены именно этой деятельности местного органа финансовой власти. Термин окладных сборов очень часто фигурировал в делах этих чиновников, и для того, чтобы этот налог поступал в казну исправно, податные инспектора делали многое. Они совершали продолжительные разъезды по своим участкам для сбора сведений о крестьянском населении, взаимодействовали с местными органами Министерства внутренних дел и даже разрабатывали наилучшие меры для погашения недоимок. Поэтому работа по окладным сборам требовала от податных инспекторов усиленной деятельности именно в уезде и с уездными органами местного управления и самоуправления, а также с населением.

Ключевые слова: податные инспектора, прямые налоги, уезд, население, подати, недоимки

Для цитирования: Владимирова Н. А. «Сельский педагог по податной части», или деятельность податных инспекторов в уезде // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 410–416. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).410-416

Окладным сборам уделялось очень много внимания в различных документах, касающихся податных инспекторов. Изучив доступные материалы, относящиеся к данному сбору, можно предположить, что речь шла либо о государственном поземельном налоге (хотя ни сами податные инспектора, ни вышестоящие чиновники никогда так его не называли), либо о мирских сборах (которые также так не назывались).

Как писал С. И. Иловайский, «среди прямых налогов одно из первых мест, как по историческому, так и по современному значению принадлежит поземельному налогу» [Иловайский, 1904]. А. В. Толкушин отмечал, что мирские сборы к концу XIX века составляли более 20% всех платежей крестьян [Толкушин, 2001, с. 91]. Кроме того, довольно большую часть своего рабочего времени податные инспектора проводили в разъездах по волостям и селениям, изучая на местах экономическое состояние крестьянского населения. Поэтому крайне важно изучить деятельность этих чиновников в сфере окладных сборов.

Помимо работы с волостными правлениями податные инспектора часто контактировали с населением. По этой же причине довольно остро у податных инспекторов вплоть до 1910 года стоял вопрос о служебной форме. Податные инспектора указывали на неграмотность населения и на то, что форма в уезде мгновенно могла бы придать чиновникам вес среди населения (только фуражку, которая была у податных инспекторов, крестьяне не признавали и могли даже оскорбить инспектора). Традиционно форма пользовалась почетом в деревне [РГИА, б.д., д. 179, л. 6]. Данный факт указывает на то, как много работы должен был выполнять податный инспектор в этом направлении.

В 1909 году управляющий Московской казенной палаты рассчитал, сколько труда затрачивается податными инспекторами для работы по окладным сборам.

Работа уездных податных инспекторов по взиманию окладных сборов с крестьян определялась как числом селений и волостей, так и степенью податной исправности населения. Чтобы суммировать эти три показателя, нужно было их привести к одному знаменателю.

Управляющий казенной палатой к числу селений прибавлял число волостей, умноженное на среднее по губернии число селений в одной волости (35 в Московском уезде) и увеличенное втрое число недоимочных селений. Таким образом, он получал число единиц работы по окладным сборам, которое составило по губернии 24 602. Чтобы выразить этот итог в принятой для измерения работы общей единицы (в Московской губернии был принят квартирный налог как самый не затратный по времени работы), было нужно принять во внимание, что взимание окладных сборов поглощало у податных инспекторов приблизительно столько же времени, сколько и промысловый налог. Поэтому если единицы труда по этому налогу принимались с тройным удельным весом, то и по окладному нужно было увеличить втрое. Таким образом, получилось 73 806 единиц, что составляло 43% от общего объема работы (171 144 единицы) [РГИА, б.д., д. 299, л. 115].

Как писал управляющий Екатеринославской казенной палатой, отношение к податным инспекторам изменилось с принятием положения 23 июня 1899 «О порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» [РГИА, б.д., д. 743, л. 54].

Податные инспектора вместе с земскими начальниками стали главными участниками в общей с ними работе по устройству закономерного порядка взимания окладных сборов с надельных земель [ПСЗ, с. 805]. По закону от 12 марта 1903 податные инспектора единовластно руководили делом по взысканию недоимок [ПСЗ, с. 135].

Эти чиновники являлись единственными лицами в уездах, прямо заинтересованными как в организации взимания окладных сборов, так и в его результатах.

Земские начальники относились к юрисдикции Министерства внутренних дел, поэтому их отношение к взиманию налога было совершенно пассивно. Они, согласно положению от 23 июня 1899 года, должны были играть в податном деле первенствующую роль. Однако на практике, как пишет управляющий Екатеринославской казенной палатой, они смотрели на эту часть своих обязанностей как на дело им чуждое или в лучшем случае играли роль безучастных проводников мер, предлагаемых податными инспекторами. Поэтому главными действующими лицами в губернии и ответственными за успешное взимание окладных сборов фактически являлись управляющие казенными палатами, которые в уезде опирались на податных инспекторов и без них были бессильны достичь закономерного устройства и успешных результатов взимания сборов.

При этом податным инспекторам приходилось вести энергичную борьбу с традициями, установившимися среди сельских органов взимания налогов. При действии круговой поруки им нужно было воспитывать в крестьянах сознание личной ответственности и искоренять общераспространенное от прежнего времени смешение поступлений одних плательщиков с поступлением других, одних сборов с другими и проч. Для этого было необходимо правильное податное счетоводство,

ведение которого представлялось иногда затруднительным в связи с малограмотностью сотрудников органов взимания и ввиду пассивного сопротивления земских начальников, которые отстаивали рутинное отношение к делу под предлогом экономии мирских средств населения.

В результате для податного инспектора была создана плодотворная по результатам, но очень трудная и сложная работа в качестве наставника или «сельского педагога по податной части», для исполнения которой он был вынужден постоянно объезжать свои участки и проводить ревизию волостных и сельских правлений (иногда по несколько раз в год) [РГИА, б.д., д. 743, л. 54].

Чаще всего в делах податные инспектора надзирали за сбором недоимок. Они собирали сведения о недоимках, контролировали соблюдение сельскими и волостными начальствами и полицией установленных законом порядков взимания окладов, проверяли, своевременно ли те принимали к взысканию недоимки все указанные законом меры. Путем обстоятельного расследования хозяйственного состояния местности податные инспектора выясняли причины накопления недоимок и платежную способность должников.

После окончания периодов взноса окладных сборов 1 июля и 1 января, податные инспектора, получив из уездных казначейств (не позднее чем через 7 дней по истечении срока) сведения о недоимках по каждой волости, отправляли отчеты о них в казенную палату. Они должны были это сделать не позднее, чем через месяц после получения данных.

Кроме того, податные инспектора могли ходатайствовать в казенную палату о предоставлении льгот населению. Правда, данные события должны были происходить под влиянием обстоятельств, не зависящих от плательщиков. В пункте 18 «Наказа податным инспекторам Европейской части России» перечислялись временные (неурожай, пожар, град и т.д.) и постоянные (недоброкачественность надела и т.п.) обстоятельства [Чичинадзе, 1897, с. 13].

По тому же Наказу податные инспектора обязаны были каждый год предоставлять в казенную палату отчеты о своей деятельности [Чичинадзе, 1897, с. 14]. В Российском государственном архиве хранится один из первых отчетов податных инспекторов Псковской губернии. Скорее всего, из-за того, что податные инспектора еще не до конца разобрались со своими обязанностями, их отчеты подверглись жесткой критике управляющим Псковской казенной палатой. В своих замечаниях управляющий палатой описывал, что податные инспектора должны были присылать сведения по статьям 11, 12, 16, 17, 18 Наказа, в которых изложены правила, касающиеся взимания окладных сборов, взыскания недоимок, принимаемых для этого мер, составления и передачи окладных листов, порядка объявления крестьянам суммы, причитающихся с них сборов, и частных сроков платежей. Эта информация касалась тех отраслей, по которым ни одно заявление, указание, суждение или предложение податных инспекторов не могло быть высказано без подкрепления строго определенными цифрами и данными, и поэтому любая мера, принятая этим чиновником для того, чтобы погасить недоимки, должна быть обстоятельно изложенная. Управляющий Псковской казенной палатой отмечал, что некоторые отчеты были лишены ожидаемой последовательности, точности, полноты и ясности в этом вопросе [РГИА, б.д., д. 77, л. 127].

Тем не менее, этот вопрос активно обсуждался на съездах податных инспекторов, которые проводились для совместного обсуждения и решения наиболее трудных вопросов. Чиновники и управляющие казенными палатами нередко отмечали, что их деятельность в этом отношении была медлительна. В частности, в Московской губернии активная работа начиналась только к концу года после циркулярного предложения со стороны управляющего казенной палатой, который указывал на неудовлетворительное поступление окладных сборов и предлагал усилить принудительные меры [РГИА, б.д., д. 744, л. 588].

Однако Киреевский во время своей ревизии податной инспекции Новгородской губернии писал в отчете, что жалобы земства на огульное бездействие податных инспекторов необоснованны. Деятельность податных инспекторов была малоуспешна из-за влияния местной администрации. Сами же податные инспектора делали все, что было в их силах, чтобы погасить недоимки. Чиновники постоянно настаивали на своевременном производстве описей у недоимщиков и недоборщиков, указывали волостным старшинам на соблюдение частных сроков сбора и т.д. Они также вели общую переписку о взыскании окладных сборов из зарплаты местных жителей и отходников, а также из других сумм. По словам ревизора, делалось это в интересах земства [РГИА, б.д., д. 592, л. 26-27].

Стоит упомянуть, что ревизия проводилась в 1906 году – самый пик революции, поэтому выдвигались предположения, что неплатежи могли носить и политический характер [РГИА, б.д., д. 592, л. 24].

Правильное наблюдение за сбором окладных налогов невозможно без контроля счетоводства. Поэтому на податных инспекторов ложились обязанности по проверке правильности ведения счетоводства по окладным сборам в селениях и волостях [ПСЗ, с. 808].

Еще в 1886 году, оправдывая свой плохой, по мнению управляющего Псковской казенной палаты, отчет, податный инспектор 2-го участка Псковской губернии писал, что запутавшиеся в счетах плательщики ждали окончания путаницы и бесконтрольных расчетов. Казалось, что взимания безграмотными сельскими властями с безграмотного населения, проводимое под некоторым контролем могущественного волостного писаря, наконец, будут закончены. И действительно это прекратилось, но надолго ли? Будет ли возможность продолжать начатое? Это оставалось загадкой для податного инспектора. Говоря о своем участке, он глубоко верил, что если дело наблюдения за денежной частью в волостных правлениях будет поставлено на твердые начала, то оно могло бы принести несомненную пользу. Но если обстоятельства заставили бы отодвинуть это дело на задний план, то может быть, было бы лучше совсем его оставить [РГИА, б.д., д. 77, л. 3].

Из отчетов податных инспекторов этой же губернии можно заметить, что в 1909 году они все еще продолжали свою деятельность по контролю волостного счетоводства, правда, безуспешно [ГАПО, б.д., д. 167].

В том же 1909 году на съезде податных инспекторов Казанской губернии чиновники пришли к выводу, что на податной надзор отнюдь не была возложена массовая проверка участков, что на практике было бы совершенно невозможно [РГИА, б.д., д. 744, л. 1291].

Хотя в пример приводился податной инспектор Ядринского уезда, которым была произведена массовая проверка только по двум волостям, потому что там не были выполнены его предписания, касающиеся производства учёта, а участковые приговоры во многих случаях оказались составлены канцелярским способом без фактической проверки поступления по биркам. И тем не менее было затрачено слишком много времени – 2 месяца, – что в условиях рабочего ритма податного инспектора нельзя было считать нормой.

Поэтому было выдвинуто предложение, что ревизии могли бы проводить земские начальники, так как они имели меньшую площадь под своей ответственностью. Большинство согласилось с этим мнением [РГИА, б.д., д. 744, л. 1292].

В целом же о работе податных инспекторов в этом плане красноречивее всего говорят слова ревизора Новгородской губернии. В виду того, что на податных инспекторов возлагалось руководство волостными и сельскими должностными лицами по исправному ведению счетоводства и проверка учётных приговоров, они единогласно говорили, что при существующем положении они были бессильны что-либо сделать в значительной степени вследствие индифферентного отношения к чисто податным вопросам земских начальников, а главным образом, вследствие уклада местной крестьянской жизни [РГИА, б.д., д. 593, л. 5].

Податные инспектора не раз отмечали важность работы с населением. Московские податные инспектора постановили, что необходимо как можно чаще посещать не только волостные правления, но и сами сходы, подробно разъяснять крестьянам их платежные обязанности и стараться привести к сознанию о необходимости аккуратного выполнения их, указывая на последствия [РГИА, б.д., д. 744, л. 596].

Как итог можно отметить, что податные инспектора играли важнейшую роль в деле налогообложения волостей и селений. Они не только следили за самим процессом сбора окладного налога, но и контактировали с администрацией и даже с самим крестьянским населением. Управляющий Екатеринославской казенной палатой отмечал, что он, неся всю ответственность за правильное применение податных законоположений от 23 июня 1899 и от 12 марта 1903 года и за результаты взимания окладных сборов, обязывал податных инспекторов самостоятельно руководить порядком и ходом взимания окладных сборов при условии соглашения с земскими начальниками, без авторитета и поддержки которых в некоторых случаях податные инспектора были лишены распорядительной власти. Руководя податным делом Екатеринославской губернии в течение четырех лет, он убедился в том, что только развитие активности и самостоятельности податных инспекторов может постепенно двигать дело вперед и понемногу приносить в сознание населения и сельских органов податного надзора правильное понимание требований закона и податных обязанностей. Без этого было невозможно избежать недоборов и недоимок, а все гуманные стороны закона останутся неиспользованными и не достигнут цели [РГИА, б.д., д. 743, л. 55].

Литература

- ГАПО (б.д.). *Государственный архив Псковской области*. Ф. 58. Оп. 2. Д. 167.
- Иловайский С. И. (1904). *Учебник финансового права* [Электронный ресурс]. Одесса: типо-хромолитография А. Ф. Соколовского. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/item4421.html> (Дата обращения: 21.12.2022).
- ПСЗ (1899). Высочайше утвержденное Положение о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ: Именной Высочайший указ, данный Сенату. *Полное собрание законов Российской империи, III, 19, 17286*. СПб., 805.
- ПСЗ (1903). Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях в коих введено в действие Положение 25 июня 1899 года о порядке взимания сих сборов с надельных земель сельских обществ: высочайше утвержденное мнение Государственного совета. *Полное собрание законов Российской империи, III, 23, 22629*. СПб., 135.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 1. Д. 743. Заказ № 1271009.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 1. Д. 744. Заказ № 1267062.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 20. Д. 77. Заказ № 1273245.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 20. Д. 179. Заказ № 1279668.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 20. Д. 299. Заказ № 1274689.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 20. Д. 592. Заказ № 1275193.
- РГИА (б.д.). *Российский государственный исторический архив*. Ф. 573. Оп. 20. Д. 593. Заказ № 1275194.
- Толкушин А. В. (2001). *История налогов в России*. М.: Юристъ, 91.
- Чичинадзе Д. В. (1897). *Сборник узаконений, распоряжений и разъяснений для руководства податных инспекторов*. СПб: Типография Д. В. Чичинадзе, Невский пр., д. № 88, 13.

References

- GAPO (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Pskovskoy oblasti* [The State Archive of the Pskov region.]. F. 58. Op. 2. D. 167.
- Ilovayskiy S. I. (1904). *Uchebnik finansovogo prava* [Textbook of Financial Law]. Odessa. Available at: <http://www.allpravo.ru/library/doc4396p0/instrum4397/item4421.html> (Accessed: 21.12.2022).
- PSZ (1899). *Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o poryadke vzimaniya okladnykh sborov s nadel'nykh zemel' sel'skikh obshchestv: Imennoy Vysochayshiy ukaz, dannyy Senatu* [The most highly approved Regulation on the procedure for collecting salary fees from allotment lands of rural societies: The Nominal Highest Decree given to the Senate]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, III, 19, 17286*. St. Petersburg, 805.
- PSZ (1903). *Ob otmene krugovoy poruki krest'yan po uplate okladnykh sborov v mestnostyakh v koikh vvedeno v deystvie Polozhenie 25 iyunya 1899 goda o poryadke vzimaniya sikh sborov s nadel'nykh zemel' sel'skikh obshchestv: vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta* [On the abolition of the round-robin obligation of peasants to pay salary fees in the localities in which the Regulation of June 25, 1899 on the procedure for collecting these fees from allotment lands of rural societies was put into effect: the most highly approved opinion of the State Council]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, III, 23, 22629*. St. Petersburg, 135.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 1. D. 743. Order no. 1271009.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 1. D. 744. Order № 1267062.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 20. D. 77. Order no. 1273245.

- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 20. D. 179. Order no. 1279668.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 20. D. 299. Order no. 1274689.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 20. D. 592. Order no. 1275193.
- RGIA (n.d.). *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 573. Op. 20. D. 593. Order no. 1275194.
- Tolkushin A. V. (2001). *Istoriya nalogov v Rossii* [History of taxes in Russia]. Moscow, 91.
- Chichinadze D. V. (1897) *Sbornik uzakoneni, rasporyazheniy i raz"yasneniy dlya rukovodstva podatnykh inspektorov* [Collection of laws, orders and explanations for the management of tax inspectors]. St. Petersburg, 13.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.03.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Наталия Андреевна Владимирова – аспирант 3-его года обучения; Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (СПбИИ РАН); ORCID: 0009-0001-7181-9369; reborn2718@mail.ru

N. A. Vladimirova

“RURAL TEACHER OF THE TAXABLE PART” OR THE ACTIVITIES OF TAX INSPECTORS IN THE COUNTY

Abstract. This article tells about one of the difficult and important areas of activity of the local fiscal authority – tax inspectors – the process of working on salary fees from the peasant population. Tax inspectors were formed in the Russian Empire on April 30, 1885. Over time, their functions expanded and by the end of the XIX century, one of the most important duties of tax inspectors was to control the collection of taxes, including taxes from the peasant population. To that end, they travelled long distances to gather information about the peasant population, interacted with the local authorities of the Ministry of the Interior and even worked out the best measures to clear the gaps. Therefore, most of the time, inspectors assigned to work with the public, including explaining their rights and obligations in the area of taxation. They not only corresponded, but also had personal contacts with local county authorities and self-government. When the new draft law was issued, the inspectors should have explained it to the local authorities in a more accessible for understanding language. Moreover, they had to explain the tax law to the population as well. Thus, the work on salary fees required the tax inspectors to intensify their activities in the county and with the county local government and self-government, as well as with the population.

Keywords: tax inspectors; direct taxes; district; population; taxes; arrears

For citation: Vladimirova N. A. (2023). “Rural teacher of the taxable part” or The activities of tax inspectors in the county. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 410–416. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).410-416

С. Е. Глезеров

ПЕРВЫЕ ГОДОВЩИНЫ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА НА СТРАНИЦАХ «ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРАВДЫ» (1944–1947 ГГ.)

Аннотация. Анализируется отражение прорыва блокады Ленинграда на страницах главной городской газеты города. С 1945 года это событие оказалось в тени полного освобождения города от блокады, в то время как непосредственно в январе 1943 года, когда блокада была прорвана, многие ленинградцы восприняли его как рубежное и ключевое. 18 января 1945 года на страницах «Ленинградской правды» годовщина прорыва Ленинграда не была упомянута. Третья и четвертая годовщины прорыва блокады (в 1946 и 1947 гг.) были отмечены достаточно скромно. Фокус внимания неизменно смещался в сторону 27 января – дня полного освобождения Ленинграда от блокады. Фактически обе даты – 18 января и 27 января – получили равновеликое значение только с начала 2000-х годов.

Ключевые слова: Ленинград, СССР, прорыв блокады, печать, агитация и пропаганда, «Ленинградская правда»

Для цитирования: Глезеров С. Е. Первые годовщины прорыва блокады Ленинграда на страницах «Ленинградской правды» (1944–1947 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 417–424. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).417-424

Величие подвига защитников Ленинграда и его увековечение в первые «послеблокадные» годы было одной из постоянных тем «Ленинградской правды», фактически являвшейся главной городской газетой (орган Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся). Однако вопрос о том, как именно отражалось на страницах газеты празднование годовщины прорыва и полного снятия блокады, не служил объектом внимания исследователей. Данная публикация является попыткой в какой-то степени восполнить этот пробел.

Необходимо отметить, что увековечение памяти о подвиге защитников и жителей города происходило в самых разных формах, оно реализовывалось в закладке Парков Победы, подготовке к созданию монументальных памятников, публикации литературных произведений, а также деятельности выставки, посвященной обороне Ленинграда (она была открыта 30 апреля 1944 года при участии командующего Ленинградским фронтом маршала Леонида Говорова). 27 января 1946 года, во вторую годовщину полного снятия блокады, на основе выставки был открыт музей обороны Ленинграда.

Высокая оценка подвига, совершенного жителями Ленинграда во время войны, постоянно звучала в выступлениях партийных лидеров города, а также со стороны иностранных гостей. В то же время само событие прорыва блокады явно оказалось в тени полного освобождения города от блокады. Хотя тогда, когда блокада была прорвана, многие ленинградцы восприняли это событие как рубежное, знаковое, ключевое, как прекращение блокадного состояния города.

«12 час. 25 мин. ночи, только что пришел к нам в общежитие тов. Данилов С. А. и сообщил нам радостную весть: войска Ленинградского фронта генерала Говорова и Волховского участка генерала Мерецкова, разрушив мощную линию обороны немцев под Ленинградом, заняли Шлиссельбург, Московскую Дубровку, ст. Синявино и целый ряд населенных пунктов, прорвал кольцо блокады, их войска соединились вместе... Мои товарищи по общежитию уже все спят, я их разбудил всех, чтобы

сообщить им эту радостную весть...», – записал в своем дневнике 18 января 1943 года Иван Фирсенков, мастер на заводе имени Молотова за Нарвской заставой (с апреля 1941 г. – филиал Кировского завода) [Фирсенков, 2014, с. 171].

«18 января ленинградцы узнали о прорыве блокады. Это был настоящий для нас праздник. Слезы, крики восторга, рукопожатия, радиопередачи продолжались всю ночь. После 17 месяцев – Ленинград вновь стал Большой землей. Очередь за Мгой. Занятие Мги освободит магистраль. Ждем с нетерпением этого известия. А пока нужно готовиться к новым большим испытаниям. Но мы готовы! И эти вражеские налеты не поколеблют нашей уверенности в окончательной победе...», – отмечал 23 января 1943 года в дневнике врач Израиль Назимов, в 1941–1942 гг. – заведующий райздравотделом Кировского района, с 31 июля 1942 г. – заведующий отделом внебольничной помощи Ленгорздравотдела. [Ленинградцы..., 2014, с. 197].

«18 января. Прорвана блокада Ленинграда!!! ...На митингах многие плакали. Свершилось то, о чем мы мечтали многие месяцы. Смотрю на слова – «прорвана блокада», на глазах выступают слезы...», – говорится в дневнике Льва Ходоркова, в 1942–1943 гг. – главного инженера 5-й ГЭС (самой крупной в Ленинграде торфяной станции «Красный Октябрь» в Уткиной заводи). [Ленинградцы..., 2014, с. 120].

«Ленинградцы, дорогие соратники, товарищи, друзья! – звучал по ленинградскому радио взволнованный голос Ольги Берггольц. – Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он будет. Мы были уверены в этом в самые черные месяцы Ленинграда – в январе и феврале прошлого года... Так думали мы тогда. И этот час наступил – ночь с 18 на 19 января 1943 года... Мы знаем, что сейчас с восторгом, с гордостью, со счастливыми слезами слушает сообщение о прорыве блокады вся Россия – вся Большая Земля. Здравствуй, здравствуй, Большая Земля! Приветствуем тебя из освобождающегося Ленинграда! Спасибо тебе, Большая Земля, за твою помощь!..» [Берггольц, 1985].

Недаром в Грамоте Ленинграду от президента США Ф. Рузвельта, подписанной им 17 мая 1944 года, делался акцент именно на дате 18 января 1943 года. В документе говорилось, что воины и жители «успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимость духа народа Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии». [Грамота..., 1985, с. 251].

В первую годовщину прорыва блокады, 18 января 1944 года, когда под Ленинградом уже развернулась операция по полному освобождению города от блокады, «Ленинградская правда» поместила редакционную статью под названием «Умножим славу героев прорыва блокады», которую в немалой степени можно считать программной.

В ней, в частности, говорилось: «Прорыв блокады Ленинграда войдет в историю Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков как победа огромного политического, военного и экономического значения. Плоды этой победы мы, ленинградцы, с особой силой и полнотой ощущаем сейчас, сегодня» [Умножим славу..., 1944]. Указывалось, что в результате прорыва блокады Ленинград установил прочную связь со страной по железной дороге, победа войск Ленинградского и Волховского фронтов улучшила военно-стратегическое положение нашего фронта.

«Прорыв блокады и летние бои прошлого года послужили прекрасной школой воинского мастерства, еще более укрепили веру в победу над гитлеровскими захватчиками, – говорилось далее в той же публикации. – Имена героев прорыва блокады наш город, наш народ никогда не забудут. В боях отличились не только отдельные бойцы и офицеры, но и целые роты, батареи, батальоны, полки, дивизии... Особо отличившиеся части получили почетное звание гвардейских. Бессмертие и вечную славу завоевал героическим подвигом красноармеец Дмитрий Молодцов, закрывший своим телом амбразуру вражеской огневой точки...». [Умножим славу..., 1944]

Примечательно, что в статье перечислялись имена героев прорыва блокады, удостоенных звания Героя Советского Союза, которые, как отмечалось, «вечно живут и будут жить в сердце каждого ленинградца». [Умножим славу..., 1944]. Было перечислено восемь героев – Лапшов, Пирогов, Осатюк, Макаренков, Жидов, Харитонов, Свитенко и Покрышев. Увы, сегодня можно констатировать, что эти имена известны лишь исследователям блокады и битвы за Ленинград, а также тем, кто глубоко и серьезно интересуется этим вопросом.

Примечательно, что все восемь упомянутых героев продолжали после прорыва блокады сражаться на фронтах Великой Отечественной войны, никто из них не погиб. Все они прожили еще долгую жизнь после войны, а некоторые даже перешагнули в начало XXI века.

Старшина Иван Антонович Лапшов (1917–1978) к январю 1943 года был старшиной роты 342-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии 67-й армии Ленинградского фронта. 12 января 1943 года в районе села Марьино он одним из первых форсировал Неву под огнем врага, уничтожил две огневые точки и более двадцати пяти гитлеровцев, вместе с пятью бойцами захватил четыре орудия, а затем три часа держал круговую оборону.

Младший сержант Тимофей Ефимович Пирогов (1919–1981) к январю 1943 года командовал отделением 270-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии 67-й армии Ленинградского фронта. В районе села Марьино он держал бесперебойную связь между командиром роты и подразделениями.

Лейтенант Дмитрий Иванович Осатюк (1917–1999) к январю 1943 года командовал танковой ротой 549-го танкового батальона 61-й танковой бригады 67-й армии Ленинградского фронта. 12 января 1943 года рота Осатюка переправилась через Неву и, пройдя через болота, вышла на подступы к Синявинским высотам. 18 января 1943 года рота Осатюка в числе первых встретилась с частями 372-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта, что ознаменовало собой прорыв блокады.

Старшина Иван Михайлович Макаренков (1918–2004) сражался в составе роты лейтенанта Дмитрия Осатюка, гусеницами и пулеметным огнем уничтожил большое количество солдат и офицеров противника.

Георгий Никонорович Жидов (1916–1974) командовал эскадрилей 123-го истребительного авиационного полка 7-го истребительного авиационного корпуса.

Василий Николаевич Харитонов возглавлял звено 123-го истребительного авиационного полка, однополчане называли его «охотником за бомбардировщиками». 10 февраля 1943 года, в день подписания указа о присвоении

ему звания Героя Советского Союза, он сбил 20-й вражеский самолёт – бомбардировщик Ju-88.

Николай Иванович Свитенко (1913–2007) командовал 15-м гвардейским штурмовым авиационным полком 227-й штурмовой авиационной дивизии Ленинградского фронта.

Петр Афанасьевич Покрышев (1914–1967) – летчик-ас, командир авиаэскадрильи 154-го истребительного авиационного полка 13-й воздушной армии Ленинградского фронта.

Как отмечалось далее в публикации, вечной славы заслуживают и многие другие воины, сражающиеся за Ленинград. «Им уже подражают сотни и тысячи советских людей... Мужественный образ героев прорыва блокады завет воинов Красной армии бить врага еще сильнее, наносить ему еще более сокрушительные удары... Великая честь для каждого советского человека жить и работать в нашем городе, биться за Ленинград, защищать город русской славы, гордость всей нашей страны... Умножим славу героев прорыва блокады, отдадим все наши силы на разгром немецких захватчиков!..» [Умножим славу..., 1944].

Однако прошел год, и 18 января 1945 года на страницах «Ленинградской правды» годовщина прорыва Ленинграда не была упомянута. Многочисленные публикации освещали исключительно полное освобождение города от блокады в январе 1944 года.

«...Как сказочный богатырь, встал Ленинград, расправил могучие плечи, и полопались, разлетелись в куски немецкие железные обручи. Глубокие клинья нашего наступления врезались в немецкую оборону с двух сторон – от Ораниенбаума и Пулкова, чтобы сомкнуться наподобие клещей у Красного Села – Ропши... В том, что происходило, не было никакого чуда. События развивались логично и закономерно», – говорилось в публикации 18 января 1945 года [Михалев, Рискин, 1945].

О том, что победа Красной армии под Ленинградом вовсе не была чудом, отмечал и поэт и писатель Николай Тихонов.

«Фашисты – каторжники, предатели и бандиты 22 национальностей – были пригнаны Гитлером на пополнение в окопы под Пулково, на Неву, в развалины Урицка, в болота Мги и Синявино... Ленинград стал трибуналом, выносившим каторжникам Европы высшую меру. И он очистил землю от тысяч мерзавцев, за что свободолюбивые народы должны быть ему благодарны.

Под Ленинградом не было чуда. Была жестокая, смертельная борьба. Были уверенность и расчет, умение и жажда мести. Во всем победил Ленинград. Он победил в дисциплине и выдержке, он победил в технике и боевом искусстве» [Тихонов, 1945].

Спустя еще год, в начале 1946 года, январские номера «Ленинградской правды» были практически полностью посвящены предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. Тем не менее, третья годовщина прорыва блокады была отмечена – в публикации от 18 января 1946 года. Это был единственный материал в газете, посвященный годовщине прорыва блокады. Автором текста был Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант Николай Симоняк, который в ходе операции «Искра» по прорыву блокады командовал 136-й стрелковой дивизией 67-й армии Ленинградского фронта.

«Прорыв блокады Ленинграда был крупной военной и политической победой Красной армии... В течение всей осени 1942 года и начала зимы войска нашего фронта, готовившиеся к прорыву блокады, отрабатывали все задачи, с решением которых могли встретиться на поле боя... К моменту наступления каждый офицер имел подробную схему участка переднего края вражеской обороны, на который наступал... Впервые в массовом количестве была применена артиллерия для стрельбы прямой наводкой... В боях по прорыву блокады ленинградские воины дрались с особым ожесточением и упорством», – отмечал Николай Симоняк. [Симоняк, 1946].

Как указывалось в публикации, прорыв блокады Ленинграда имел огромное политическое значение. На берегах Невы, в Синявинских торфяниках, ленинградские воины показали всему миру, что Красная армия, действуя в самых невыгодных для наступления условиях, способна разгромить вражескую оборону любой крепости. Кроме того, прорыв блокады имел огромное военно-хозяйственное значение, поскольку в созданном войсками сухопутном коридоре, соединившем Ленинград со страной, была быстро построена железнодорожную магистраль.

«Бои по прорыву блокады явились для ленинградских воинов генеральной репетицией к решающим битвам за полный разгром вражеских полчищ под Ленинградом, – указывал Николай Симоняк. – В этой первой крупной наступательной операции войск фронта было отработано тесное взаимодействие всех родов войск, наметились основы наступательного боя для взламывания мощной долговременной, глубоко эшелонированной обороны врага» [Симоняк, 1946].

Следует также отметить, что тема величия и значимости подвига Ленинграда, совершенного во время Великой Отечественной войны, постоянно звучала в материалах, связанных с выборами в Верховный Совет СССР.

Так, в речи первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова на предвыборном собрании от 16 января 1946 г. говорилось: «Как не любить свой город, в который с момента его основания не вступала нога врага! Краснознаменный, ордена Ленина город, сотни тысяч участников героической обороны которого носят, как знак мужества и беззаветной стойкости, медаль «За оборону Ленинграда»; город, первым остановивший врага, выстоявший 29 месяцев осады и разгромивший гитлеровские полчища под своими стенами; город, слава которого затмила славу Трои! Да разве можно не быть патриотом этого города? Да разве можно не гордиться им?» [Речь тов. А. А. Кузнецова..., 1946].

Кстати, когда в феврале 1949 года началась кампания по дискредитации и репрессиям в адрес ленинградских руководителей всех звеньев (в историю оно, как известно, вошло под названием «Ленинградское дело»), возвеличивание заслуг Ленинграда во время блокады служило одним из пунктов обвинений. Именно это прозвучало в ходе объединенного пленума горкома и обкома ВКП(б), проходившего 22 февраля 1949 г. при активном участии секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, на котором со своих постов были сняты первый секретарь горкома П. С. Попков и второй секретарь Я. Ф. Капустин.

Как отмечает историк К. А. Болдовский, стенограмма выступления Г. М. Маленкова пока до сих пор не обнаружена, и единственным источником о содержании его речи служат воспоминания В. В. Садовина, занимавшего в первой

половине 1949 г. должность заместителя заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских организаций горкома ВКП(б), а также его рукописные пометки, сделанные им в ходе заседаний бюро и пленума. В частности, он упоминает выступление Т. В. Закржевской, возглавлявшей в феврале 1949 г. отдел партийных, профсоюзных и комсомольских организаций Ленинградского обкома ВКП(б), которая сказала, что «нельзя жить заслугами и героизмом периода блокады» [Болдовский, 2018, с. 197].

Четвертая годовщина прорыва блокады на страницах «Ленинградской правды» также была отмечена достаточно скромно. 17 января 1947 года была опубликована статья генерал-полковник артиллерии Г. Ф. Одинцова «Прорыв блокады». Он с января 1942 года был начальником штаба артиллерии, а с мая 1942 года и до конца войны – командующим артиллерией Ленинградского фронта. Под его командованием артиллерия фронта и подчиненного фронту Балтийского флота вела успешную контрбатарейную борьбу с осадной артиллерией противника.

«Прорывом блокады был закончен наиболее тяжелый и трудный этап титанической борьбы города Ленина против немецко-фашистских полчищ...», – говорилось в публикации [Одинцов, 1947]. В статье давалась хроника январских дней операции «Искра», говорилось, что «семь дней на болотистых берегах южной Ладоги кипел ожесточенный бой».

Так же, как и в предыдущих публикациях, посвященных годовщинам прорыва блокады, подчеркивалось, что оно имело «огромное политическое, военное и хозяйственное значение». Итоговый вывод гласил: «Город Ленина, успешно залечивая раны, нанесенные войной, досрочно выполнил план первого года послевоенной сталинской пятилетки. Тот, кто хорошо сражался с врагом, тот и трудится хорошо» [Одинцов, 1947].

В выпуске «Ленинградской правды» от 18 января 1947 года о годовщине прорыва не было сказано ни слова. Лишь на последней, четвертой странице, появилась маленькая заметка «Третья годовщина освобождения Петродворца».

Таким образом, контент-анализ содержания газеты «Ленинградская правда» первых послеблокадных лет свидетельствует о том, что в освещении подвига битвы за Ленинград фокус внимания неизменно смещался в сторону 27 января – дня полного освобождения Ленинграда от блокады. С годами эта тенденция становилась все более отчетливой. Фактически обе даты – 18 января и 27 января – получили равновеликое значение только с начала 2000-х годов.

Литература

- Берггольц О. (1985). Дневные звезды; Говорит Ленинград; Статьи. Ленинград. [Электронный ресурс]. Сайт «Военная литература». URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/berggolts_of/06.html (Дата обращения: 21.04.2023).
- Болдовский К. А. (2018). Падение «блокадных секретарей»: партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб.
- Грамота... (1985). Грамота президента США Ф. Рузвельта Ленинграду. 17 мая 1944 г. В: *Величие подвига советского народа*. М., 251.
- Ленинградцы... (2014). *Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда*. СПб.
- Михалев М., Рискин А. (1945). Великая победа под Ленинградом. Начало. *Ленинградская правда*, 18 января, 2.

- Одинцов Г. (1947). Прорыв блокады. *Ленинградская правда*, 17 января, 3.
- Речь тов. А. А. Кузнецова... (1946). Речь тов. А. А. Кузнецова на предвыборном совещании представителей трудящихся Выборгского района г. Ленинграда 16 января 1946 года. *Ленинградская правда*, 20 января, 3.
- Симоняк Н. (1946). Славная победа. К третьей годовщине прорыва блокады Ленинграда. *Ленинградская правда*, 18 января, 3.
- Тихонов Н. (1945). На историческом рубеже. *Ленинградская правда*, 27 января, 3.
- Умножим... (1944). Умножим славу героев прорыва блокады. *Ленинградская правда*, 18 января, 1.
- Фирсенков И. П. (2014). *Блокадный дневник*. СПб.

References

- Berggol'ts O. (1985). Dnevnye zvezdy; Govorit Leningrad; Stat'i. Leningrad. [Day stars; Leningrad speaks; Articles. Leningrad]. *Sayt "Voennaya literature"*. Available at: http://militera.lib.ru/prose/russian/berggolts_of/06.html (Accessed: 21.04.2023).
- Boldovskiy K. A. (2018). *Padenie "blokadnykh sekretarey": partapparat Leningrada do i posle "leningradskogo dela"* [The fall of the "blockade secretaries": the Leningrad party apparatus before and after the "Leningrad affair"]. St. Petersburg.
- Firsenkov I. P. (2014). *Blokadnyy dnevnik* [Siege diary]. St. Petersburg.
- Gramota... (1985). Gramota prezidenta SShA F. Ruzvel'ta Leningradu [Letter from US President F. Roosevelt to Leningrad]. 17 maya 1944 g. In: *Velichie podviga sovetskogo naroda*. Moscow, 251.
- Leningradtsy... (2014). *Leningradtsy. Blokadnye dnevniki iz fondov Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya oborony i blokady Leningrada* [Leningraders. Blockade diaries from the collections of the State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad]. St. Petersburg.
- Mikhalev M., Riskin A. (1945). Velikaya pobeda pod Leningradom. Nachalo [Great victory near Leningrad. Start]. *Leningradskaya pravda*, January 18, 2.
- Odintsov G. (1947). Proryv blokady [Breaking the blockade]. *Leningradskaya pravda*, January 17, 3.
- Rech' tov. A. A. Kuznetsova... (1946). Rech' tov. A. A. Kuznetsova na predvybornom soveshchanii predstaviteley trudyashchikhsya Vyborgskogo rayona g. Leningrada 16 yanvarya 1946 goda [Comrade A. A. Kuznetsov's speech at the pre-election meeting of representatives of workers of the Vyborg district of Leningrad on January 16, 1946]. *Leningradskaya pravda*, January 20, 3.
- Simonyak N. (1946). Slavnaya pobeda. K tret'ey godovshchine proryva blokady Leningrada [Glorious victory. To the third anniversary of the breaking of the blockade of Leningrad]. *Leningradskaya pravda*, January 18, 3.
- Tikhonov N. (1945). Na istoricheskom rubezhe [At a historical turning point]. *Leningradskaya pravda*, January 27, 3.
- Umnzhim... (1944). Umnzhim slavu geroev proryva blokady [Let us increase the glory of the heroes of breaking the blockade]. *Leningradskaya pravda*, January 18, 1.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Сергей Евгеньевич Глезеров — канд. филол. н., научный сотрудник; Институт истории обороны и блокады Ленинграда (отдел Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда); ORCID: 0009-0000-9028-573X; sglezerov@mail.ru

S. E. Glezerov

FIRST ANNIVERSARIES OF THE BREAKTHROUGH OF THE BLOCKADE OF LENINGRAD ON THE PAGES OF “LENINGRADSKAYA PRAVDA” (1944–1947)

Abstract. The article analyzes the reflection of the breakthrough of the blockade of Leningrad in the main city newspaper. Since 1945, this event has been in the shadow of the complete liberation of the city from the blockade. While in January 1943 many Leningraders perceived this event as a milestone and key. In January 18, 1945 the anniversary of the breakthrough of the blockade was not mentioned on the pages of “Leningradskaya Pravda”. In 1946 and 1947, the third and fourth anniversaries were marked rather modestly. The main attention invariably shifted towards January 27 – the day of the complete liberation of Leningrad from the blockade. In fact, both dates – January 18 and January 27 – have gained equal importance only since the beginning of the 2000s.

Keywords: Leningrad, USSR, the breakthrough of the blockade, agitation and propaganda, “Leningradskaya Pravda”

For citation: Glezerov S. E. (2023). First anniversaries of the breakthrough of the blockade of Leningrad on the pages of “Leningradskaya Pravda” (1944–1947). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 417–424. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).417-424

Е. Н. Журавлев

СПЕЦСЛУЖБЫ ИСПАНСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДИВИЗИИ НА СОВЕТСКО- ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ (1942–1943)

Аннотация. В статье на основе рассекреченных архивных документов органов военной контрразведки периода Великой Отечественной войны рассматривается организационно-структурное построение и деятельность спецслужб дивизии испанских добровольцев (250 пехотной дивизии Вермахта) в период её нахождения на участке Ленинградского фронта в 1942–1943 гг. Проведенный в работе анализ структуры и деятельности спецслужб Испанской «Голубой дивизии» позволил выявить основные направления, методы и специфику их оперативной деятельности, а также раскрыть механизм принятия ключевых решений и взаимодействия сотрудников спецслужбы, отвечающих за организацию деятельности как на дивизионном, так и на полковом и батальонном уровнях. В работе сделаны выводы о причинах низкой эффективности службы и неспособности противостоять действиям советской военной контрразведки.

Ключевые слова: Испанская добровольческая дивизия, «Голубая дивизия», 250 пехотная дивизия, служба внутренней разведки, 2-бис, советская военная контрразведка

Для цитирования: Журавлев Е. Н. Спецслужбы Испанской добровольческой дивизии на Советско-Германском фронте (1942–1943) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 425–433. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).425-433

В период Великой Отечественной войны существенную поддержку как в политическом, экономическом, так и в военном отношении фашистской Германии оказывали её союзники, а также франкистская Испания.

Кроме стран-союзниц Германии по антикоминтерновскому пакту (Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии), чьи армии принимали участие в боевых действиях на Восточном фронте самостоятельно, страны, которые воздержались от участия в войне против СССР или остались нейтральными, направляли на Восточный фронт части, состоящие из добровольцев (нем. *freiwillige*). Эти части включались в состав соединений Вермахта. Одной из таких частей стала Испанская добровольческая дивизия. Об истории, составе, боевых действиях т.н. «Голубой дивизии» повествуют труды многих исследователей: [С. П. Пожарская, 1969] [С. И. Дробязко, О. В. Романько, К. К. Семёнов, 2011], [Б. Н. Ковалев, 2004, 2014, 2020], [А. В. Елпатьевский, 2015].

Однако такой аспект, как деятельность и разведывательных (речь не о войсковой разведке) и контрразведывательных органов Испанской добровольческой дивизии не получил освещения в научной литературе. Это объясняется, безусловно, спецификой вопроса, а также узостью источниковой базы по причине закрытости до недавнего времени архивов органов советской военной контрразведки, противостоявших спецслужбам фашистской Германии и их союзников.

Основным источником при подготовке данной статьи послужили рассекреченные архивные документы органов военной контрразведки Ленинградского фронта за 1942–1943 гг., а также трофейные документы.

Испанская добровольческая дивизия, так называемая «Голубая дивизия» (исп. *Division Azul*), была сформирована из добровольцев, в большинстве своем воевавших

на стороне франкистского режима в гражданской войне в Испании. 13 июля 1941 г. дивизия отбыла из Мадрида в Германию, где была включена в состав Вермахта как 250-я пехотная дивизия. В 20-х числах августа дивизию направили к границам СССР. 4 октября 1941 г. «Голубая дивизия» прибыла в район Новгорода, где была включена в состав немецкой 16-й армии (группа армий «Север»). С октября 1941 г. до августа 1942 г. дивизия занимала позиции севернее и южнее Новгорода по р. Волхов и оз. Ильмень [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 114]. Затем дивизию перебазировали под Ленинград, где в составе 38-го армейского корпуса она заняла позиции в районе реки Ижора (г. Пушкин, Колпино, Красный Бор) [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 115]. По другую сторону линии фронта оборону держали части 55 армии Ленинградского фронта.

Как и в регулярной армии Испании, в добровольческой дивизии вопросы разведки и контрразведки находились в ведении 2-го отдела штаба соединения, который согласовывал свою работу с отделом 1-Ц штаба 38-го корпуса Вермахта. 2-й отдел штаба «Голубой дивизии» курировал организацию войсковой разведки; разведывательную и контрразведывательную работу в тылу советских войск; борьбу со шпионажем, саботажем, диверсиями и террором; борьбу с партизанским движением; фильтрацию военнопленных, перебежчиков и подозрительных лиц, задержанных в зоне расположения дивизии; ведение следствия по преступлениям, угрожающим государственной безопасности и боеспособности части; розыск дезертиров; контроль и наблюдение за гражданским населением, проживающим в зоне дислокации дивизии; руководство и наблюдение за деятельностью комендатур и полевой жандармерии; руководство работой офицеров второго отдела в полках [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 46].

По данным перебежчиков, войсковую разведку вело подчиненное штабу дивизии подразделение, сформированное по штатам батальона [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 15]. При штабах полков имелся офицер, осуществлявший разведывательную и контрразведывательную работу в тесном взаимодействии с комендатурой района расположения своего полка. В его обязанности входило агентурное наблюдение за местным населением, первичные опросы военнопленных и перебежчиков, организация заградительной службы, оперативное сопровождение уголовных дел, в том числе по политическим преступлениям. Общее руководство указанной работой осуществлял командир дивизии, от имени которого исходили соответствующие приказы и инструкции. Командир дивизии в свою очередь получал инструктивные документы из отдела 1-Ц штаба корпуса. В качестве основных источников информации о противнике сотрудники второго отдела штаба дивизии использовали показания военнопленных, перебежчиков и задержанных, подозреваемых в работе на советскую разведку [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 53].

Хотя Испанская добровольческая дивизия формировалась под эгидой испанской фаланги, в её ряды попало значительное количество лиц, оппозиционно настроенных к франкистскому режиму – бывшие республиканцы, члены коммунистической, социалистической и анархической партий Испании, бывшие члены Объединенного союза социалистической молодежи, не желающие воевать за интересы фашизма, родственники репрессированных за участие в республиканском движении. В дивизии

также оказалась достаточно много авантюристических элементов без каких-либо политических убеждений.

В 1942 г. участились случаи перехода испанцев на сторону Красной армии, дезертирства, членовредительства, невыполнения приказов командования [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 47]. В этих условиях в июне 1942 г. командир 250 пехотной дивизии принял решение о создании Службы внутренней информации (исп. Servicio informacion interna), которая структурно вошла в штат 2-го отдела штаба дивизии как отдел 2-bis [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 75].

Служба создавалась с целью охраны дивизии от проникновения шпионов, диверсантов и террористов, а также защиты от внешних влияний, снижающих моральное состояние и боеспособность части. Её задачами являлись: внедрение агентуры в среду военнослужащих дивизии; выявление в дивизии лиц, настроенных враждебно к франкистскому режиму, проводивших организованную враждебную деятельность против немецкой армии, имеющих намерение перейти на сторону Красной армии, саботажников, а также, в содействии с военными комендантами населенных пунктов, агентурное изучение русского населения, имеющего контакты с военнослужащими дивизии; розыск дезертиров; расследование политических преступлений; обеспечение защиты дивизии от внешних воздействий, снижающих её боеспособность [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 82].

Документы, исходящие из отдела, подписывал от имени командира дивизии начальник штаба, который курировал это направление работы, в деятельность этой структуры были посвящены все командиры подразделений дивизии (полков, батальонов, рот). В каждом полку и батальоне имелся офицер – представитель отдела 2-бис, обеспечивавший контрразведывательное обеспечение части. Официально им являлся адъютант полка или батальона. Он осуществлял насаждение агентуры среди военнослужащих и руководил ею [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 47]. В ротах оперативной работой руководил командир роты или назначенный им унтер-офицер, который имел на связи 3-4 и больше информаторов из числа солдат с таким расчетом, чтобы в каждом взводе был один информатор [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 48]. Таким образом, он являлся резидентом в роте, получавшим инструкции от адъютанта или командира батальона, и руководившим работой своих информаторов.

Еженедельно ротный сотрудник службы внутренней информации должен был в письменной форме информировать адъютанта командира батальона о политических настроениях личного состава роты. На каждого солдата заполнялась анкета, на весь личный рядовой состав роты была создана картотека, где учитывались анкетные данные солдат и отражались их политические настроения, согласно донесениям информаторов. Специального учета нежелательных лиц не было. Все учетные данные на личный состав роты, в том числе и учет настроений солдат, сосредоточивался в общей картотеке.

Адъютант батальона имел в каждой роте агентуру, находящуюся у него на личной связи. Задача этой агентуры – контролировать ротную агентуру и проверять получаемые от неё сведения. Весь агентурный материал, собранный в ротах, должен был сдаваться адъютанту батальона. Командир полка и его адъютант имели в своем

распоряжении группу специально подобранных информаторов, наблюдающих за поведением военнослужащих вне своего полка, в местах соприкосновения с солдатами других полков или с гражданским населением [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 48].

Однако, несмотря на декларируемый инструкциями конспиративный характер этой службы, реальное положение не соответствовало этому. Осведомители зачастую сами раскрывали свою принадлежность к агентуре Службы внутренней информации.

Это подтверждается показаниями перебежчика капрала 269 пп 250 пд Сезара Астора Беторет (бывший лейтенант, командир роты республиканской армии, член Союза молодежи), который в протоколе допроса от 29 марта 1943 г. о службе внутренней информации показал следующее: «Согласно инструкции, в каждом взводе должно быть по одному секретному информатору, который назначается командиром роты из числа солдат. У секретных информаторов не спрашивается их согласие сотрудничать со службой внутренней информации, сотрудничество их в письменной форме не оформляется, кличка им не дается, донесения принимаются в устной форме. Графика встреч с информаторами не имеется, встречи происходят в удобный момент в конспиративной форме» [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 22].

По заявлению перебежчика, служба внутренней информации в испанской дивизии не была связана с какими-либо аналогичными органами в немецкой армии. Офицерский состав, которому было поручена эта работа в батальонах и полках, работал с неохотой, рядовые информаторы относились к ней недобросовестно [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 22].

Кроме того, Сезар Астор Беторет показал: «За все время моей работы в качестве организатора службы внутренней информации информаторы взводов два раза делали мне сообщения, оба раза в устной форме. С информаторами я встречался иногда два раза в неделю, иногда я не видел их подолгу, встречи происходили конспиративно, хотя в роте я был почти расконспирирован, благодаря тому, что составлял анкеты на солдат, о чем все знали. Встречи с информаторами я специально не назначал, а встречался тогда, когда носил донесения во взвод» [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 21].

Стоит отметить, как был организован учет результативности работы агентов. Для этого была разработана система квалификационных оценок по десятибалльной шкале. При выставлении оценок учитывались следующие аспекты: сообразительность агента, опасность, трудность, изобретательность, проявленная агентом для получения сведений, а также важность сообщенного факта.

Плохая оценка выставлялась, если сообщение не содержало фактов, имен, дат и т.д., или касалось только слухов. Средняя оценка выставлялась, если сообщения содержали только жалобы на офицеров или факты обыденного значения. Хорошая оценка выставлялась, если были сообщены факты, «обнаруживающие нечто известной важности». Очень хорошая оценка выставлялась, когда кроме большого значения сведений, их получение было трудным или сопряжено с опасностями. Превосходная оценка выставлялась, если агент сообщил о сенсационном факте [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 93].

Одной из задач Службы внутренней информации было агентурное изучение русского населения, имеющего контакты с военнослужащими дивизии. Из

захваченных документов испанской дивизии можно заключить, что первое время наша агентура не вызывала подозрений в причастности к советской разведке, задерживалась и направлялась в распоряжение военной комендатуры в числе других лиц, перешедших линию фронта. Испанское командование полностью доверяло ее показаниям и информировало подчиненные органы о данных, полученных на допросах, как о существующих фактах. Так, в информационной справке от 5 июля 1942 г. о шпионаже, направленной в подчиненные службы испанской дивизии, изложены добытые сведения об использовании русскими «новых диверсионных средств» – карандашей со взрывчатым веществом, портсигаров, взрывающихся при открывании, карманных часов, взрывающихся при заводе и искусственных жаб, взрывающихся при нажатии на них [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 73].

Однако после ряда задержаний противник выявил шаблон в легендировании обстоятельств перехода линии фронта, о чём свидетельствуют захваченные документы. В большинстве случаев агенты разведотдела штаба 55 армии снабжались одной и той же легендой – репрессии со стороны советских органов, происхождение из враждебной среды и недовольство советской властью.

Эта шаблонность давала повод подозревать задержанных в принадлежности к агентуре советской разведки. После «соответственной», как указано в документе, формы допроса задержанный давал показания о задании, которое он получил, лицах, которые давали ему это задание, о вербовочных пунктах, обстоятельствах вербовки, подготовке и заброске [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 53]. Таким образом, путем сопоставления показаний отдельных задержанных, испанской спецслужбой был выявлен один из каналов проникновения агентуры советской военной разведки в немецкий тыл. Контрразведывательным органам противника удалось сделать ряд верных выводов, установить места заброски и выработать ряд контрмер, затрудняющих действия нашей агентуры.

Указанные контрмеры изложены в общих инструкциях № 2011 от 2 декабря 1941 г. и № 2014 от 5 января 1942 г. Первая инструкция всё внимание сосредотачивала на контроле за гражданскими лицами и делила гражданское население оккупированных районов на 3 группы: лица, не вызывающие подозрений; подозрительные лица; лица, ведущие какую-либо деятельность против германской армии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 76].

К первой группе относились лица, обладавшие документами на право проживания на оккупированной территории или передвижения по ней. Лица, относившиеся ко второй группе, должны были находиться под постоянным наблюдением местных властей и Службы внутренней информации, в случае их переезда сведения о них передавались по новому месту жительства. К третьей группе должны были незамедлительно приниматься меры по пресечению их враждебной деятельности.

Согласно инструкции № 2014 от 5 января 1942 г., все лица, пришедшие с территории, занятой частями Красной армии, должны были рассматриваться как потенциальные шпионы, задерживаться и направляться во 2-й отдел штаба дивизии, где имелись квалифицированные переводчики, главным образом из числа белоэмигрантов. Отделу 2-бис стало известно, что советские разведорганы ориентировали свою агентуру на трудоустройство при воинских частях немецкой

армии, поэтому был наложен запрет на приём на работу русских пленных и лиц из числа гражданского населения без разрешения начальника штаба дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 78].

Испанским спецслужбам было также известно о том, что связи военнослужащих дивизии с гражданским населением являлись каналом проникновения советской агентуры в войска противника. Об этом свидетельствуют трофейные документы. Так, в отношении № 703 от 22 февраля 1943 г. отмечалось, что гражданское население часто знает ежедневный пароль по дивизии, так как оно имеет доступ к военным и близко с ними общается. В отношении № 966 от 25 мая 1942 г. говорится, что использование большого количества русского гражданского населения на различных работах при частях дивизии способствует проникновению шпионов в части дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 29–30].

Таким образом, указанные документы рассматривали гражданское население оккупированных областей СССР как благоприятную среду для работы и маскировки советской агентуры. В связи с этим гражданское население находилось под постоянным контролем контрразведывательных органов противника, стремившихся локализовать действия нашей агентуры.

Анализом захваченных и доставленных перебежчиками штабных документов испанской добровольческой дивизии советскими органами военной контрразведки не было установлено, занимались ли испанские спецслужбы подготовкой и переброской своей разведывательной и контрразведывательной агентуры в наш тыл. Однако последующие события показали, что спецслужбы испанской дивизии планировали и осуществляли такие мероприятия.

В середине декабря 1942 г. на сторону Красной армии перешел унтер-офицер 263 пехотного полка 250 пехотной дивизии Эмилио Матиас Мартин. На допросе он заявил, что перешел добровольно, так как испытывал симпатию к СССР и ненависть к франкистскому режиму. В дальнейшем унтер-офицер сознался, что заброшен к нам по заданию немецких разведорганов, был завербован в 1941 г. во время пребывания в Германии. По прибытии в дивизию был передан на связь офицеру Риполь. В его подготовке принимал участие немецкий офицер Герман Герлиц.

17 июля 1943 г. на нашу сторону перешел солдат 269 пехотного полка 250 пехотной дивизии Эстебан Рамирес Перса. В процессе работы с ним он сознался, что является агентом испанской секретной службы и переброшен для ведения шпионской деятельности в нашем тылу. Был завербован в октябре 1942 г. при зачислении на службу и передан на связь лейтенанту Пулидо, руководящему секретной службой в 269 пехотном полку, который подготовил его к переброске с легендой бывшего капитана республиканской армии и заданием связаться с ранее переброшенным Хулио Хименесом Гомесом и выполнить общую задачу по получению сведений о частях Красной армии, их численном составе, моральном состоянии, вооружении, питании, о расположении оборонительных сооружений, а также по добыванию штабных документов (карт, бланков и пр.), а также находясь вместе с военнопленными испанцами, поддерживать в их среде надежду на освобождение при наступлении немецкой армии, следить за поведением перебежчиков [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 103].

1 августа 1943 г. на сторону частей Красной армии перешел солдат 263 пехотного полка 250 пехотной дивизии Антонио Альгава Молеро, бывший военнослужащий республиканской армии, который показал, что также подготовлен к переброске сотрудником испанской спецслужбы капитаном Пулидо.

Во всех случаях вербовку испанских солдат для заброски в тыл Красной армии и их подготовку вели офицеры Абвера. В дальнейшем агенты передавались на связь сотрудникам отдела 2-бис и задачи получали уже от них.

При этом сотрудники отдела 2-бис допускали серьезные ошибки. Задания агентам ставились разноплановые и без учета конкретных возможностей их выполнения. Остается также не выясненным, каким образом должна была осуществляться связь с агентами и их возвращение после выполнения разведывательных заданий. Возможно, подразумевалась попытка подставить агента под перевербовку советской военной контрразведкой.

Попытки внедрения испанской агентуры в тыл Красной армии не достигли результата. Все переброшенные на нашу сторону агенты противника из числа солдат дивизии были разоблачены советской военной контрразведкой. Вербовка агентуры среди советских военнопленных, содержащихся в лагере военнопленных в пос. Красный Бор, который контролировался как немецкой, так и испанской стороной, осуществлялась только офицерами Абвера, сотрудники отдела 2-бис штаба 250 пехотной дивизии к этой работе не допускались. Примеров вербовки отделом 2 бис агентуры для переброски в тыл Красной армии среди советских граждан, проживавших в районе расположения частей дивизии, также не было установлено.

Несмотря на мероприятия по поддержанию боевого духа испанских солдат, которые проводило командование, политико-моральное состояние испанской дивизии продолжало ухудшаться. На его уровень влияли следующие моменты: ухудшение питания, рукоприкладство офицеров, антагонизм между немецкими и испанскими военнослужащими, сообщения о поражениях Германской армии на Восточном фронте и в Африке, усталость от войны и разочарованность ею. Советские листовки и радиопередачи на испанском языке, организованные политуправлением 55 армии также влияли на понижение боеспособности частей дивизии [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 59].

В результате наступления, начатого 10 февраля 1943 г. частями Ленинградского фронта 250 пехотная дивизия понесла большие потери. В ходе Красноборской наступательной операции частей Красной армии оборона противника была прорвана, войска 55 армии продвинулись на 6 км. Потери испанцев составили более 2 тыс. человек убитыми и ранеными.

Боеспособность частей Испанской добровольческой дивизии упала, были отмечены случаи массовой сдачи в плен. Так, во второй линии обороны испанской дивизии в районе пос. Красный Бор находился 250 подвижной батальон резерва. Когда линия обороны была прорвана, солдаты батальона начали сдаваться в плен. Заслуживает также внимания сдача в плен 5 роты 2 батальона 262 пехотного полка испанской дивизии во главе со своим командиром капитаном Теодоро Паласиос Куэто. 10 февраля 1943 г. рота, попав в окружение, не оказав почти никакого сопротивления, сдалась в плен [АУФСБОО, б.д., Ф. 78. Оп. 1. Д. 21. Л. 13]. Капитан Куэто доставил советским контрразведчикам большое количество скопированных им штабных документов, в том числе о работе Службы внутренней информации.

Вскоре основательно потрепанная в боях испанская дивизия была выведена с фронта. Последний бой частей 250 пехотной дивизии состоялся 4 октября 1943 г.

Изменения, произошедшие во внешней политике правительства Франко, сделали невозможным дальнейшее пребывание дивизии на Советско-Германском фронте. Представители США и Великобритании в Испании усилили давление на Франко и потребовали немедленного отзыва испанской дивизии. 20 октября 1943 г. Франко принял решение о выводе «Голубой дивизии» с фронта и расформировании соединения [Дробязко, Романько, Семенов, 2011, с. 116].

Сформированная с целью сохранения боеспособности дивизии Служба внутренней информации не смогла обеспечить выполнение возложенных на неё задач. Низкая эффективность её работы безусловно зависела от того, что у вновь образованной службы практически отсутствовал опыт контрразведывательной деятельности, который она не смогла приобрести за краткий период своего существования. Однако основными причинами неэффективности контрразведывательной службы были основы её построения и организации оперативной деятельности.

Отсутствие специально выделенных офицеров контрразведки, имевших даже минимальную профессиональную подготовку, возложение задач контрразведывательной деятельности на армейских офицеров, не снимая с них основной обязанности – командования частями, сказались на результатах деятельности спецслужбы. Принципы построения агентурной сети, фактическое назначение агентов приводило к их расконспирации, и как следствие, к отсутствию результатов их работы.

На основе исследованных архивных документов можно констатировать, что спецслужбы Испанской добровольческой дивизии имели собственный, отличный от спецслужб Германии и стран-союзниц принцип построения деятельности, но оказались не способными противостоять советской военной контрразведке.

Литература

- АУФСБОО (б.д.). *Архив УФСБ России по Омской области*. Ф. 78. Оп. 1. Д. 21.
Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. (2011). *Иностранные формирования Третьего рейха*. М.
Елпатьевский А. В. (2015). *Голубая Дивизия, военнопленные и интернированные испанцы в СССР*. СПб.
Ковалёв Б. Н. (2014). *Добровольцы на чужой войне: очерки истории Голубой дивизии*. Великий Новгород.
Ковалев Б.Н. (2020). *Испанская дивизия – союзник Третьего рейха, 1941–1945 гг.* СПб.
Ковалёв Б. Н. (2004). *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.*
Пожарская С. П. (1969). Испанская «Голубая дивизия» на Советско-Германском фронте (1941–1943 гг.). *Вопросы истории*, 8, Август, 107–126.

References

- AUFSSBOO (n.d.). *Arkhir UFSB Rossii po Omskoy oblasti* [Archive of the Federal Security Service of Russia for the Omsk Region]. F. 78. Op. 1. D. 21.
Drobyazko S. I., Roman'ko O. V., Semenov K. K. (2011). *Inostrannye formirovaniya Tret'ego reykh* [Foreign formations of the Third Reich]. Moscow.
Elpat'evskiy A. V. (2015). *Golubaya Diviziya, voennoplennyye i internirovannyye ispantsy v SSSR* [Blue Division, prisoners of war and interned Spaniards in the USSR]. St. Petersburg.

- Kovalev B. N. (2014). *Dobrovol'tsy na chuzhoy voyne: ocherki istorii Goluboy divizii* [Volunteers in someone else's war: essays on the history of the Blue Division]. Velikiy Novgorod.
- Kovalev B.N. (2020). *Ispanskaya diviziya – soyuznik Tret'ego reykh, 1941–1945 gg.* [Spanish division – ally of the Third Reich, 1941–1945]. St. Petersburg.
- Kovalev B. N. (2004). *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [Nazi occupation and collaboration in Russia]. Moscow.
- Pozharskaya S. P. (1969). *Ispanskaya “Golubaya diviziya” na Sovetsko-Germanskom fronte (1941–1943 gg.)* [Spanish “Blue Division” on the Soviet-German Front]. *Voprosy istorii*, 8, August, 107–126.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Сведения об авторе. Евгений Николаевич Журавлёв – историк спецслужб, член Общества изучения отечественных спецслужб; ORCID: 0009-0007-3644-6003; ezhuravlev@mail.ru

E. N. Zhuravlev

SPECIAL SERVICES OF THE SPANISH VOLUNTEER DIVISION ON THE SOVIET-GERMAN FRONT (1942–1943)

Abstract. Based on declassified archival documents of the military counterintelligence during the Great Patriotic War, the article discusses the organizational structure and activities of the special services of the Spanish Volunteer Division (250 Wehrmacht Infantry Division) during its stay on the Leningrad Front in 1942–1943. The analysis of the structure and activities of the special services of the Spanish “Blue Division” was carried out in the work. It made it possible to identify the main directions, methods and specifics of their operational activities, as well as to reveal the mechanism of interaction between employees of the special services responsible for organizing activities both at the divisional, and at the regimental and battalion levels. The article traces the mechanism for making key decisions. The paper draws conclusions about the reasons for the low efficiency of the service and the inability to resist the actions of the Soviet military counterintelligence.

Keywords: Spanish Volunteer Division, “Blue Division”, 250 Infantry Division, Internal Intelligence Service, 2 bis, Soviet military counterintelligence

For citation: Zhuravlev E. N. (2023). Special services of the Spanish Volunteer Division on the Soviet-German front (1942–1943). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 425–433. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).425-433

А. А. Красноперов

КОМПЛЕКСЫ С БУСАМИ ГРУППЫ АЛЕКСЕЕВА-480-482,490,492 / Т-М-362 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ И ИХ ДАТИРУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются комплексы с находками бус с ресничковым орнаментом Алексеева-480-482,490,492 / Т-М-362 в Центральной Европе. Благодаря этим параллелям устанавливается хронология, позволяющая уточнить датировку их бытования в Восточной Европе, и потенциал использования как самостоятельных хронологических указателей. Рассмотренные комплексы содержат достаточно постоянный, повторяющийся, набор инвентаря: фибулы А-162, 167, 168, 211, ведерковидные подвески, пряжки МL-D-17/29, бусы Т-М-198/213, 266/267, 294/297, 322, 360-361, янтарные восьмерковидные подвески. Находки отчетливо выделяют две группы с несколько отличающейся хронологией: в памятниках Прибалтики могилы могут датироваться чуть раньше – В2-С1а-С1b, на территории Польши – С1b-С2а-С2b, с единичным случаем запаздывания до С3/Д. Основной культурный круг бытования – вельбаркская культура, из которой выделяется масломеньская группа, демонстрирующая выраженные южные связи с черняховской культурой и сарматами лимеса. Любопытно, что в самой черняховской культуре находки бус с ресничковым орнаментом единичны, а у сарматов (и связанных с ними групп): на лимесе многочисленны, но чем дальше на восток (Крым, Доно-Волжские степи), тем реже. В сарматских памятниках бусы встречаются с набором инвентаря, укладываемым в даты 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

Ключевые слова: бусы, хронология, фибулы, восточноевропейские выемчатые эмали, вельбаркская культура, Лимес, сарматы

Для цитирования: Красноперов А. А. Комплексы с бусами группы Алексеева-480-482,490,492 / Т-М-362 в Центральной Европе и их датирующие возможности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 434–451. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).434-451

Бусы могут быть эффективными хронологическими указателями, с одним существенным уточнением – перенос дат возможен только после проверки датировок комплексов. Это в целом большая, и, видимо, невозможная, задача, которую необходимо провести для свода Е. М. Алексеевой. Непосредственные даты, привлекаемые ею по данным авторов раскопок, или не имели оснований, или эти основания сейчас устарели и должны быть пересмотрены. Провести ревизию всего свода, это дело на 10–15 дипломников, которых, разумеется, нет, и не ожидается. Но в более локальном масштабе, по отдельным типам, такую задачу вполне можно постепенно решать [Зуев, 2004].

Цикл работ посвящен одной не часто встречающейся группе бус с ресничковым орнаментом – Алексеева-480-482,490,492 / Т-М-362 [Алексеева, 1982]. Можно выделить несколько ареалов распространения: сарматские группы на римском пограничье (и в Крыму) [Красноперов, 2020б], германоязычные (со смешанным населением) культуры (пшеворская, вельбаркская, черняховская, и др.) (Прим. 1), и районы под их влиянием (Кавказ [Красноперов, 2021], Прибалтика), круг лесных культур Восточной Европы (рязано-окских могильников [Румянцева, 2008; 2019], «древнемордовская», азелинская, мазунинская). Для корректного переноса датировок и понимания хронологических возможностей находок, в данном случае находок бус группы Т-М-362 в Прикамье [Красноперов, 2020а], необходимо рассмотреть датировки комплексов в других регионах их бытования.

Среди бус Барбарикума М. Темпельманн-Мончинска выделила группу XXIII, тип 362, с основой различного цвета и розетковым орнаментом, как наиболее распространенные среди мозаичных в фазах C1b-C2 (220/230-300/320 гг.) центрально-европейской хронологии (Прим. 2) [Tempelmann-Mączyńska, 1985, tab. 8, s. 95]. Хотя появляются несколько раньше, на фазе B2/C1 (160/180-200 гг.), а пережиточно встречаются и позднее [Tempelmann-Mączyńska, 1985, s. 60]. К тому же времени относят находки в Польше [Kokowski, 1993, цит. по.: [Румянцева, 2008, с. 98; 16, s. 73-74, kat. 127]]. В Скандинавии отнесены к фазам C1-C3 (150/160-400 гг.) по хронологии У. Лунн-Хансен, с пиком распространенности в фазах C1-C2 (150/160-310/320 гг.) (цит. по.: [Румянцева, 2019, с. 10]). О. А. Хомякова распространение бус с декором (ресничковый, меандровый и шахматный; признак 63), в т.ч. с розетковым орнаментом, относит к фазе II самбийско-нотангской культуры (B2/C1-C1a) [Хомякова, 2012, с. 259, рис. 9: 63].

Не все отмеченные М. Темпельманн-Мончинской находки удалось просмотреть, но количество опубликованных комплексов теперь прибавилось (Прим. 3), прежде всего, за счет могильника Веклице (Weklice).

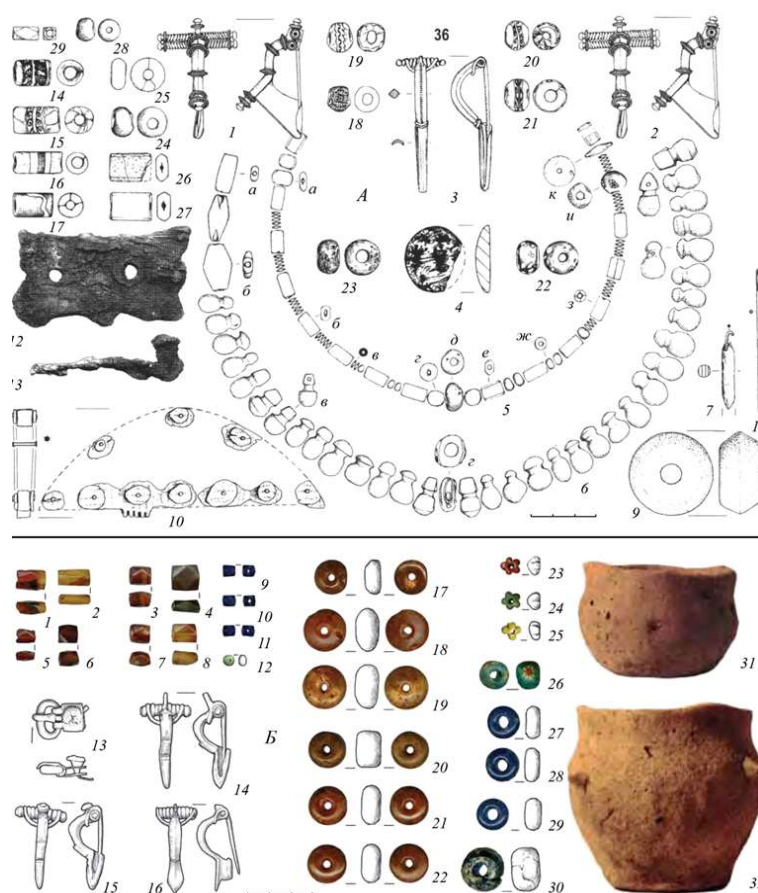

Рисунок 1. Петровици, п. 36 (сохранена нумерация оригинальной публикации); Шелкув Новы, п. 133. Все ссылки на источники иллюстраций даны в тексте

Период функционирования могильника в Петровицах (Пятровічы) определяется рамками фаз B2/C1-C1a – начало C3 (от рубежа II/III до первых десятилетий IV вв.). Богатейший комплекс Петровици, п.36 [Белявец, 2007, рис. 8] (рисунок 1: А; изначально все иллюстрации смонтированы в масштабе 1:2) относится к горизонту C1b. Здесь найдена пара застёжек, близких типу A-210/211, с высоким приемником,

двойной пружиной и накладными рубчатыми кольцами, и фибула типа А-161, варианта ZG-25 [Kokowski, 1995, s. 184, рис. 2: е]. Первая пара близка однопружинным «эталонным» образцам О. Альмгрена [Almgren, 1923, taf. IX: 211, s. 242], но массивность, двойная пружина, сближают с образцами А-216/217, а высокий приемник – с «сарматскими» [Мончиньска, 1999, с. 89, табл. 6: 8]. Но наиболее полные аналогии соответствуют «городницкой» серии по классификации Е. Л. Гороховского – О. В. Гопкало [Гороховский, Гопкало, 2004, с. 118-119, рис. 5: 1], которые в черняховской культуре относятся к ранней, «ружичанской» фазе, синхронизируемой с фазами С1b-С2 европейской хронологии. Гребень с округлой спинкой, типа Т1/Г6 является типичной формой для этого времени [Kokowski, 1995, s. 44, рис. 63]. Среди находок бус выделяются янтарные восьмерковидные подвески, и мозаичные бусы типов Т-М-356а,с,д/А-404-406 и Т-М-361а/А-425,426,428 (так же в Масломеньч, п. 200, Веклице, п. 248). В комплексах развитого поздне римского периода появляются игральные жетоны из стекла. В целом, комплекс Петровичи, п.36 датируется фазой С1b, не исключая начало фазы С2 [Белявец, 2006, с. 86, 88, 89; 2007, с. 316, 318, 324].

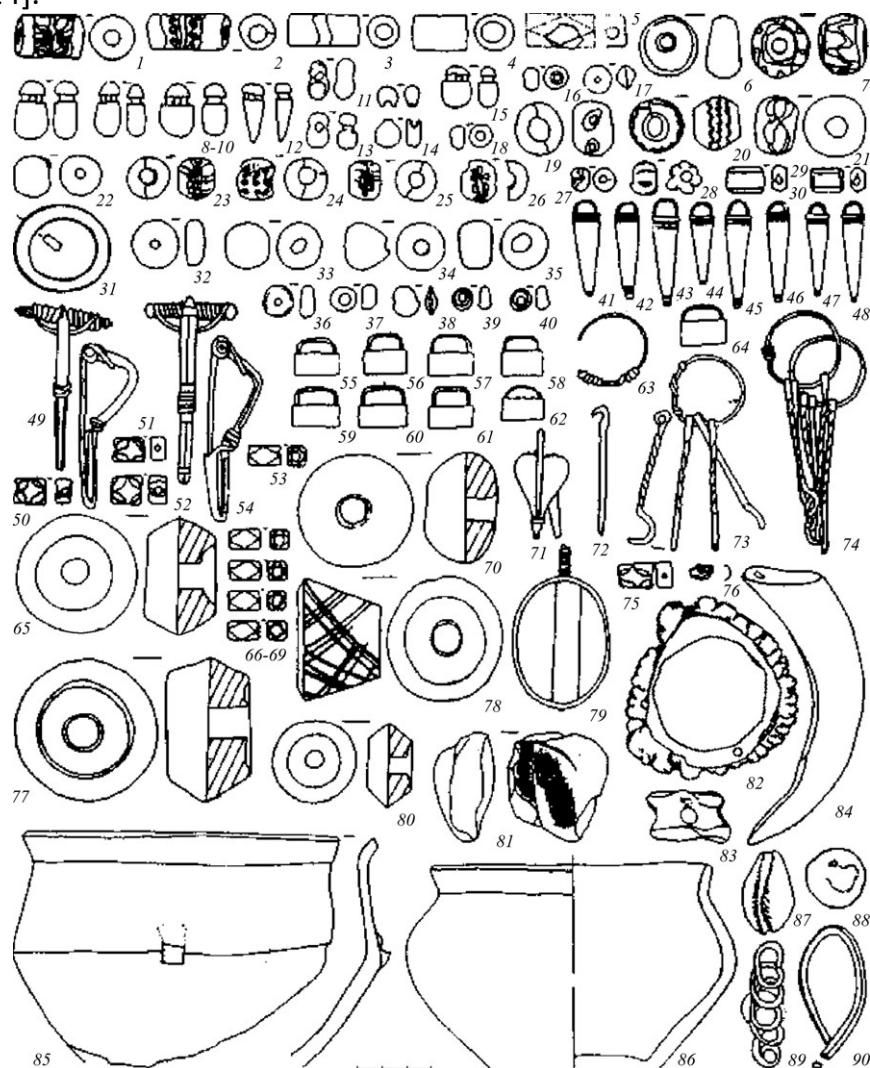

Рисунок 2. Масломеньч-15, п. 200

Могильник в Петровичах по составу инвентаря (янтарные грибовидные подвески, трехфибульная модель костюма, типы фибул с высоким приемником) в

значительной мере связан с южными / юго-западными группами: черняховской культурой и маслomenьчской группой [Белявец, 2006, с. 94-96; 2007, с. 327].

В комплексе (Прим. 4) Масломеньч-15 (Masłomęcz, stan. 15), п.200 [Kokowski, 1995, rys. 16; 1998, abb. 21/200] (рисунок 2) найдены те же типы янтарных и полихромных бус, а также ведерковидные подвески, амулеты из кабаньего клыка, спила оленьего рога, раковины каури, астрагал, набор «копоушек», биконические и «сарматские» пряслица [Kokowski, 1998, s. 657-658, abb. 5: d, e], и фибулы, относящиеся к типам A-162/ZG-79, ZM-200, с сильно изогнутой спинкой круглого и треугольного сечения [Kokowski, 1995, s. 14, 21, rys. 2: k, w; 1998, s. 653, 675, abb. 2: k, w]. Маленькие экземпляры ведерковидных подвесок из различных материалов датируются ранним временем, кон. II – 1 пол. III в., но встречаются и в IV в. [Гопкало, 2008, с. 64; Стоянова, 2016, с. 130-132; Gyöngyi, 2015; Иштванович, Кульчар, 2017, с. 55-56]. Погребение отнесено к горизонту С могильника, или C1b европейской хронологии [Kokowski, 1995, s. 21, rys. 45; 1998, s. 680, 698, abb. 40]. Во многом комплекс схож с Грудек-на-Буге (Gródek Nad Bugiem), п. 61 [Kokowski, 1995, s. 20; 24, abb. 19/61], той же хронологической фазы. В Грудек-на-Буге, п.66 [Kokowski, 1993/II, rys. 59] (рисунок 3: А) найдено цилиндроконическое пряслице [Kokowski, 1995, s. 26, rys. 5: c; Kokowski, 1998, s. 657, abb. 5: c] и гребень с округлой, но угловатой спинкой. В Грудек-на-Буге, пп.105 и 150 – только бусы [Kokowski, 1993/II, rys. 97, 129: b-d], не позволяющие уточнить хронологию.

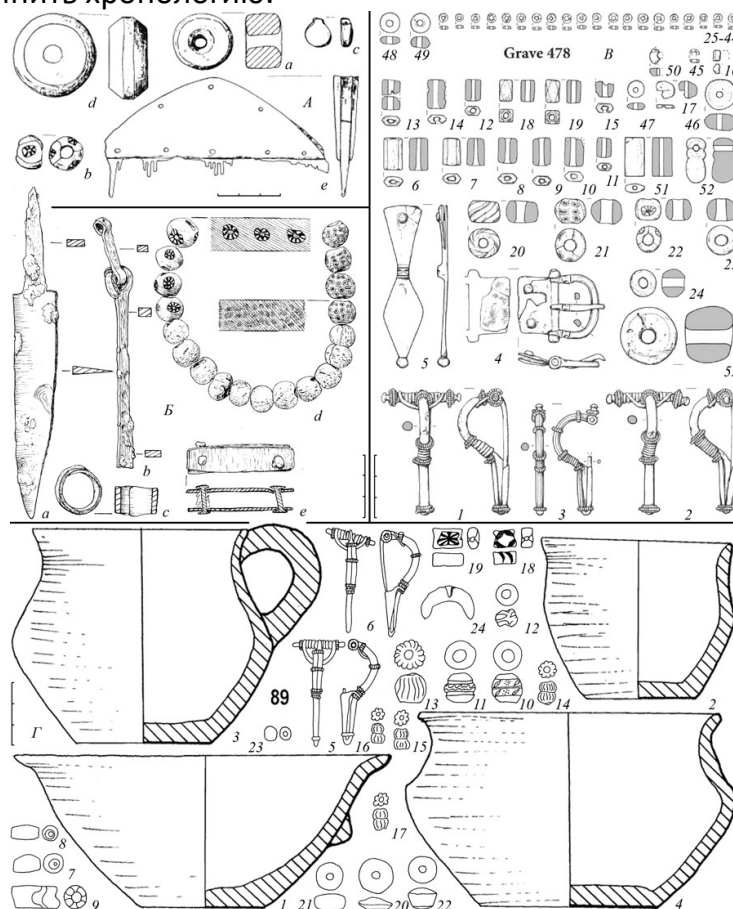

Рисунок 3. А – Грудек-на-Буге, п. 66 (сохранена нумерация оригинальной публикации); Б – Швейцария, к. VII (сохранена нумерация оригинальной публикации); В – Веклице, п. 478 (сохранена нумерация оригинальной публикации); Г – Линово, п. 89 (сохранена нумерация оригинальной публикации)

В могильнике Веклице бусы группы Т-М-362 встречены в пяти случаях: Веклице, пп.124 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, pl. XLIX] (рисунок 4: В), 248 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, pl. CII-CIV] (рисунок 5: А), 379 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, pl. CLXVII, CLXVIII] (рисунок 5: Б), 388 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, pl. CLXXI, CLXXII] (рисунок 4:А), 478 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, pl. CCXI, CCXII] (рисунок 4: В). По относительной хронологии памятника одно погребение (№ 388) отнесено к фазе IIIb/IVa, одно (№124) – к IVa, одно – к IVb/V, и два (№№ 248, 379) – к V [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, tabl. 1].

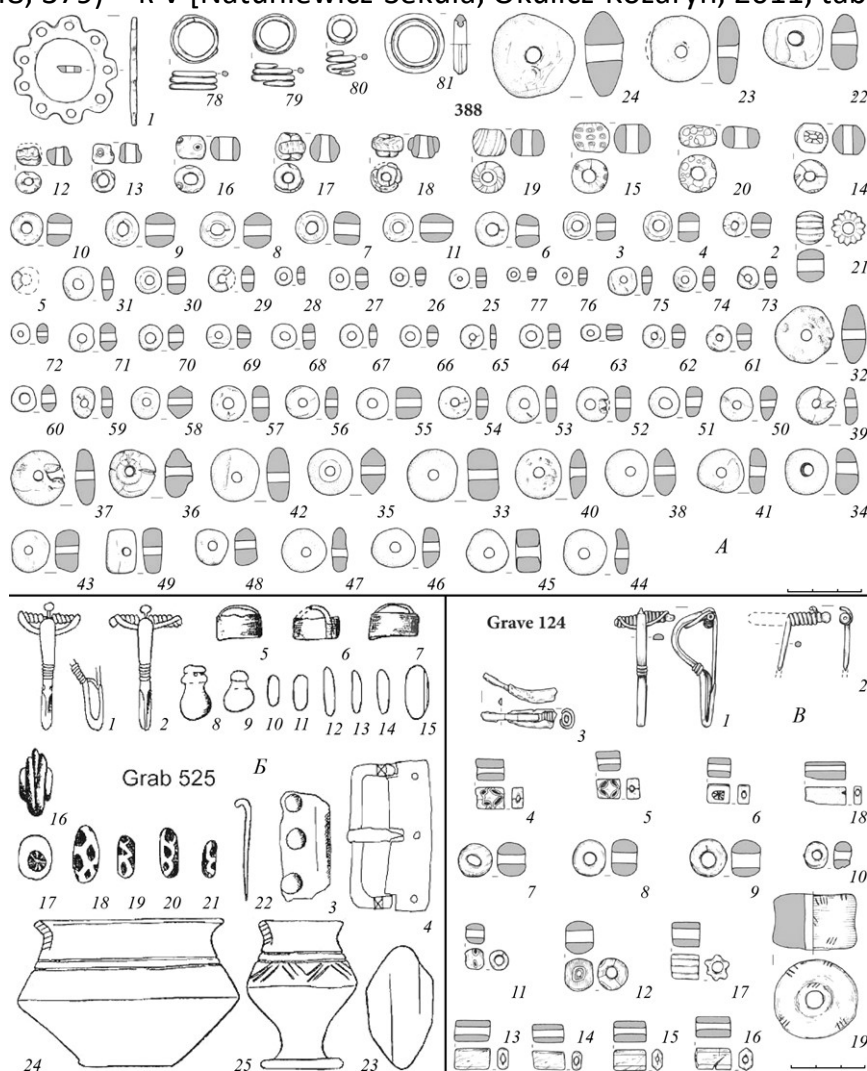

Рисунок 4. А – Веклице, п. 388 (сохранена нумерация оригинальной публикации); Б – Мальбок-Вельбарк, п. 525 (масштаб не ясен); В – Веклице, п. 124 (сохранена нумерация оригинальной публикации)

Период IVa характеризуется фибулами А-162, IVb и V – фибулами А-162, А-168, и близкими к А-167 с накладными рубчатыми кольцами, но без кнопок, продолжают бытовать пряжки типа ML-D-17/29 [Madyda-Legutko, 1986, taf. 9, 10], в единичном случае встречен наконечник ML-10 [Madyda-Legutko, 2011, tabl. XL/10] или R-J-IV/3 [Raddatz, 1957, abb. 2, s. 103]. Из Веклице, п. 379 происходит недатирующая монета Траяна [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, s. 99]. Фазы IVa и IVb/V синхронизируются с периодами C2-C2a, фаза V – с периодом C2b европейской хронологии [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011, s. 131-133].

Бусы в Веклице, п. 124 не шаровидной, а в форме кирпичика. Такие же происходят из комплекса Линово, п. 89 [Bokinić, Sosnowski, 2001, rys. 4] (рисунок 3: Г). Здесь найдены полихромные бусы типов Т-М-322b, 354a,d, 355, и пара фибул А-167, по которым могила датируется фазой С2 [Godłowski, 1970, s. 38, tabl. VII: 5].

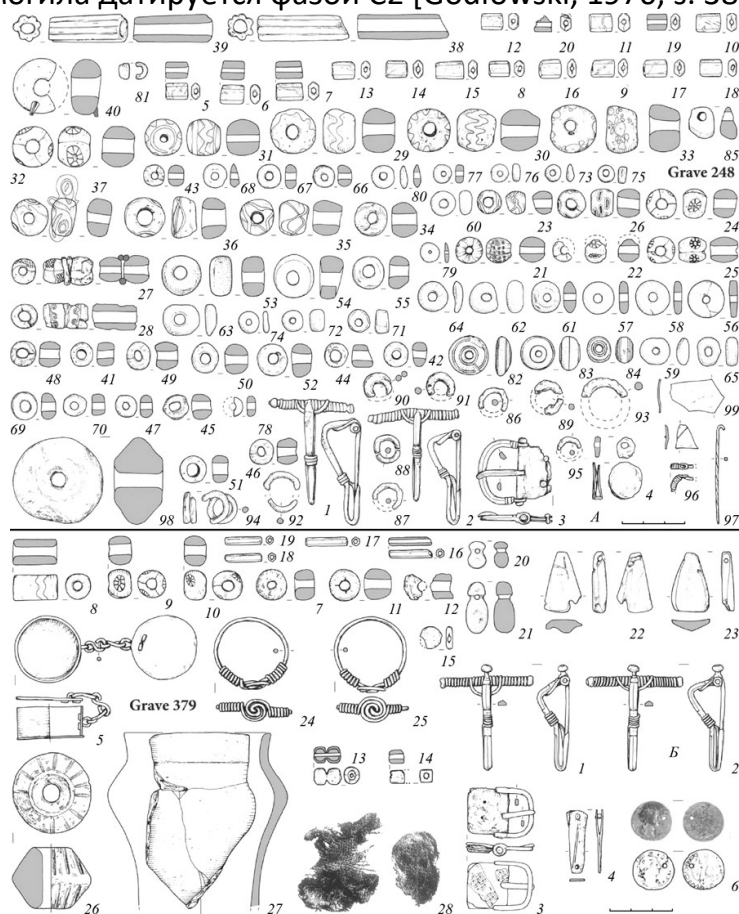

Рисунок 5. А – Веклице, п. 248 (сохранена нумерация оригинальной публикации); Б – Веклице, п. 379 (сохранена нумерация оригинальной публикации)

В Вельбарк (Malbork-Wielbark), п.525 [Kleemann, 2017, taf. 30] (рисунок 4: Б) найдены ведерковидные подвески (см. выше), бусы типов Т-М-266-267, Гопкало-ХIII/12-13, в черняховской культуре встречающиеся на раннем этапе, в последней трети – кон. III в. [Гопкало, 2008, с. 33-34], фибула типа А-168, пряжка с прямоугольной рамкой, типа ML-G-16 [Madyda-Legutko, 1986, taf. 14], характерным для фазы В2/С1 [Godłowski, 1970, pl. I: 23, VI: 17, 18].

Другие памятники не имеют четких датирующих оснований (Осова (Osowa), п.74 [Jaskanis, 1961, tab. VI: 11–14] (рисунок 6: В), Швайцария (Szwajcaria), к.VII [Kaczynski, 1963, rys. 6] (рисунок 3: Б), Цецеле (Cecele), п.52 [Jaskanis, 1996, taf. VII/52], Юхнайце (Jucknaitzen), урновое погр. [Nowakowski, 1998, №51, taf. 3: 51, s. 109]), или соответствуют уже изложенным (Вехмар (Wechmar), п. 120 [Kaufmann, 1984, tab. XIV: 16–21] (рисунок 6: Б). Разово попадают на поселениях: Хренники (Хрінники) [Козак, Гопкало, 2011, фото 1: 24, рис. 1: 24].

Самый поздний комплекс – Шелкув Новы (Szelków Nowy), п. 133 [Prochowicz, 2013, fig. 3, 4] (рисунок 1: А). В нем найдены три фибулы, не находящие полного соответствия в каталоге О. Альмгрена. Одна, по ромбической ножке, может быть сопоставлена с группой А-174/175/176/177 (Прим. 5), или группой образцов 164–211

по М. Шульце [Schulze, 1977, taf. 12–15], вероятно ближе всего экземплярам 176–177, вариант № 177 она датировала 2–3 четв. V в. [Schulze, 1977, tab. 5]. Другую Р. Прохович сравнивает с типом А-185 [Prochowicz, 2013, р. 305]. Значительно точнее приведенный им же аналог из Козлышко (Kozływko), п. XXII [Woźniak, 2011, rys. 7: 1, s. 176, 184]. В этой могиле найден фрагмент стеклянного сосуда типа Эггерс-230, датирующий комплекс фазами С3-D (историографический обзор см.: [Щепаченко, 2017]). Пряжка, овальнорамчатая, с заходящим до середины рамки язычком с высоким уступом у основания, квадратным щитком, также характерна для фазы С3-D1 [Tejral, 1992, abb. 5: 2, 7: 21; 1997, abb. 9: 9].

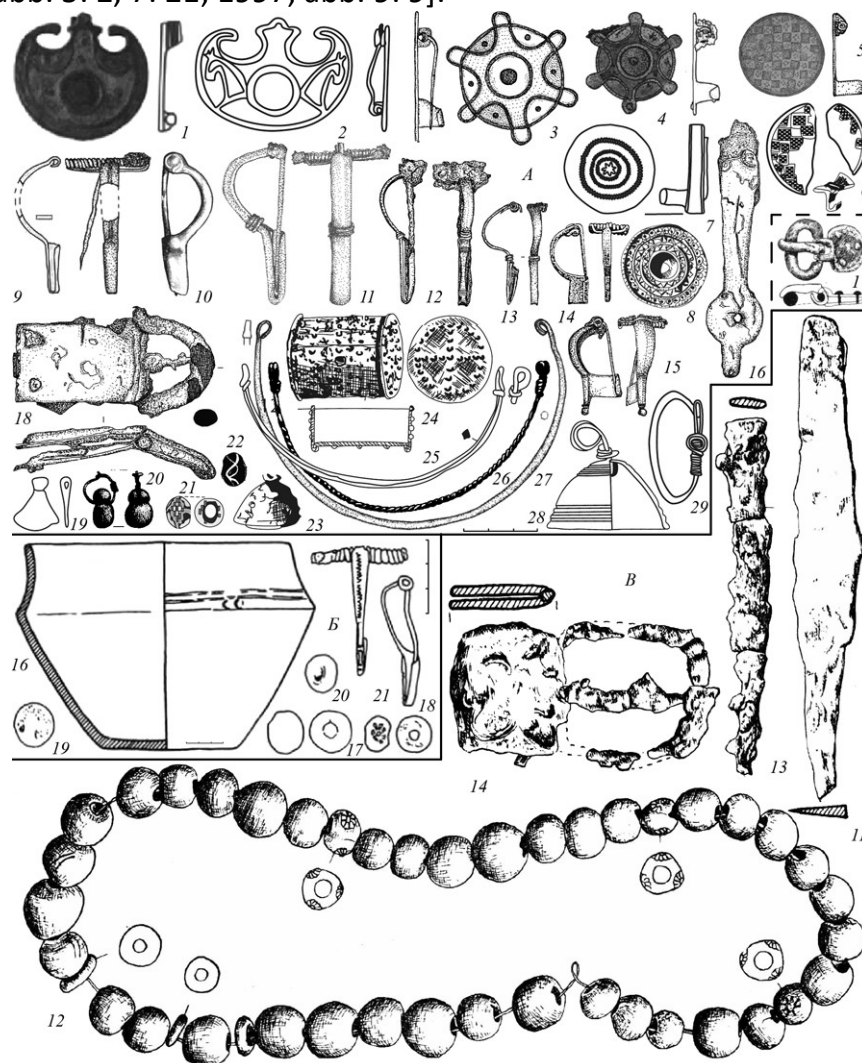

Рисунок 6. А – датирующие и группообразующие находки в памятниках с бусами с розетковым декором на лimese: 1 – Foeni-Cimitirul Orthodox, п. 8 (Grumeza, 2018, pl. VII); 2,23 – Vršac-Dvorište Eparhije Banata, п. 14 (Grumeza, 2014, pl. 97-2,4); 3,12,15,16,18 – Abony-39, п. 71 (Gyöngyi, 2011, tabla 29-2,3,7,8, 30-1); 4,27 – Mako-Pap-hat 1, п. 14 (Gyöngyi, 2012, abra 3-5, 13-5, 14-1); 5,13,22 – Abony-39, п. 95 (Gyöngyi, 2011, tabla 33-4,5,9); 6,24 – Vršac-Dvorište Eparhije Banata, п. 6 (Grumeza, 2014, pl. 94-1,8); 7,21,29 – Foeni-Cimitirul Orthodox, п. 14 (Grumeza, 2014, pl. 19-2,3,7); 8 – Vršac-Dvorište Eparhije Banata, п. 9 (Grumeza, 2014, pl. 95-2); 9 – Mako-Pap-hat 1, п. 2 (Gyöngyi, 2012, abra 3-2); 10,20,26 – Kiskundorozsma-Subasa, 26/78, п. 121 (Bozsik, 2003, kep. 5-2, 6, 7-7); 11 – Cegled 4/3, п. 607 (Gyöngyi, 2011, tabla 63-4); 14 – Madaras-Halmok, пп. 114 (Köhegyi, Vörös, 2011, tabla 26-7); 19 – Pančevo-Vojlovica, п. 23 (Grumeza, 2014, pl. 72-12); 17 – Tiszadob-Sziget, п. 19 (Istvanovits, 1993, abb. 10-1); 25,28 – Pančevo-Vojlovica, п. 49 (Grumeza, 2014, pl. 78-10,11); Б – Вехмар, п. 120 (сохранена нумерация оригинальной публикации); В – Осова, п. 74 (сохранена нумерация оригинальной публикации)

Бусы этой группы встречаются и в памятниках балтийского побережья. В погребениях самбийско-натангийской / доллькайм-коврово культуры бусы с орнаментом в виде розетты были выявлены в составе комплексов с перекладчатыми застежками А-98, фибулами А-167 и А-161-162 с тремя кнопками, что позволяет датировать их периодами С1, преимущественно, С1b-С2 [Хомякова, 2012, с. 260, 261]. Из опубликованных (Прим. 6), интерес представляет Большое Исаково / Laut, п.44 [Skvorzov, 2007, taf. 51–53] (рисунок 7). Шейная гривна с петлевидным замком и половинной обмоткой [Godłowski, 1970, pl. XI: 23], бусы типов Т-М-294/297а,е/355а, пряжка МL-G-16 [Madyda-Legutko, 1986, taf. 14; 34, pl. XI: 9], три фибулы А-211 [Mączyńska, 2009, s. 66, 297-301, fundliste 17, abb. 27], позволяют отнести комплекс к фазам С1а-С1b [Хомякова, 2012, рис. 9: 6, 36].

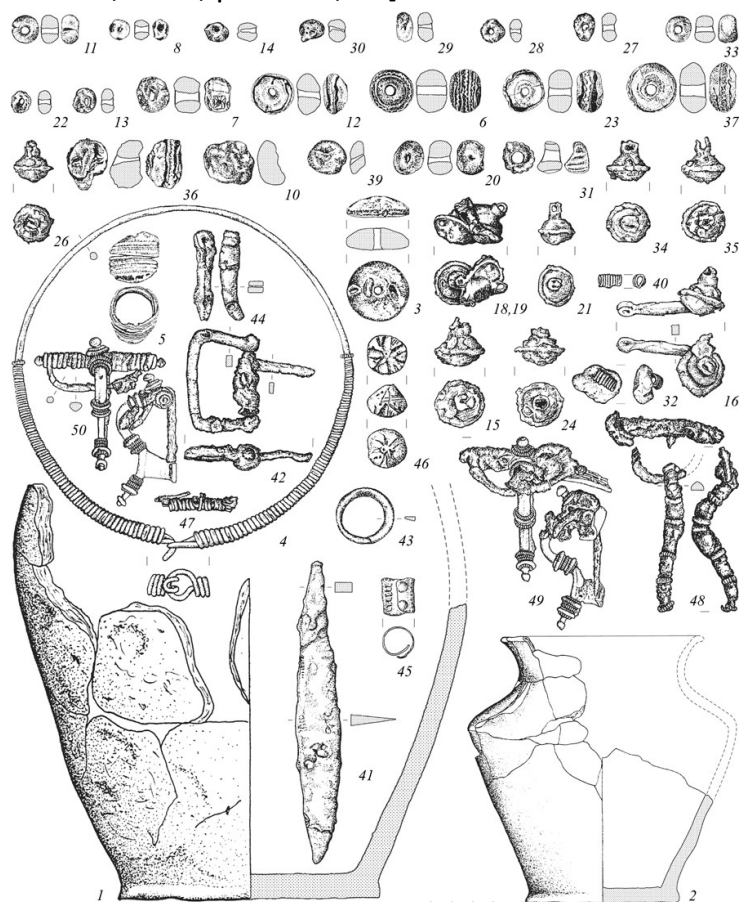

Рисунок 7. Б.Исаково/Лаут, п.44 (сохранена нумерация оригинальной публикации)

К западнобалтской культуре относится Шернай (Šernai, ранее Schernen), п. 10 [Bezenbberger, 1892, taf. VII: 1–29, VIII/l: 1, 2, 12, 13, IX: 1, 5-7, X: 1, XIII] (рисунок 8: Б). Погребение, по фибуле А-167 [Godłowski, 1970, pl. XI: 4], фибуле А-162, браслету [Godłowski, 1970, pl. XI:19], паре ажурных щитковых (tutulusförmigen/tutulus pins) булавок [Banytė-Rowell, 2008(2009); Banyte-Rowell, Bitner-Wroblewska, 2005, s. 112-113], набору бус Т-М-254а, 294с, 297а, 338b, «змеиноголовым» перстням [Banytė-Rowell, Bitner-Wróblweska, Reich, 2012, p. 209, 213, fig. 10; Banyte-Rowell, Bitner-Wroblewska, 2005, s. 113–114; 55], здесь же недатирующая монета Траяна [Rühl, 1892, s. 170], и аналогиям головному убору в Байтай (Baitai), пп. 2, 18, 24 [Banytė-Rowell, 2008], датируется фазой С1b. Бусина найдена в Жвиляй (Žvilių), п. 84 [Vaitkunskiene, 1999, p. 35, pav. 172: 10, 17], на плане могилы [Vaitkunskiene, 1999, pav. 35/84] видны

гривна [Vaitkunskiene, 1999, pav. 167: 1], пара браслетов и пара булавок, но перекрестных ссылок нет, комплекс не восстанавливается, потому что приведены только «рисунки инвентаря из лучше сохранившихся погребений» [Vaitkunskiene, 1999, p. 237].

Рисунок 8. А – Пакалняй, к.7/п.2; Б – Шерняй, п. 10 (масштаб относится к №№ 1-29, 35) (для бус сохранена нумерация оригинальной публикации)

В Пакалняй (Pakalnių, Пакальнишкяй), к.7/п.2 [Vaitkevicius, 2003, rys. 10-11] (рисунок 8: А) культуры восточно-литовских курганов найдены ведерковидные подвески, крапчатые бусы Т-М-198 (бусы этой группы есть и в Веклице, пп. 248, 388, Петровичи, п.36; обзор см.: [Мастыкова, Плохов, 2010]), но наибольший интерес представляет подковообразная фибула с эмалью с прямоугольным гнездом на дужке, разновидности 1 по И.Р. Ахмедову [Ахмедов, 2018, с. 154, рис. 119]. В закрытых комплексах: Нетта (Netta), п.81 [Битнер-Врублевска, 2019, рис. 1], Этулионис (Eitulionys), к. II [Битнер-Врублевска, 2019, рис. 4], они датируются фазами В2, В2/С1-С1b, С1b/С2. Ранняя дата обосновывается специфическим наконечником копья, поздняя – фибулами А-161-162, широким манжетовидным браслетом, гривной с половинной обмоткой и ладьевидными петлями [Алексеева, 1982, с. 173, 178, 179–180]. Захоронение следует датировать фазам В2/С1-С1a, т.е. кон. II – нач. III в.

Рассмотренные комплексы содержат достаточно постоянный, повторяющийся, набор инвентаря: фибулы А-162, 167, 168, 211, ведерковидные подвески, пряжки МЛ-

D-17/29, бусы T-M-198/213, 266/267, 294/297, 322, 360-361, янтарные восьмерковидные подвески, предметы круга эмалей. Находки отчетливо выделяют две группы с несколько отличающейся хронологией: в памятниках Прибалтики могилы могут датироваться чуть раньше – B2-C1a-C1b, на территории Польши – C1b-C2a-C2b, с единичным случаем запаздывания до C3/D. Основной культурный круг бытования – вельбаркская культура, из которой выделяется маслосеньская группа, демонстрирующая выраженные южные связи с черняховской культурой и сарматами лимеса [Kokowski, 1995, s. 65; 1999, s. 180]. Любопытно, что в самой черняховской культуре находки бус с ресничковым орнаментом единичны, а у сарматов (и связанных с ними групп): на лимесе многочисленны, но чем дальше на восток (Крым, Доно-Волжские степи), тем реже [Красноперов, 2020б]. Т.е. канал поступления к германоязычному населению, если считать зоной производства ателье на границах Империи, довольно узок.

В сарматских же памятниках бусы встречаются с иным, что ожидаемо, набором инвентаря (рисунок 6: А), укладываемым в даты 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э. И в обоих районах известны единичные случаи (Tiszadob-Sziget, п.19, Шелкув Новы, п. 133) запаздывания.

Учитывая очаг распространения и некоторую динамику бытования необходимо рассмотреть находки и в других регионах.

Примечания

1. Их много в Скандинавии, напр.: Хавор (Havor), п.139 [Carnap-Bornheim, 1995], Шовгорд (Skovgarde), п.209 [Lund-Hansen, 2011, fig. 1], Энгбьер (Engbjerg), п.4 [Boye, Lund-Hansen, 2013, fig. 10: a], неопределимых памятников к западу от Копенгагена [Lund-Hansen, 2011, fig. 21], Кон-Свендс-Парк (Kong Svends Park), п. 1009 [Cieslinski, 2009, fig. 5], Skyttemarksvej, Noestved [Borby Hansen, 2008, fig. 29], Vellensbygård, пп. A5, A7, A9, A18 [Knöfler, 2011, fig. 2, 3, 5, 6, 11], но информация эпизодическая, размещать публикации в интернете там не принято.
2. Далее: B2a (70/80-100), B2b (100-150/160), B2/C1 (150/160-180/200), C1a (150/160-210/220), C1b (210/220-250/260), C2 (250/260-310/320), C2a (250/260-275), C2b, (275-310/320), C3 (310/320-360/370/375), D (360/370/375-450/470), D1 (360/370-400/410). Календарные даты иногда отличаются в зависимости от региона и авторской позиции.
3. Список даже не предполагает полноты. Во-первых, из-за избыточности для решения поставленных задач, во-вторых, ввиду недоступности в нужном объеме литературы, прежде всего польской, прибалтийской и датской.
4. Я искренне благодарен Игорю Олеговичу Гавритухину за возможность работы в его библиотеке.
5. Нечеткость разделения О. Альмгреном в части VI и VII групп регулярно превращает определение образцов в гадательное.
6. Есть среди находок в Гребитен (Grebieten)/Поваровка, п.163 (Museum für Vor- und Frühgeschichte / Prussia-Sammlung, Ident.Nr. PM Pr 14042). В описании [Bujack, 1886/1887, s. 222] не указана, сохранившийся комплекс оснований для датировки не дает.

Литература

- Алексеева Е. М. (1982). Античные бусы Северного Причерноморья. САИ, Г1–12. М.: Наука.
- Ахмедов И. Р. (2018). Гл. 12. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке. В: Обломский А. М. (ред.). *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / РСМ, 18*. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 146–158. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8
- Белявец В. Г. (2006). Папярэднія вынікі вывучэння грунтовага мопльніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара). ГАЗ, 22, 79–101.

- Белявец В. Г. (2007). К изучению памятников Вельбарской культуры в Беларуси. В: Fudziński M., Paner H. (eds). *Nowe materiały i interpretacje stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdąnsk: Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 293–344.
- Битнер-Врублевска А. (2019). Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмалями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур. *КСИА*, 254, 171–190. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190
- Гопкало О. В. (2008). *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев.
- Гороховский Е. Л., Гопкало О. В. (2004). Фибулы VII группы О. Альмгрена в ареале черняховской культуры. В: Козак В. Д. (ред.). *Археологія давніх слов'ян*. Киев, 103–130.
- Зуев В. Ю. (2004). Хронология бусин с внутренней позолотой античной эпохи Северного Причерноморья (по данным свода Е. М. Алексеевой). *Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. Мат-лы Междунар. науч. конф.* Ч. 2. СПб.: Изд-во ГЭ, 5–32.
- Иштванович Э., Кульчар В. (2017). Ведерковидные подвески в сарматском Барбарикуме карпатского бассейна (1–5 вв. н. э.). В: Скиба А. В., Горбаненко С. А. (ред.). *Європейська археологія I тисячоліття н. е.: Збірник наукових праць на честь Л. В. Вакуленко*. Киев: ІА НАН України, 51–62.
- Козак Д. Н., Гопкало О. В. (2011). Намисто з поселення вельбарської культури біля с. Хрінники на Волині та питання хронології пам'ятки. *Ouim. Вип. 1. Черняхівська культура: матеріали досліджень*. Киев; Луцьк, 97–106.
- Красноперов А. А. (2020). Бусы типов «Алексеева 480–482, 490, 496» в Прикамье. *Международная научная конференция памяти Ю. Л. Щаповой. Москва, Россия, 28–30 мая 2020 г. Тез. докл.* М.: Изд-во МГУ, 33–34.
- Красноперов А. А. (2020). Датировки комплексов с бусами Т-М-362 на римском пограничье в связи с находками в Прикамье. *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*, 2(9), 58–74. DOI: 10.15350/26191490.2020.2.6
- Красноперов А. А. (2021). Ареал и хронология бус типов «Т-М-362/Алексеева-480-482,490,496» на Кавказе. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. VII. Сб. научных статей. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД», 114–131.
- Мастыкова А. В., Плохов А. В. (2010). Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее. В: Мусин А. Е., Хвошинская Н. В. (ред.). *Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова*. СПб.: Дм. Буланин, 337–357.
- Мончиньска М. (1999). О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе. В: Левада М. Е. (ред.). *Сто лет черняховской культуре*. Киев, 87–112.
- Румянцева О. С. (2008). Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья поздне римского времени. В: Гавритухин И. О., Воронцов А. М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Вып. 1. Тула, 90–110.
- Румянцева О. С. (2019). Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст. В: Гавритухин И. О., Воронцов А. М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конф. 4. Ч. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 7–22.
- Стоянова А. А. (2016). Подвески из могильника Нейзац. В: Храпунов И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. II. 20 лет исследований могильника Нейзац. Симферополь: Наследие тысячелетий, 122–165.
- Хомякова О. А. (2012). Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры. В: Гавритухин И. О., Воронцов А. М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Конф. 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 255–280.
- Щепаченко В. И. (2017). Стеклянные сосуды группы Eggers 230 / Kowalk / Straume I по материалам исследований на территории Барбарикума. *Дриновский сборник*. Вып. X. София; Харьков, 33–48.

- Almgren O. (1923). *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen / Mannus-Bibliothek*. Bd. 32. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Banytė-Rowell R. (2007). Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio žiedas iš Baitų kapinyno. Pavidalo kilmė Baltijos regiono kultūrinių ryšių plotmėje. *LA*, 30, 9–38.
- Banytė-Rowell R. (2008). Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischen Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im «germanischen» und «sarmatischen» Kontext, *Germania-Sarmatia*. В: Радюш О. А., Скворцов К. Н. (ред.). *GeSa. 1 / Древности центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Калининград, 88–103.
- Banytė-Rowell R. (2008/2009). Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio rozetiniai smeigtukai ir segės su tutuliu. *LA*, 34, 9–42.
- Banyte-Rowell R., Bitner-Wroblewska A. (2005). From Aestii to Esti. Connections between the Western Lithuanian Group and the area of distribution of tarand-graves. *Culture and material culture. Interarchaeologia*. Vol. 1. Tartu-Riga-Vilnius, 105–120.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblweska A., Reich Chr. (2012). Did they exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods and their Interregional Contacts. *Arch. Baltica*, 18, 192–220.
- Bezenbberger A. (1892). Das Gräberfeld bei Schemen (kr. Memel). *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. 17. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 141–168.
- Bokiniec E., Sosnowski W. (2001). Wstępne wyniki badań cmentarzyska kultury wielbarskiej w linowie, gm. Świecie n/Osą, woj. kujawsko-pomorskie, stanowisko 6. *WA. LIV (1999–2001)*, 147–152.
- Borby Hansen B. (2008). Kvinden på Maglebjerg. En rig grav fra yngre romersk jernalder ved Næstved. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie*, 123–194.
- Boye L., Lund-Hansen U. (2013). Glass and Amber Beads in Late Roman Iron Age. Relations between denmark and the Black Sea Area – with a Special Focus on the Graves from Eastern Zealand. In: Khrapunov I., Stylegar F-A. (eds). *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristianssand, Simferopol: DOLYA Publishing House, 40–68.
- Bujack G. (1886/1887). Die Acession des Prussia-Museums. Gebieten. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. XIII. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 202–255.
- Carnap-Bornheim C. (1995). Havor, Grab 136 – Bemerkungen zu einer kaiserzeitlichen Fibel mit Glaseinlage aus Gotland. *Fornvännen*, 90, 65–75.
- Cieslinski A. (2009). Artefacts from the cemetery at Kong Svends Park with Southern Baltic connections. In: Boye L., Lund Hansen U. (eds). *Wealth and Prestige. An Analysis of Rich Graves from Late Roman Iron Age on Eastern Zealand, Denmark / Kroppedal Studier i Astronomi, Nyere Tid, Arkæologi*. T. II. Kroppedal, 193–211.
- Godłowski K. (1970). *The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe*. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Gyöngyi Gy. (2015). A balta alaku csungok a szarmata leletanyagban. – Axe shaped pendants among Sarmatian finds. *Hadak Utjan, XXIV, 1, kotet*. Bupapest-Esztergom, Ol., 129–163.
- Jaskanis J. (1996). *Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / MAB. II*. Krakow: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Panstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie.
- Jaskanis J. (1961). Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958–1959. *Rocznik Białostocki*, 1, 131–191.
- Kaczynski M. (1963). Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Mieżany, pow. Świeciany na Wileńszczyźnie. *WA. XXIX/2*, 119–137.
- Kaufmann H. (1984). *Das spätkaiserzeitliche Brandgräberfeld von Wechmar, Kreis Gotha*. Katalog – Tafeln. Weimar: Museum für Ur- und Frühgeschichte Thüringens.
- Kleemann J. (2017). *Die Ausgrabungen des Städtischen Museums Marienburg im Gräberfeld Malbork-Wielbark Fundstelle 1 in den Jahren 1927–1932, 1934 und 1936*. Lublin.
- Knöfler L. (2011). Glas og rav. Perlerne fra Vellensbygård, en bornholmsk gravplads fra yngre romersk jernalder / BA-projekt i forhistorisk arkæologi, december 2011, SAXO-Instituttet, Københavns

- Universitet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/5222195/> (Дата обращения: 01.06.2023).
- Kokowski A. (1993). *Grydek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej*. Część II / Lubelskie Materiały Archeologiczne. T. 7/2. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kokowski A. (1995). Grupa Masłomęcka z badań nad przemianami kultury gotyw w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kokowski A. (1997/1998). Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises – Ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihrer Wanderungen. *BRGK*, 78, 641–833.
- Kokowski A. (1999). Vorschlag zur relativen Chronologie der südöstlichen Kulturen des “Gotenkreises” (Die Forschungsergebnisse zur Masłomęcz-Gruppe in Polen). In: Gomolka-Fuchs G. (ed.). *Die Sîntana de Mureș-Černjachov-Kultur*. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24 Oktober 1995 / Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 2. Bonn, 179–209.
- Lund-Hansen U. (2011). Contacts during the Third to Fifth Century AD between South Scandinavia and the Black Sea Illustrated by Late Roman Glass and Jewellery. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds). *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol: DOLYA Publishing House, 138–153.
- Mączyńska M. (2009). Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). *BRGK*, 90, 7–481.
- Madyda-Legutko M. (1986). *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum* / BAR; Int. Ser. 360. Oxford: BAR.
- Madyda-Legutko R. (2011). *Studia nad zróżnicowaniem metalowich części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków.
- Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. (2011). *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004)* / MAB. 17. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica – Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk – Państwowe Muzeum Archeologiczne.
- Nowakowski W. (1998). *Die Funde der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren* / Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge. Bd. 6. Berlin.
- Prochowicz R. (2013). Carnelian Beads in the Cemetery of the Wielbark Culture at Szelków Nowy, Poland – “Souvenirs from the Black Sea?” In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea, Kulturhistoriske rapporter 15*. Kristiansand-Simferopol: DOLYA Publishing House, 303–316.
- Raddatz K. (1957). Der Thorsberger Morfund. Guertel und Korperschmuck. Neumunster.
- Rühl F. (1892). Die Münzen d. Scher- ner Gräberfeldes. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. 17. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 169–170.
- Schulze M. (1977). *Die Spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festen Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2)* / Antiquitas Reihe. 3.19. Bonn: Habelt.
- Skvorzov K. (2007). Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol’schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999. *Offa*. Bd. 61/62 (2004/2005), 111–219.
- Stawiarska T. (1987). *Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich*. Wrocław: Ossolineum.
- Tejral J. (1992). Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski K., Madyda-Legutko R. *Probleme der Relativen und Absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Materialien des III. Internationalen Symposiums: Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet, Kraków-Karniowice 3.–7. Dezember 1990. Kraków, 227–248.
- Tejral J. (1997). Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. In: Tejral J., Friesinger H., Kazanski M. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike mittleren Donaauraum* / Materialien der Internationalen Fachkonferenz “Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum”, Kravsko 17. – 20. Mai 1995 / Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 8. Brno, 321–362.

- Tempelmann-Maczyńska M. (1985). *Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein.
- Vaitkevicius V. (2003). Badania cmentarzyska kurhanowego koło wsi Pakalniiai na Litwie. Przyczynek do dyskusji nad datowaniem początków kultury kurhanów wchodniolitewskich. *WA. LVI (2002–2003)*, 111–124.
- Vaitkunskiene L. (1999). *Žvilių kapinynas* / LA. T. 17.
- Woźniak M. (2011). Cmentarzysko kultury wielbarskiej w Kozływku, pow. nidzicki (d. Klein Koslau, Kreis Neidenburg) w świetle publikacji i materiałów archiwalnych. *WA. LXII*, 169–208.

References

- Akhmedov I. R. (2018). Gl. 12. Nakhodka kruga vostochnoevropeyskikh emaley na Volge i Oke [Finds of a circle of Eastern European enamels on the Volga and the Oka]. In: Oblomskiy A. M. (ed.). *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.)* / RSM, 18. Moscow, Vologda, 146–158. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8
- Alekseeva E. M. (1982). Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Code of archaeological sources]. *SAI, G1–12*. Moscow.
- Almgren O. (1923). *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen* / Mannus-Bibliothek. Bd. 32. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Banytė-Rowell R. (2007). Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio žiedas iš Baitų kapinyno. Pavidalo kilmė Baltijos regiono kultūrinių ryšių plotmėje. *LA, 30*, 9–38.
- Banytė-Rowell R. (2008). Metallene Trachtzierate aus einem westlitauischen Gräberfeld der römischen Kaiserzeit im “germanischen” und “sarmatischen” Kontext, Germania-Sarmatia. In: Radyush O. A., Skvortsov K. N. (eds). *GeSa. 1 / Drevnosti central'noy i Vostochnoy Evropy epohi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov*. Kaliningrad, 88–103.
- Banytė-Rowell R. (2008/2009). Vėlyvojo romėniškojo laikotarpio rozetiniai smeigtukai ir segės su tutuliu. *LA, 34*, 9–42.
- Banyte-Rowell R., Bitner-Wroblewska A. (2005). From Aestii to Esti. Connections between the Western Lithuanian Group and the area of distribution of tarand-graves. *Culture and material culture. Interarchaeologia*. Vol. 1. Tartu-Riga-Vilnius, 105–120.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblweska A., Reich Chr. (2012). Did they exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods and their Interregional Contacts. *Arch. Baltica, 18*, 192–220.
- Belyavets V. G. (2006). Papyaredniya vnyki vyvuchennya gruntovaga mopl'nika vel'barskay kul'tury Pyatrovichy (Belaya Gara) [Preliminary results of the study of the underground weeping pit of the Velbar culture of Petrovichy (Belaya Gara)]. *GAZ, 22*, 79–101.
- Belyavets V. G. (2007). K izucheniyu pamyatnikov Vel'barskoy kul'tury v Belarusi [To the study of the monuments of the Velbar culture in Belarus]. In: Fudziński M., Paner H. (eds). *Nowe materiały i interpretacje stan dyskusji na temat kultury wielbarskiej*. Gdansk, 293–344.
- Bezenbberger A. (1892). Das Gräberfeld bei Schemen (kr. Memel). *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. 17. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 141–168.
- Bitner-Vrublevska A. (2019). Khronologiya vostochnoevropeyskikh izdeliy s vyemchatymi emalyami v Pribaltike i na territorii vel'barskoy i pshevorskoy kul'tur [Chronology of Eastern European products with champlevé enamels in the Baltic States and on the territory of the Wielbar and Przeworsk cultures]. *KSIA, 254*, 171–190. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254.171-190
- Bokiniec E., Sosnowski W. (2001). Wstępne wyniki badań cmentarzyska kultury wielbarskiej w linowie, gm. Świecie n/Osą, woj. kujawsko–pomorskie, stanowisko 6. *WA. LIV (1999–2001)*, 147–152.
- Borby Hansen B. (2008). Kvinden på Maglebjerg. En rig grav fra yngre romersk jernalder ved Næstved. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie*, 123–194.
- Boye L., Lund-Hansen U. (2013). Glass and Amber Beads in Late Roman Iron Age. Relations between Denmark and the Black Sea Area – with a Special Focus on the Graves from Eastern Zealand. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds). *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. Kristianssand, Simferopol, 40–68.

- Bujack G. (1886/1887). Die Acession des Prussia-Museums. Gebieten. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. XIII. Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 202–255.
- Carnap-Bornheim C. (1995). Havor, Grab 136 – Bemerkungen zu einer kaiserzeitlichen Fibel mit Glaseinlage aus Gotland. *Fornvännen*, 90, 65–75.
- Cieslinski A. (2009). Artefacts from the cemetery at Kong Svends Park with Southern Baltic connections. In: Boye L., Lund Hansen U. (eds). *Wealth and Prestige. An Analysis of Rich Graves from Late Roman Iron Age on Eastern Zealand, Denmark / Kroppedal Studier i Astronomi, Nyere Tid, Arkæologi*. T. II. Kroppedal, 193–211.
- Godłowski K. (1970). *The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe*. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Gopkalo O. V. (2008). *Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury* [Beads and pendants of the Chernyakhov culture]. Kiev.
- Gorokhovskiy E. L., Gopkalo O. V. (2004). Fibuly VII grupy O. Al'mgrena v areale chernyakhovskoy kul'tury [Fibulae of group VII by O. Almgren in the area of the Chernyakhov culture]. In: Kozak V. D. (ed.). *Arkheologiya davnikh slov'yan*. Kiev, 103–130.
- Gyöngyi Gy. (2015). A balta alaku csungok a szarmata leletanyagban. – Axe shaped pendants among Sarmatian finds. *Hadak Utjan*, XXIV, 1, kotet. Budapest-Esztergom, Ol., 129–163.
- Ishtvanovich E., Kul'char V. (2017). Vederkovidnye podveski v sarmatskom Barbarikume karpatskogo basseyna (1–5 vv. n. e.) [Bucket-shaped pendants in the Sarmatian Barbaricum of the Carpathian basin (1–5 centuries AD)]. In: Skiba A. V., Gorbanenko S. A. (eds). *Evropeys'ka arkheologiya i tisyacholit'tya n. e.: Zbirnik naukovikh prats' na chest' L. V. Vakulenko*. Kiev: IA NAN Ukraïni, 51–62.
- Jaskanis J. (1996). *Cecele. Ein Graberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / MAB*. II. Krakow: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, Panstwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie.
- Jaskanis J. (1961). Wyniki badań przeprowadzonych na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki w latach 1958–1959. *Rocznik Białostocki*, 1, 131–191.
- Kaczynski M. (1963). Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Mieżany, pow. Święciany na Wileńszczyźnie. *WA*. XXIX/2, 119–137.
- Kaufmann H. (1984). *Das spätkaiserzeitliche Brandgräberfeld von Wechmar, Kreis Gotha*. Katalog – Tafeln. Weimar: Museum für Ur- und Frühgeschichte Thüringens.
- Khomyakova O. A. (2012). Khronologiya komponentov zhenskogo ubora sambiysko-natangiyskoy kul'tury [Chronology of the components of the female dress of the Sambian-Natangian culture]. In: Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M. (eds). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Konf. 3. Tula, 255–280.
- Kleemann J. (2017). *Die Ausgrabungen des Städtischen Museums Marienburg im Gräberfeld Malbork-Wielbark Fundstelle 1 in den Jahren 1927–1932, 1934 und 1936*. Lublin.
- Knöfler L. (2011). *Glas og rav. Perlerne fra Vellensbygård, en bornholmsk gravplads fra yngre romersk jernalder / BA-projekt i forhistorisk arkæologi*, december 2011, SAXO-Instituttet, Københavns Universitet. Available at: <https://www.academia.edu/5222195/> (Accessed: 01.06.2023).
- Kokowski A. (1993). *Grydek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej*. Część II / Lubelskie Materiały Archeologiczne. T. 7/2. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kokowski A. (1995). Grupa Masłomęcka z badań nad przemianami kultury gotyw w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Kokowski A. (1997/1998). Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises – Ein Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihrer Wanderungen. *BRGK*, 78, 641–833.
- Kokowski A. (1999). Vorschlag zur relativen Chronologie der südöstlichen Kulturen des "Gotenkreises" (Die Forschungsergebnisse zur Masłomęcz-Gruppe in Polen). In: Gomolka-Fuchs G. (ed.). *Die Sîntana de Mureș-Černjachov-Kultur*. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24 Oktober 1995 / Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 2. Bonn, 179–209.
- Kozak D. N., Gopkalo O. V. (2011). Namisto z poselennya vel'bars'koï kul'turi bilya s. Hrinnyki na Volini ta pitannya khronologii pam'yatki [Necklace from the settlement of the Velbar culture near the village. Hrinnyki in Volyn and the question of the chronology of the attraction]. *Ouim. Vip. 1. Chernyakhivs'ka kul'tura: materiali doslidzhen'*. Kiev; Luts'k, 97–106.

- Krasnoperov A. A. (2020). Busy tipov "Aleksseeva 480–482, 490, 496" v Prikam'e [Beads of types "Aleksseeva 480–482, 490, 496" in the Kama region]. Proc. of *Pamyati Yu. L. Shchapovoy*. Moscow, 33–34.
- Krasnoperov A. A. (2020). Datirovki kompleksov s busami T-M-362 na rimskom pogranich'e v svyazi s nakhodkami v Prikam'e [Dating of complexes with beads T-M-362 on the Roman border in connection with finds in the Kama region]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*, 2(9), 58–74. DOI: 10.15350/26191490.2020.2.6
- Krasnoperov A. A. (2021). Areal i khronologiya bus tipov "T-M-362/Aleksseeva-480-482,490,496" na Kavkaze [Area and chronology of beads of types "T-M-362/Aleksseeva-480-482,490,496" in the Caucasus]. In: Khrapunov I. N. (ed.). Coll. of papers *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. VII. Simferopol', 114–131.
- Lund-Hansen U. (2011). Contacts during the Third to Fifth Century AD between South Scandinavia and the Black Sea Illustrated by Late Roman Glass and Jewellery. In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds). *Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. Kristiansand; Simferopol, 138–153.
- Mączyńska M. (2009). Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). *BRGK*, 90, 7–481.
- Madyda-Legutko M. (1986). *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum* / BAR; Int. Ser. 360. Oxford.
- Madyda-Legutko R. (2011). *Studia nad źródłowaniem metalowich części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa*. Kraków.
- Mastykova A. V., Plokhov A. V. (2010). Datirovka i proiskhozhdenie steklyannykh bus iz mogil'nika u oz. S'ezzhee [Dating and origin of glass beads from the burial ground near the lake. S'ezzhee]. In: Musin A. E., Khvoshchinskaya N. V. (eds). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E. N. Nosova*. St. Petersburg, 337–357.
- Monchin'ska M. (1999). O tak nazyvaemykh "sarmatskikh" fibulakh v Sredney i Vostochnoy Evrope [On the so-called "Sarmatian" brooches in Central and Eastern Europe]. In: Levada M. E. (ed.). *Sto let chernyakhovskoy kul'ture*. Kiev, 87–112.
- Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. (2011). *Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004)* / MAB. 17. Warszawa.
- Nowakowski W. (1998). *Die Funde der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren* / Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge. Bd. 6. Berlin.
- Prochowicz R. (2013). Carnelian Beads in the Cemetery of the Wielbark Culture at Szelków Nowy, Poland – "Souvenirs from the Black Sea?" In: Khrapunov I., Stylegar F.-A. (eds). *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea, Kulturhistoriske rapporter 15*. Kristiansand-Simferopol, 303–316.
- Raddatz K. (1957). Der Thorsberger Morfund. Guertel und Korperschmuck. Neumunster.
- Rühl F. (1892). Die Münzen d. Scher- ner Gräberfeldes. *Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia*. Bd. 17. Königsberg, 169–170.
- Rumyantseva O. S. (2008). Seriya bus s polikhromnym dekorom s territorii Pooch'ya i Srednego Povolzh'ya pozdnerimskogo vremeni [A series of beads with polychrome decoration from the territory of Poochye and the Middle Volga region of late Roman times]. In: Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M. (eds). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Vyp. 1. Tula, 90–110.
- Rumyantseva O. S. (2019). Nakhodki polikhromnykh bus na territorii Srednego Pooch'ya: khronologiya, rasprostranenie, sotsiokul'turnyy kontekst [Polychrome Bead Finds in the Middle Poochie: Chronology, Distribution, Socio-Cultural Context]. In: Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M. (eds). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov*. Konf. 4. Ch. 2. Tula, 7–22.
- Schulze M. (1977). *Die Spätkaiserzeitlichen Armbrustfibel mit festen Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2)* / Antiquitas Reihe. 3.19. Bonn.
- Skvorzov K. (2007). Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'schoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus dem Grabungen 1998 und 1999. *Offa*. Bd. 61/62 (2004/2005), 111–219.

- Stawiarska T. (1987). *Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich*. Wrocław.
- Stoyanova A. A. (2016). Podveski iz mogil'nika Neyzats [Pendants from the Neyzats burial ground]. In: Khrapunov I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats. Simferopol', 122–165.
- Shchepachenko V. I. (2017). Steklyannye sosudy grupy Eggers 230 / Kowalk / Straume I po materialam issledovaniy na territorii Barbarikuma [Glass vessels of the Eggers 230 group / Kowalk / Straume And based on research materials on the territory of the Barbaricum]. *Drinovskiy sbornik*. Vyp. X. Sofiya; Khar'kov, 33–48.
- Tejral J. (1992). Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski K., Madyda-Legutko R. *Probleme der Relativen und Absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Materialien des III. Internationalen Symposiums: Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet, Kraków-Karniowice 3.–7. Dezember 1990. Kraków, 227–248.
- Tejral J. (1997). Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauegebiet. In: Tejral J., Friesinger H., Kazanski M. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike mittleren Donauegebiet / Materialien der Internationalen Fachkonferenz "Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauegebiet"*, Kravsko 17. – 20. Mai 1995 / Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 8. Brno, 321–362.
- Tempelmann-Maczyńska M. (1985). *Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein.
- Vaitkevicius V. (2003). Badania cmentarzyska kurhanowego koło wsi Pakalniiai na Litwie. Przyczynek do dyskusji nad datowaniem początków kultury kurhanów wchodniolitewskich. *WA. LVI (2002–2003)*, 111–124.
- Vaitkunskiene L. (1999). *Žvilių kapinynas / LA*. T. 17.
- Woźniak M. (2011). Cmentarzysko kultury wielbarskiej w Kozływku, pow. nidzicki (d. Klein Koslau, Kreis Neidenburg) w świetle publikacji i materiałów archiwalnych. *WA. LXII*, 169–208.
- Zuev V. Yu. (2004). Khronologiya busin s vnutrenney pozolotoy antichnoy epokhi Severnogo Prichernomor'ya (po dannym svoda E. M. Alekseevoy) [Chronology of beads with internal gilding of the ancient era of the Northern Black Sea region (according to the code of E. M. Alekseeva)]. *Proc. of Bosporskiy fenomen: Problemy khronologii i datirovki pamyatnikov*, 2. St. Petersburg, 5–32.

Сокращения

- ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мн.
- КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.
- РСМ – Раннеславянский мир. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.; Л.; Воронеж.
- BRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. B.
- LA – Lietuvos archeologija. Vilnius.
- MAB – Monumenta Archaeologica Barbarica. Krakow; Warszawa.
- WA – Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Александр Анатольевич Красноперов – кандидат исторических наук, научный сотрудник; Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (УИИЯЛ УдмФИЦ УРО РАН), Ижевск; ORCID: 0000-0001-7931-4536; alexander.kaa@mail.ru

A. A. Krasnopeorov

COMPLEXES WITH ROSETTE GLASS BEADS (ALEKSEEVA-480-482,490,492 / T-M-362) IN CENTRAL EUROPE AND THEIR DATING POTENTIAL

Abstract. The article examines complexes with finds of glass beads with rosette ornament (Alekseeva-480-482,490,492 / T-M-362) in Central Europe. Thanks to these parallels, a chronology is established that makes it possible to clarify the dating of their existence in Eastern Europe, and the potential for using them as independent chronological indexes. The considered complexes contain a fairly constant, repetitive set of inventory: fibulas A-162, 167, 168, 211, bucket-shaped pendants, buckles ML-D-17/29, beads T-M-198/213, 266/267, 294/297, 322, 360-361, amber eight-shaped pendants. The finds clearly distinguish two groups with a slightly different chronology: on the Baltic area, the graves can be dated a little earlier – B2-C1a-C1b, on the territory of Poland – C1b-C2a-C2b, with a single case of delay to C3/D. The main cultural circle of existence is the Wielbark archaeological culture, from which the Małomęcz-Grupp stands out, demonstrating pronounced southern ties with the Chernyakhov archaeological culture and the Sarmatians of the Limes. It is curious that in the Chernyakhov culture itself, finds of beads with rosette ornament are rare, and among the Sarmatians (and related groups): they are numerous on the Limes, but the further east (Crimea, Don-Volga steppes), they are less frequent. In Sarmatian monuments, beads are found with equipment that fit into the dates of the 2nd half. II – 1st half. III cent. AD.

Keywords: beads, chronology, fibulae, champlevé enamel of East European style, Wielbark archaeological culture, Limes imperii Romani, Sarmatians

For citation: Krasnopeorov A. A. (2023). Complexes with rosette glass beads (Alekseeva-480-482,490,492 / T-M-362) in Central Europe and their dating potential. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 434–451. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).434-451

В. И. Кулаков

КОНИ БИРКИ

Аннотация. Представленные в предлагаемой статье данные о конских захоронениях в скандинавском могильнике Бирка (Швеция) позволяют полагать наличие торговых связей между населением юго-восточной Скандинавии эпохи викингов и западнобалтскими обитателями Янтарного берега. Эти контакты могли базироваться на поставках янтарного сырья на север Европы. Параллельно в Скандинавию поставлялись прусские кони, снабжённые аутентичными оголовьями для погребальных церемоний. Эта часть балто-скандинавских контактов крайне интересна прежде всего ввиду того, что культ коня и его роль при погребальной церемонии, связанная с солнечным культом близнецов-Ашвинов, является специфической чертой духовной культуры балтского населения всего региона Восточной Балтики. Представленность конских захоронений в скандинавских погребальных древностях эпохи викингов позволяет предполагать влияние черт балтской духовной культуры на культ северян Европы. Правда, захоронение коня со снаряжением для верховой езды, сопровождавшее могилу вождя, известно в скандинавских преданиях о дохристианских временах

Ключевые слова: балты, скандинавы, конские захоронения, эпоха викингов

Для цитирования: Кулаков В. И. Кони Бирки // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 452–457. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).452-457

В Европе нет такого памятника археологии, который был изучен столь подробно, как курганный могильник эпохи викингов Björko / Бирка на берегу оз. Меларен (Швеция). Десятки известнейших археологов разных стран анализировали как инвентарь данного известного могильника, так и его погребальный обряд. Тем не менее, один из его аспектов оказался вне сферы внимания специалистов. Это – конские захоронения. Среди нескольких сотен раскопанных на могильнике курганов комплексы Bj. 581, Bj. 832, Bj.842, Bj. 944 содержали останки коней, как правило, не подвергшихся воздействию огня погребального костра и находившиеся в погребальных камерах на локальных земляных платформах. Конские костяки сопровождалась снаряжением для верховой езды.

Доскональное изучение погребального обряда, монографически представленное в Швеции в 80-х годах, лишь поверхностно затронуло проблему конских захоронений на могильнике. Было отмечено наличие «полу-сидячего» положения конских костяков как в Бирке, так и в континентальных древностях германцев, правда – задолго до эпохи викингов [Arvidsson, s. 49]. Известный исследователь древностей викингов Хейко Штойер считал, что камерным погребениям, включавшим конские захоронения, не имеется предшественников в древностях Скандинавии и, скорее всего, они были заимствованы шведскими викингами на Руси [Steuer, s. 189–191]. Путь из Руси в Скандинавию мог идти тремя реками: по Волхову / Неве, по Даугаве и по Неману. В последнем случае носители традиции срубных захоронений проходили через ареал пруссов, где и могли ознакомиться со специфическими чертами местного обряда захоронения / заупокойного жертвоприношения коня.

Специфической чертой конских захоронений Бирки является расположение костяка коня на брюхе, с поджатыми под него ногами (рисунок 1). Эта поза – одна из форм отдыха коней, в частности – жеребят, опускавшихся на брюхо с поджатыми

ногами из положения стоя. Очевидные аналогии такому положению конского костяка в погребении появляются в погребальных древностях Самбии в римское время [Heydeck, Taf. V]. Подобная норма положения конского костяка на могильниках Самбии сохраняется вплоть до пост-викингского времени [Кулаков, 2016, с. 280]. Зафиксированное в захоронениях Бирки положение головы коня перпендикулярно линии его хребта, редко представлено в прусских конских захоронениях, зато имеется в скандинавских курганах могильника Gr. Kaup [Кулаков, 2018, рис. 1,5].

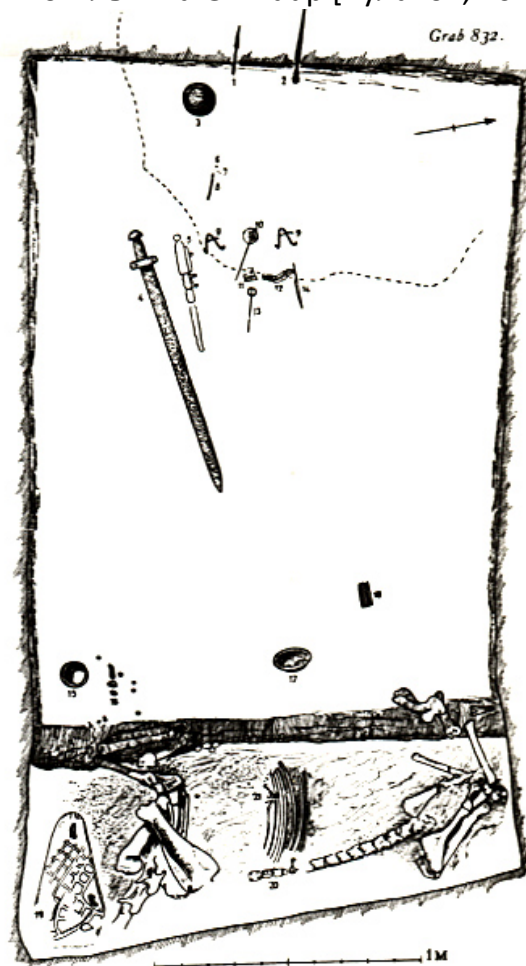

Рисунок 1. План кург. Bj.832 [Arbman, 1940a, Abb. 251]

Ещё одним объективным свидетельством западнобалтского влияния на конские захоронения Бирки является конское оголовье из кург. Bj.832 (рисунок 2). Оно состоит из сложной системы перекрещивающихся ремней, формирующих ромбические фигуры и покрытых сдвоенными серебряными басменными розетковидными накладками. Басменные накладки, нехарактерные для скандинавского раннесредневекового декоративного искусства, были популярны у обитателей Янтарного берега начиная с римского времени [Кулаков, 2017, с. 105]. Оголовья с подобными накладками, изготавливавшимися из серебряной фольги (изнутри накладки заливались свинцом, в который вставлялся крепёж типа Stepler) специально для погребальной церемонии и непригодными к использованию в реальной обстановке, формируются на Самбии в X в. и вплоть до рубежа XI–XII вв. встречаются на могильниках Центральной Литвы (рисунок 3). Туда переместилась часть прусской дружины в результате некоего социального конфликта. Появление такого оголовья на

памятнике археологии X в. в юго-восточной Швеции может быть объяснено покупкой коня со снаряжением (специально для погребальной церемонии?) на Самбии или в Литве.

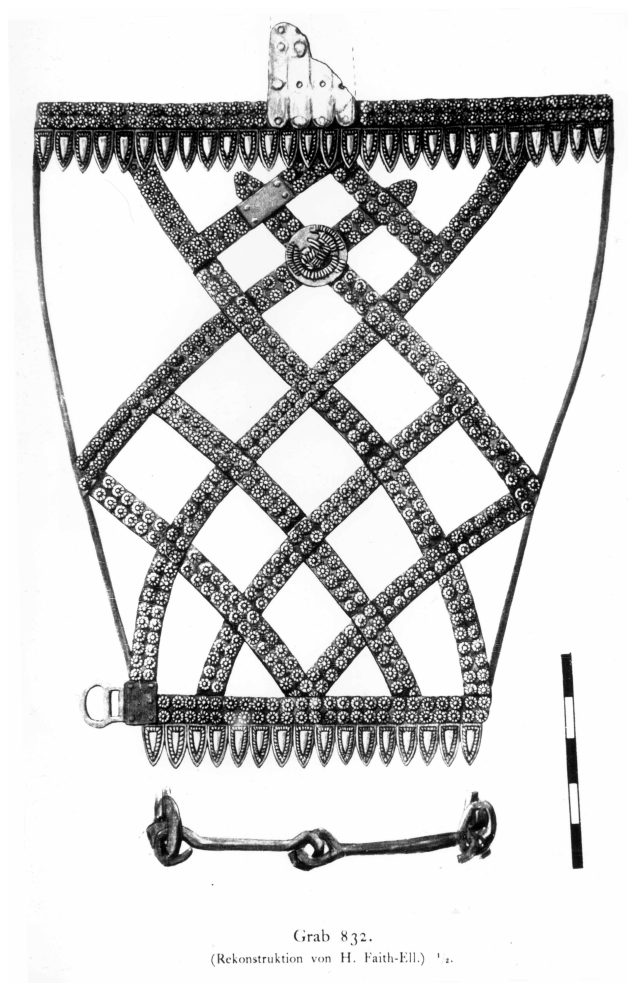

Рисунок 2. Оголовье коня из кург. Bj.832 [Arbman, 1940b, Taf. 21]

Для пруссов X–XI вв. (во всяком случае – на грунтовом могильнике в уроч. Kl. Каур) было характерно помещение в могилу в самом начале погребальной церемонии одного коня, затем, после выполнения определённых функций, в том числе жертвенных и поминальных, сюда же возлагалось тело другого коня [Кулаков, 2016, с. 309]. Имеющиеся в курганах Бирке парные конские захоронения (рисунок 4), были осуществлены одномоментно, при этом – с поджатыми ногами, что соответствовало прусским нормам конских захоронений. В данном случае не приходится говорить о непосредственном прусском влиянии, ибо небольшие размеры платформы для костяков коней подразумевали компактное размещение здесь конских остатков. Похоже на то, что скандинавы самостоятельно пришли к идее компактного размещения конских останков в могиле.

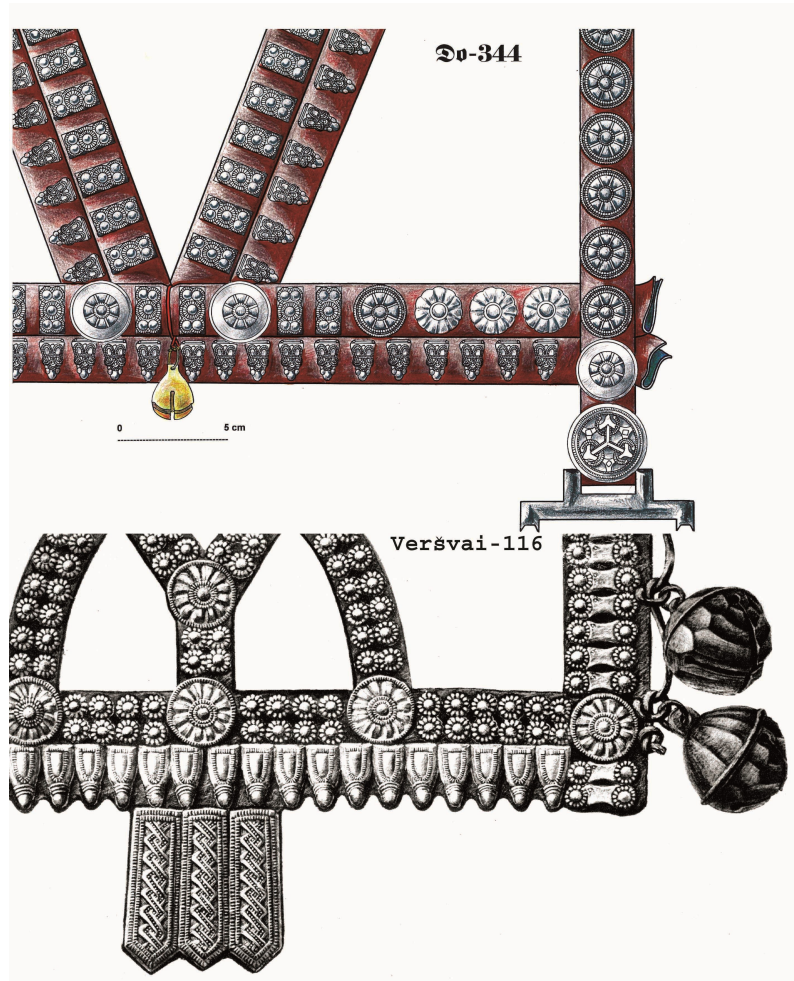

Рисунок 3. Фрагменты реконструированных конских оголовий из могильников Dollkeim / Коврово, Зеленоградский р-н и Veršvai, Kauno raj. (Литва) [Кулаков, 2012, рис. 83]

Приведённые выше данные позволяют полагать наличие торговых связей между населением юго-восточной Швеции эпохи викингов и западнобалтскими обитателями Янтарного берега. Эти контакты могли базироваться на поставках янтарного сырья на север Европы. Параллельно в Скандинавию поставлялись прусские кони, снабжённые аутентичными оголовьями для погребальных церемоний. Эта часть балто-скандинавских контактов крайне интересна прежде всего ввиду того, что культ коня и его роль при погребальной церемонии, связанной с солнечным культом близнецов-Ашвинов, является специфической чертой духовной культуры балтского населения всего региона Восточной Балтики.

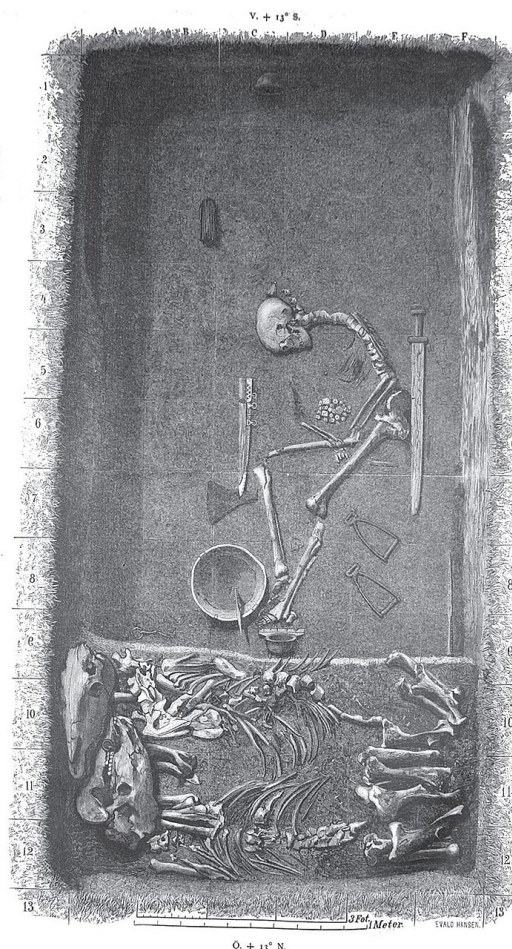

Рисунок 4. План захоронения в кург. Vj.581 могильника Бирка [Arbman, 1940a, Abb. 201]

Представленность конских захоронений в скандинавских погребальных древностях эпохи викингов позволяет предполагать влияние черт балтской духовной культуры на культ северян Европы. Правда, захоронение коня со снаряжением для верховой езды, сопровождавшее могилу вождя, известно в скандинавских преданиях о дохристианских временах [Снорри Стурлусон, с. 10].

Литература

- Кулаков В. И. (2012). *Неманский янтарный путь в эпоху викингов*, Калининград: ПЕН-Клуб, 222.
- Кулаков В. И. (2016). *Прусы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа*, М.: «Книжный мир», 350.
- Кулаков В. И. (2017). Басма в искусстве балтов. *Res Humanitariae*. Klaipėda: Klaipėdos universytetas, 104–124.
- Кулаков В. И. (2018). Нормы обряда конских захоронений у пруссов в I тысячелетии н.э. *Исследования по истории Восточной Европы*. Вып. 11. Минск: РИВШ, 19–34.
- Стурлусон Снорри. (1980). *Круг земной*. М.: «Наука», 686.
- Arbman H. (1940a). *Birka. I. Die Gräber*, Text. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeraktiebolag, 470.
- Arbman H. (1940b). *Birka. I. Die Gräber*, Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeraktiebolag, 470.
- Arvidsson G. (1980). *Birka. II:1. Systematische Analysen der Gräbfunde*. Stockholm: Publishing House: Almqvist & Wiksell, 289.
- Heydeck J. (1896–1900). *Fundberichte (Eine Kultur- und Grabstätte in Försterei Kl. Fliess, Kr. Labiau). Prussia*. Bd. 21. Königsberg: Im Selbstverlage der Gesellschaft, 57–60.
- Steuer H. (1984). Zur ethnischen Gliederung der Bevölkerung von Haithabu anhand der Gräberfelder. *Offa*, 41, 189–212.

References

- Arbman H. (1940a). *Birka. I. Die Gräber*, Text. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeraktiebolag, 470.
- Arbman H. (1940b). *Birka. I. Die Gräber*, Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeraktiebolag, 470.
- Arvidsson G. (1980). *Birka. II:1. Systematische Analysen der Granfunde*. Stockholm: Publishing House: Almqvist & Wiksell, 289.
- Heydeck J. (1896–1900). Fundberichte (Eine Kultur- und Grabstätte in Försterei Kl. Fliess, Kr. Labiau). *Prussia*. Bd. 21. Königsberg: Im Selbstverlage der Gesellschaft, 57–60.
- Kulakov V. I. (2012). *Nemanskiy yantarnyy put' v epokhu vikingov* [Neman amber road in the Viking Age]. Kaliningrad, 222.
- Kulakov V. I. (2016). *Prussy epokhi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa* [Prussians of the Viking Age. Life and everyday life of the Kaupa community]. Moscow, 350.
- Kulakov V. I. (2017). Basma v iskusstve baltov [Basma in Baltic art]. *Res Humanitariae*. Klaipėda, 104–124.
- Kulakov V. I. (2018). Normy obryada konskikh zakhoroneniye u prussov v I tysyacheletii n.e. [Norms of horse burial rituals among the Prussians in the 1st millennium AD]. *Issledovaniya po istorii Vostochnoy Yevropy*. Iss. 11. Minsk, 19–34.
- Steuer H. (1984). Zur ethnischen Gliederung der Bevölkerung von Haithabu anhand der Gräberfelder. *Offa*, 41, 189–212.
- Sturluson Snorri. (1980). *Krug zemnoy* [Circle of the earth]. Moscow, 686.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Владимир Иванович Кулаков – доктор исторических наук; Институт археологии РАН; ORCID: 0000-0001-7482-5070; drkulakov@mail.ru

V. I. Kulakov

BIRKA'S HORSES

Abstract. The data presented in this article on horse burials in the Scandinavian burial ground of Birka (Sweden) suggest the existence of trade relations between the population of southeastern Scandinavia of the Viking Age and the western Baltic inhabitants of the Amber Coast. These contacts could be based on the supply of raw amber to the north of Europe. In parallel, Prussian horses were supplied to Scandinavia, equipped with authentic headbands for funeral ceremonies. This part of the Balto-Scandinavian contacts is extremely interesting, first of all, because the cult of the horse and its role in the funeral ceremony, associated with the solar cult of the Ashvin twins, is a specific feature of the spiritual culture of the Baltic population of the entire Eastern Baltic region. The representation of horse burials in the Scandinavian funerary antiquities of the Viking Age suggests the influence of the features of the Baltic spiritual culture on the cult of the northerners of Europe. In truth, the burial of a horse with riding equipment, which accompanied the grave of the leader, is known in Scandinavian legends about pre-Christian times.

Keywords: Balts, Scandinavians, horse burials, Viking Age

For citation: Kulakov V. I. (2023). Birka's horses. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 452–457. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).452-457

И. Ю. Матвеев

ЖИЗНЕННЫЙ И НАУЧНЫЙ ПУТЬ В. В. НИКИТИНА

Аннотация. В статье анализируется жизненный и научный путь минералога и геолога, директора Горного института В. В. Никитина. Талантливый ученик выдающегося русского кристаллографа Е. С. Фёдорова, В. В. Никитин посвятил свою жизнь горному делу и науке. Благодаря иностранным источникам, автору удалось составить более подробную биографию В. В. Никитина после его эмиграции из СССР в Югославию.

Ключевые слова: История науки, научные общества, Горный институт, научные центры, история геологии, экспедиционная деятельность

Для цитирования: Матвеев И. Ю. Жизненный и научный путь В. В. Никитина // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 458–464. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).458-464

В годы кризиса науки в 1917–1920 гг., в связи с изменением государственного строя и Гражданской войны, особую роль в сохранении функционирования жизнедеятельности многих учебных заведений на территории России играл личностный фактор. Так, старейшее высшее техническое учебное заведение России Горный институт мог быть попросту ликвидирован или же переведен в другой район страны, но стараниями преподавательского состава во главе с директором учебного заведения В. В. Никитиным, Горный институт был сохранен [Афанасьев, 1998, с. 47]. Следовательно, сегодня, важно представить наиболее подробную биографию этого человека.

Василий Васильевич Никитин родился 5 (17) марта 1867 г. в Санкт-Петербурге в семье Василия Феоктистовича Никитина и Раисы Федоровны Никитиной, урождённой Краснопольской [ЦГИА СПб, ф. 963, оп. 1, д. 10258]. Его отец был священником, выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, долгие годы он был настоятелем церкви Воскресения Христова на Волковом кладбище и пользовался большим авторитетом. Семья Никитиных была многодетной, Василий Васильевич был 12 ребенком. Его старший брат, Пётр Васильевич Никитин, был филологом, профессором и ректором Императорского Санкт-Петербургского университета (1890–1897 гг.), а также вице-президентом Императорской Академии Наук (1900–1916 гг.) [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1897, с. 81–82]. Другой брат, Аполлон Васильевич Никитин, окончил Горный институт [Горный журнал, 1923, с. 755] и являлся управляющим Сосьвинским чугуноплавильным и железодельным заводом на Урале.

В. В. Никитин в 1876 г. поступил в первую классическую гимназию, но спустя восемь лет стал обучаться в гимназии Императорского человеколюбивого общества, окончив её в 1886 г. С 1886 г. после окончания Первой классической гимназии, по 1890 г. «состоял студентом Петербургского университета по математическому разряду физико-математического факультета» [Афанасьев, 1998, с. 126]. Проучившись там 8 семестров, он поступил в Санкт-Петербургский Горный институт. Согласно архивным данным В. В. Никитин учился хорошо [Афанасьев, Волошинова, Друзин, 2021, с. 235]. Среди многочисленных специальностей больше всего его привлекала минералогия. В 1895 г. В. В. Никитин окончил Горный институт, получив звание горного инженера [Горный журнал, 1923, с. 757].

В этом же году В. В. Никитин становится помощником выдающегося кристаллографа Е. С. Фёдорова, который, будучи членом Геологического комитета в Санкт-Петербурге, руководил геологоразведкой Богословского горного округа на северном Урале. Совместно с Фёдоровым Никитин составил первую подробнейшую геологическую карту этого округа. Позднее Фёдоров так отзывался о своём ученике и помощнике: «...Одарённый молодой инженер, я бы очень хотел видеть своим наследником в Горном институте в Петербурге господина В. В. Никитина, ... в нём я наблюдаю счастливое сочетание минералога, петрографа и практика-геолога» [Афанасьев, 1998, с. 126].

В 1899–1901 гг. Никитин продолжил геологические исследования, сначала некоторых интересных минералов Турьинских рудников, затем в районе Верх-Исетских заводов. Помимо горных исследований, Никитин занимался воспитанием молодёжи. В горной школе при Турьинском руднике В. В. Никитин начал свой педагогический путь, читая лекции для учеников.

После смерти академика П. В. Еремеева в 1899 г. в Горном институте открылась вакансия профессора кристаллографии и петрографии. Вакантную должность предложили Е. С. Фёдорову, а он, в свою очередь, своим ассистентом на кафедру предложил кандидатуру В. В. Никитина, которому даже доверил чтение лекций по кристаллографии на первом курсе и руководство практическими занятиями.

В 1901 г. В. В. Никитин представил в Учёный совет Горного института диссертацию на степень адъюнкта по теме «Минералы Богословского горного округа», и после её защиты, уже в ноябре 1901 г., был «определён на службу экстраординарным профессором Горного института по кафедре минералогии и кристаллографии» [Афанасьев, 1998, с. 126].

В 1902 г. В. В. Никитин был утверждён в чине коллежского советника, а в 1904 г. получил звание члена Санкт-Петербургской биологической лаборатории Горного департамента. В 1905 г. он был назначен инспектором Горного института и оставался им до 1909 г.

В период революционных событий в России с 1905 по 1907 гг., Никитин оказался на стороне той части общества, которая требовала реформирования устаревших институтов управления страной. Он был крайне возмущён политическим давлением со стороны министра внутренних дел В. К. Плеве на высшие учебные заведения. Кроме того, у В. В. Никитина сложилось недопонимание с директором Горного института Д. П. Коноваловым, решившим с помощью административных мер ограничить студенческое самоуправление, что привело к отчислению многих студентов. На заседании членов Совета института 15 марта 1904 г. мнение профессорского состава разделилось. Большинство (восемь профессоров) поддержали Д. П. Коновалова, но шесть профессоров, куда входил и В. В. Никитин, выступили против и в знак протеста подали прошение об увольнении. 23 марта 1904 г. Никитин был освобожден от должности профессора с зачислением по Главному горному управлению без содержания от казны. Только лишь после того, как Д. П. Коновалов покинул пост директора, а на его место был избран Е. С. Федоров, 20 сентября 1905 г. В. В. Никитин вернулся на свою прежнюю должность [Афанасьев, Волошинова, Друзин, 2021, с. 237].

Начиная с 1906 г., В. В. Никитин был назначен ординарным профессором кафедры минералогии и кристаллографии. Помимо научной и преподавательской деятельности, профессор Никитин активно занимался и общественной работой. В 1914 г. он был избран председателем дисциплинарного профессорского суда, а уже на рубеже эпох, в 1918 г., он стал членом хозяйственного комитета Института, председателем от Института в Ассоциации объединенных научно-технических, сельскохозяйственных, финансово-экономических союзов и обществ, и общественно-промышленных организаций [Афанасьев, 1998, с. 127].

За свои заслуги и большую общественную работу в 1915 г. В. В. Никитин был награжден орденом святой Анны II степени, и на заседании Совета Института ему было предложено баллотироваться на пост директора Института, но он попросил снять свою кандидатуру.

В 1916 г. В. В. Никитин был избран почетным членом Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества [Марин, Кривовичев, 2017, с. 87]. Стоит отметить, что Никитин уделял большое внимание Минералогическому обществу. Он старался посещать все собрания Общества, нередко выступая со своими научными докладами.

Помимо своей обычной работы в институте, В. В. Никитин также участвовал в других научных учреждениях, например, по приглашению профессора П. Ф. Лесгафта, директора Санкт-Петербургской биологической лаборатории, он читал лекции по геологии для студентов этой школы.

После Февральской революции для Горного института наступили новые времена. Учебное заведение потеряло имя своей основательницы императрицы Екатерины II, став Петроградским Горным Институтом. Опираясь на авторитет и заслуги В. В. Никитина, 13 марта 1917 год Совет института единогласно избрал его на должность директора Горного института сроком на три года [Афанасьев, Волошинова, Друзин, 2021, с. 238]. Вслед за этим В. В. Никитин был избран представителем Минералогического общества в Фонде имени академика А. П. Карпинского [Записки Российского минералогического общества, 1925, с. 181]. Целью фонда являлось «всякое содействие всякого рода научным предприятиям в области минералогии, петрографии, геологии динамической, геологии стратиграфической и палеонтологии [Там же].

Однако политические перемены в стране развивались стремительно. Государство не оказывало помощь институту, оставшемуся без финансирования. Несмотря на это, за короткий срок В. В. Никитину удалось отстоять сохранение Горного института на старом месте, а также отказаться от намечавшейся в связи с острой военной обстановкой эвакуации учебного заведения в Гагры. В сложнейших условиях Гражданской войны, разгоревшейся на всей территории России, Горный институт с трудом удалось сохранить как живой организм. Многие студенты были разбросаны по фронтам Гражданской войны. Другие не могли вернуться в Петроград из дальних мест, где они очутились на практике или на каникулах. В 1917–1918 гг. было выпущено всего 85 горных инженеров [Афанасьев, 1998, с. 47].

При таких катастрофических условиях В. В. Никитин 1 февраля 1918 г. подал в отставку, предложив избрать нового директора, которым стал Д. И. Мушкетов, приступивший к новым полномочиям 14 февраля 1918 г. [Никиташина, 2016, с. 112].

Освободившись от административной работы, В. В. Никитин смог в большей степени посвятить себя образовательной и научной работе, продолжая плодотворно трудиться вплоть до осени 1919 г.

После летних каникул 1919 г., которые В. В. Никитин вместе со своей супругой Верой Дмитриевной, урождённой Стратонович, провёл в родовом имении жены близ станции Борковичи Дисненского уезда Виленской губернии [Афанасьев, Волошинова, Друзин, 2021, с. 238], В. В. Никитин не смог вовремя вернуться в Петроград, так как из-за боевых действий Польская армия оккупировала эти места. Когда боевые действия закончились, В. В. Никитин наконец-то приехал домой, но местные органы ЧК обвинили его в сотрудничестве с поляками и заключили в тюрьму.

Коллегам В. В. Никитина по Горному институту вскоре удалось освободить его. Осенью 1921 г. он даже стал членом комитета геологоразведочного факультета Горного института, и возглавил организацию исследований. После реорганизации этого комитета В. В. Никитин оставил службу и в 1923 г. получил разрешение на выезд в Польшу.

В эмиграции В. В. Никитин первоначально поселился в поместье своей супруги, где занимался наукой. В 1925 г. он принял участие в научной экспедиции профессоров Краковской горной академии в Турцию [Duhovnik, 1953, с. 7]. Благодаря своим чрезвычайно богатым практическим знаниям, которые он приобрел при разведке российских рудных месторождений, В. В. Никитин внес значительный вклад в большой успех этой экспедиции.

После возвращения из Турции В. В. Никитин получил приглашение от ректора Люблянского университета профессора К. Хинтерлехнера переехать в Югославию и преподавать минералогию и петрографию на техническом факультете Люблянского университета.

В. В. Никитин не сразу принял это заманчивое для него приглашение. В длинном письме ректору он предварительно поинтересовался условиями работы, возможностями научного роста, будет ли у него время для дополнительной научной работы, и имеются ли в университете необходимые геологические инструменты [Там же]. Когда он узнал, что все условия будут выполнены, В. В. Никитин решил принять предложенную должность штатного профессора по контракту. Благодаря этому решению университет Любляны получил на горном факультете сотрудника с мировым именем.

Приехав в Югославию осенью 1925 г., В. В. Никитин сразу же занялся изучением словенского языка, чтобы иметь возможность излагать материал своих лекций на родном для студентов языке. Он добился в этом вопросе значительных успехов за короткое время. В дополнение к обширной работе в университете В. В. Никитин находил время для научной работы в совершенствовании метода Е. С. Федорова для исследования минералов – двулучепреломление под микроскопом.

Эксперты со всей Европы приезжали к В. В. Никитину в Люблян, чтобы встретиться и проконсультироваться с известным профессором, имевшим уже к середине 1920-х гг. мировое признание. В. В. Никитина, безусловно, можно считать одним из пионеров минералогии, петрологии и геологии в Словении [Duhovnik, 1953, с. 8]. В период с 1920-х по конец 1930-х гг. труды В. В. Никитина были изданы во Франции, Германии и Югославии.

Современники отмечали, что, несмотря на свою огромную творческую работу, В. В. Никитин всегда был чрезвычайно добр ко всем, кто приходил к нему, и старался по возможности помочь каждому. Один из его коллег вспоминал: «Он ни от кого не скрывал своих находок, нисколько не боялся за первенство в общении. Он всегда был готов показать всем путь к прогрессу. При всем этом он никогда не забывал, что воспитывать нужно не только хорошего специалиста, но в первую очередь и хорошего человека и это задача не школы и не отдельного человека. И это при всей его работе, и он был таким ярким примером для всех нас» [Там же].

В своей воспитательной работе он был неумолимо педантичен. Один из студентов рассказывал позднее: «Каждый из его учеников, вероятно, помнит слова: “Приходите в следующий раз!”, не ставя при этом худшей оценки знаний, которые продемонстрировал кандидат. Он хотел, чтобы хотя бы базовые знания, которые студент приобрел в университете, были настолько прочными, чтобы он мог сохранить их до самой смерти. Только такие знания могут стать прочной основой для дальнейшей работы. Более того, в каждом ученике он стремился пробудить любовь к решаемым вопросам и самую необходимую настойчивость. Он часто приглашал нас к себе домой, чтобы открыть путь к максимально возможному взаимному знанию и доверию, которые сегодня, благодаря их узкой специализации, являются основой любого научного прогресса. Всеми качествами, которые он хотел привить своим ученикам, он сам обладал в высшей степени. Двери его комнаты всегда и для всех были открыты с утра до позднего вечера. Когда во всём здании университета уже стемнело, в его комнате, где он неустанно занимался исследованиями, всё ещё горел свет. Только в последние дни перед смертью он работал дома, потому что чувствовал себя не очень хорошо» [Duhovnik, 1953, с. 9].

Несмотря на начавшуюся Вторую Мировую войну и оккупацию части Югославии итальянскими войсками в 1941 г., работа Люблянского университета не прекращалась.

Й. Духовник, студент и один из талантливейших учеников В. В. Никитина, вспоминал о последних днях жизни академика: «Он был чрезвычайно рад каждому визиту своих учеников; он очень хорошо помнил их всех, приглашая всех к себе домой, где настроение было ещё более сердечным, чему очень способствовала его жена Вера Дмитриевна. Он интересовался планами и радовался успехам учеников, как будто сам их добился. Он знал об их бедах и бедствиях и старался помочь им своими советами, поэтому все они любили навещать его» [Duhovnik, 1953, с. 10].

Василий Васильевич умер 8 февраля 1942 г. после осложнений, связанных с инсультом. Первый некролог о смерти бывшего директора Горного института появился спустя месяц в белоэмигрантской газете «Новое Слово» в Берлине [Чувакин, 2004, с. 105].

Люблянский университет до сих пор хранит память о своем выдающемся профессоре. В 2017 г. в год 150-летия со дня рождения В. В. Никитина в Любляне прошла лекция в его память. В Горном университете также сохраняется память о бывшем руководителе. В Конференц-зале в галерее директоров Горного института на почетном месте находится портрет В. В. Никитина, возглавлявшего первое высшее техническое учебное заведение России меньше года, но оставившего яркий след для мировой науки.

Литература

- Афанасьев В. Г. (1998). *История создания и развития Санкт-Петербургского Государственного Горного Института*. Т. I. СПб.: Медиа-Маркет.
- Афанасьев В. Г., Волошинова И. В., Друзин М. В. (2021). *Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773–1918)*. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет.
- Горный журнал (1923). *Горный журнал. В память столетия Горного Института в Петрограде, 11*. Издание Горного института.
- Записки Российского минералогического общества (1925). *Записки Российского минералогического общества*. Вып. 1.
- Марин Ю. Б. (сост.), Кривовичев С. В. (отв. ред.). (2017). *Почетные члены Российского минералогического общества*. СПб.: СПбГУ.
- Никиташина С. О. (2016). Личное дело выдающегося ученого Д. И. Мухометова как исторический источник. *Вестник Томского государственного университета*, 409, 110–114. DOI: 10.17223/15617793/409/17
- ЦГИА СПб. (б.д.). *Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга*. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10258.
- Чувакин В.Н. (2004). *Незабытые могилы. Российское зарубежье. Некрологи 1917–1997 гг.* Т. 5. М.: Пашков дом.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1897). *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 21. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона.
- Duhovnik J. (1953). Vasilij Vssiljevic Nikitin. *Geologija: razprave in poročila*, 1, 5–10.

References

- Afanas'ev V. G. (1998). *Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Gornogo Instituta* [The history of the establishment and development of the St. Petersburg State Mining Institute]. Vol. I. St. Petersburg.
- Afanas'ev V. G., Voloshinova I. V., Druzin M. V. (2021). *Vo glave Gornogo instituta. Direktora uchebnogo zavedeniya (1773–1918)* [At the head of the Mining Institute. Directors of the educational institution (1773–1918)]. St. Petersburg.
- Chuvakin V. N. (2004). *Nezabytye mogily. Rossiyskoe zarubezh'e. Nekrologi 1917–1997 gg.* [The unforgettable graves. Russian abroad. Obituaries of 1917–1997]. Vol. 5. Moscow.
- CzGIA SPb. (n.d.). *Tsentrāl'nyy Gosudarstvennyy Istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga* [State Archive of the Russian Federation]. F. 963. Op. 1. D. 10258.
- Duhovnik J. (1953). Vasilij Vssiljevic Nikitin. *Geologija: razprave in poročila*, 1, 5–10.
- Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona (1897). *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 21. St. Petersburg.
- Gornyy zhurnal (1923). *Gornyy zhurnal* [Mining Journal], 11. Izdanie Gornogo instituta.
- Marin Y. B. (com.), Krivovichev S. V. (ed.). (2017). *Pochetny'e chleny` Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Honorary members of the Russian Mineralogical Society]. St. Petersburg.
- Nikitashina S. O. (2016). Lichnoe delo vy`dayushhegosya uchenogo D. I. Mushketova kak istoricheskiy istochnik [Personal file of the outstanding scientist D. I. Mushketov as a historical source]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 409, 110–114. DOI: 10.17223/15617793/409/17
- Zapiski Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva (1925). *Zapiski Rossiyskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Mineralogical Society]. Vol. 1.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Иван Юрьевич Матвеев – Горный музей Санкт-Петербургского горного университета; ORCID: 000-0002-6562-1225; Ivan.Matveev.Russia@yandex.ru

I. Yu. MATVEEV

V. V. NIKITIN'S LIFE AND SCIENTIFIC PATH

Abstract. The article analyzes the life and scientific path of mineralogist and geologist, director of the Mining Institute V. V. Nikitin. A talented student of the outstanding Russian crystallographer E. S. Fedorov, V. V. Nikitin devoted his life to mining and science. Thanks to foreign sources, the author managed to compile a more detailed biography of V. V. Nikitin after his emigration from the USSR to Yugoslavia.

Keywords: history of science, Mining Institute, scientific centers, the geological history, the science in provincial, expeditions work

For citation: Matveev I. Yu. (2023). V. V. Nikitin's life and scientific path. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 458–464. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).458-464

А. А. Селин, В. И. Клейменов

ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТАРОЙ РУССЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЦОВОЙ КНИГИ 1497/98 Г.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена жителям Старой Руссы по материалам писцовой книги 1497/98 г. На основе данного источника определяется количество землевладельцев периода новгородской независимости и уточняется происхождение своеземцев. Рассматриваются вопросы имянаречения, мобильности и профессиональной принадлежности посадских людей, а также структура домохозяйств. Дальнейшая работа позволит уточнить предварительные выводы и сопоставить эти данные с описаниями Старой Руссы XVII в.

Ключевые слова: социальная история, посадские люди, малый город, писцовые книги, Старая Русса, XV век

Для цитирования: Селин А. А., Клейменов В. И. Посадское население Старой Руссы по материалам Писцовой книги 1497/98 г.: предварительные наблюдения // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 465–473. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473

Писцовая книга Шелонской пятины письма М. И. Валуева 1497/98 г. (далее – ПК 1497/98) содержит первое сохранившееся описание посада новгородского пригорода Русы (совр. г. Старая Русса). Фрагменты описания Старой Руссы вводились в научный оборот несколькими этапами; сводный текст сохранившихся фрагментов был составлен и опубликован И. Ю. Анкудиновым в 2009 г. [Анкудинов, 2009].

Данный источник заметно отличается от более поздних дозорных и переписных книг XVII в. Как уже было отмечено исследователями, главное отличие писцовой книги 1497/98 г. заключается в способе организации пространства: описание посада в ней приводится по концам и по категориям дворов (великокняжеские, владычные, монастырские, церковные, своеземческие) [Анкудинов, 2009, с. III–IV]. При перечислении дворов великого князя в обязательном порядке указываются имена прежних «сведенных» землевладельцев (бояр и житых людей) – напоминание о временах новгородской независимости. Таким образом, описание посада Старой Руссы в ПК 1497/98 основано на владельческой принадлежности дворов [Анкудинов, 2009, с. IV]. Упоминания же улиц и переулков, характерные для дозорных и переписных книг XVII в., напротив, практически отсутствуют – они встречаются только применительно к своеземцам и служат для уточнения их происхождения [Анкудинов, 2009, с. 11, 19–20, 31]. Вместо названий улиц для топографической привязки используются местные топонимы (например, Красная Лука), а также р. Полисть («на Полисте в берегу») [Анкудинов, 2009, с. 6, 9].

Сохранившиеся в ПК 1497/98 упоминания прежних землевладельцев позволяют составить список «сведенных» бояр и житых. Данный перечень, однако, не является полным, поскольку некоторые листы в рукописи отсутствуют (так, например, утрачено описание великокняжеских дворов в Середке и Песьем конце) [Анкудинов, 2009, с. 12, 16].

Таблица 1. Список сведенных из Русы землевладельцев по материалам писцовой книги 1497/98 г.

№	Имя землевладельца (-ев)	Топографическая привязка	Количество дворов
1.	Григорий Тучин	Рогов конец	7 дворов
2.	Иван (Демид) Парфин	Рогов конец	7 дворов
3.	Семен Рогачев	Рогов конец	1 двор
4.	Иван Медников	Рогов конец, Минин конец	2 двора в Роговом конце, 3 двора в Мининском конце
5.	Федор Морозов	Рогов конец, Середка, Минин конец	2 двора в Роговом конце, неизвестное кол-во дворов в Середке, 1 двор в Мининском конце
6.	Иван Стригин (Розстригин)	Рогов конец	3,5 двора (один из дворов большой, полдвора совместно с Захарием Павчиным)
7.	Михаил Ерофеев	Рогов конец, Середка	1 двор в Роговом конце, неизвестное кол-во дворов в Середке
8.	Иван Бурков	Рогов конец	1 двор
9.	Григорий Кошуркин	Рогов конец, Минин конец	2 двора в Роговом конце, 2 двора в Мининском конце
10.	Захарий Павчин	Рогов конец	0,5 двора (совместно с Иваном Розстригиным)
11.	Семен Симанов	Рогов конец	1 двор
12.	Фома Куретников (Курятников)	Рогов конец	3 двора (совместно со Свеситскими)
13. 14. 15.	Свеситские	Рогов конец	3 двора (совместно с Фомой Куретниковым)
16.	Михаил Берденев (Берднев)	Рогов конец, Середка	2 двора в Роговом конце (совместно с Федором Берденевым), неизвестное кол-во дворов в Середке
17.	Федор Берденев (Берднев)	Рогов конец	2 двора (совместно с Михаилом Берденевым)
18.	Никита Костин Коростелев	Рогов конец	1 двор (огород на том же дворе отдан ему на позем)
19.	Василий Мясников	Середка	неизвестное кол-во дворов
20.	Василий Костелев	Середка	неизвестное кол-во дворов
21.	Никита Лаврентьев	Середка	неизвестное кол-во дворов
22.	Исак Рамышовский (Рамышов)	Середка	неизвестное кол-во дворов
23.	Григорий (Гридя) Нагаткин	Середка	2 двора
24.	Иван Кочергин	Середка	неизвестное кол-во дворов
25.	Никита (Микита) Иванов	Середка	неизвестное кол-во дворов
26.	Иван Глотов	Середка	неизвестное кол-во дворов
27.	Иван Федоров	Середка	неизвестное кол-во дворов
28.	Иван Дмитриев	Середка	неизвестное кол-во дворов
29.	Дмитрий Деревяжкин	Середка	неизвестное кол-во дворов
30.	Федор Антифов	Середка	неизвестное кол-во дворов
31.	Лука Климентьев (Климянтьев)	Середка	неизвестное кол-во дворов

32.	Ананий Богданов	Середка	неизвестное кол-во дворов
33.	Андрей Кочергин	Середка	неизвестное кол-во дворов
34.	Василий Куров	Середка	неизвестное кол-во дворов
35.	Павел Преснокозов	Середка	неизвестное кол-во дворов
36.	Ефрем Медведнов	Середка	неизвестное кол-во дворов
37.	Юрий Репохов	Середка	неизвестное кол-во дворов
38.	Александр Столбов	Середка	неизвестное кол-во дворов
39.	Пантелей Александров	Середка	неизвестное кол-во дворов
40.	Илья Слизов	Середка	неизвестное кол-во дворов
41.	Григорий Кривой	Середка	неизвестное кол-во дворов
42.	Никифор (Микифор) Кузмин	Середка	неизвестное кол-во дворов
43.	Василий Марков (Макаров)	Середка, Минин конец	неизвестное кол-во дворов в Середке, 15 дворов в Мининском конце
44.	Офромей Григорьев	Середка	неизвестное кол-во дворов
45.	Семен Кривошеин	Минин конец	6 дворов (совместно с сыном Андреем Кривошеиным)
46.	Андрей Кривошеин	Минин конец	6 дворов (совместно с отцом Семеном Кривошеиным)
47.	Семен Свинухов	Минин конец	5 дворов
48.	Есип (Еска) Фекин	Минин конец	2 двора
49.	Богдан Трубицын	Минин конец	1 двор
50.	Есип (Еска) Пропадышов	Минин конец	4 двора
51.	Кирилл Тарасьин	Минин конец	11 дворов
52.	Лука Волкоморов	Минин конец	4 двора
53.	Максим Кобылкин	Минин конец	34 двора
54.	Панфил Исаков	Минин конец	8 дворов
55.	Григорий (Гридя) Бородин	Минин конец	1 двор
56.	Григорий (Гридя) Кириллов	Минин конец	1 двор
57.	Карп Михеев Цветной	Минин конец	3 двора
58.	Иван Васильев Краснолуцкий	Минин конец	1 двор
59.	Аксентий Щоткин	Минин конец	2 двора
Итого: 59 известных землевладельцев, 140 дворов.			

Поместив имена 59 известных землевладельцев в таблицу, можем увидеть, что, как минимум, пятеро из них имели дворы в разных концах города. На общем фоне также выделяется ряд семей (см. Кирилл Тарасьин, Василий Марков (Макаров), Максим Кобылкин), в распоряжении которых было от десяти до нескольких десятков дворов. Такими внушительными владениями могли располагать не только бояре, но и некоторые житы [Бернадский, 1961, с. 173]. Как следствие, данные о количестве дворов, находившихся в собственности у того или иного семейства, не позволяют однозначно установить его социальный статус. Особый интерес представляет случай «сведенного» Никиты Костина Коростелева (табл., № 18), владевшего одним двором в Роговом конце: несмотря на то, что он лишился двора, огород на нем был отдан Коростелеву «на позем» [Анкудинов, 2009, с. 4–5]. Коростелевы, судя по всему, прочно обосновались в Руссе. По имени этого семейства, вероятно, даже была названа одна из улиц в Роговом конце – Коростелева улица, известная по описаниям XVII в. [Анкудинов, 2009, с. 48, 143–144, 300–301]. В целом процесс «сведения» к моменту составления ПК 1497/98 еще не завершился, о чем свидетельствует случай Панфила

Исакова (табл., № 54), который должен был отдать свои дворы «к Воскресенью на Красную Горку после письма» [Анкудинов, 2009, с. 23].

Что же касается своеземцев, то среди них доминируют лица местного происхождения – рушане и новгородцы [Анкудинов, 2009, с. 11, 19, 23]. Это обстоятельство служит аргументом к утверждению о формировании этого чина в новом московском обществе преимущественно из житых эпохи новгородской независимости [Селин, 2003, с. 316–338]. Кроме того, у нескольких своеземцев обнаруживаются родственные связи со «сведенными» землевладельцами. Так, например, своеземец Филипп Андреев Кочергин, владевший двумя полудворами и живший на одном из них со своими шуринами, очевидно, был сыном «сведенного» Андрея Кочергина (табл., № 33) [Анкудинов, 2009, с. 15]. Приходиться родственником «сведенному» из Руссы Федору Морозову (табл., № 5) мог новгородский своеземец Иван Морозов («из Новагорода с Рогатицы»), который имел в Руссе один двор, но при этом сам на нем не жил [Анкудинов, 2009, с. 31]. Вместе с тем, родственные связи устанавливаются не только между своеземцами и «сведенными» – в некоторых случаях они обнаруживаются и с посадскими людьми. Своеземец Иван Иванов Цветной и посадский Михайло Иванов Цветной, вполне вероятно, находились в родстве со «сведенным» Карпом Михеевым Цветным (табл., № 57) [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 21, 31]. Родственником уже упоминавшегося выше Никиты Костина Коростелева (табл., № 18) может быть один из посадских людей – Гаврилка Коростелев [Анкудинов, 2009, с. 7].

При рассмотрении посадского населения Старой Руссы прежде всего обращают на себя внимание стратегии имянаречения. Помимо распространенных христианских (церковных) имен, у посадских людей встречаются и довольно редкие, такие как: *Галл* / *Галахтионко* и *Лаш* / *Лашко* (сокр. от Галактион) [Веселовский, 1974, с. 178], *Гурей* (Гурий), *Епифан* (Епифаний), *Иевик* (Иов), *Июдка* (Иуда), *Кур* (Кир), *Кирианко* (Кириан), *Кипро* (Киприан), *Конон*/ *Конан*, *Лавер* (Лавр), *Логиник* (произв. от Лонгин), *Мануха* (Мануил), *Неронко* (Мирон), *Нестер* (Нестор), *Обрам* (Абрам), *Оверкий* (Аверкий / Аверьян), *Омос* (Амос), *Ондрон* (Андрон / Андроник), *Орефа* (Арефа), *Острат* / *Острапко* / *Еустратко* (Евстрат), *Полутка* (Полукт), *Пумин* (Пимен), *Самуха* (Самуил), *Симаник* / *Симанко* (Симон), *Созонко* (Созон), *Тит*, *Ульян* (Юлиан/Юлий), *Устин* (Юстин / Юстиниан), *Фал* / *Фалелей*, *Фефилат* (Феофилакт), *Фефилко* (Феофил), *Фофан* (Феофан), *Фрол* (Флор) и *Харло* (Харламбий). Кроме того, наравне с полными формами христианских имен также фигурируют разговорные и сокращенные формы. Особенно распространенными являются формы на –хно, характерные для Северо-Запада Руси: *Грихно* (Григорий) [Веселовский, 1974, с. 89], *Зехно* / *Зихно* (Зиновий) [Веселовский, 1974, с. 123], *Ивахно* (Иван), *Митрохно* (Митрофан), *Олехно* / *Олухно* (произв. от Елисей или Евферий через разг. форму Олфер / Олферий?) [Ганжина, 2015, с. 143], *Остахно* (произв. от Евстафий через разг. форму Остах / Остафий), *Прохно* (Прохор), *Рохно* (Родион), *Сахно* (Александр или Софрон?), *Стехно* (Степан), *Тимохно* (Тимофей), *Трухно* (Трофим или Трифон?) [Веселовский, 1974, с. 323], *Юхно* (Юрий) [Веселовский, 1974, с. 379] и *Яхно* (Яков) [Веселовский, 1974, с. 382]. Вместе с тем, с крестильными именами и производными от них соседствуют некалендарные, а также трудно идентифицируемые имена: *Белко*, *Богдан*, *Боранко*, *Бурец*, *Горошко*, *Девятой*, *Истома*, *Клещ*, *Корелко*, *Креня*,

Кунко, Ласица, Любивец, Нарожно, Тучко, Огибало, Огур, Соница / Соня (мужское имя), Трясца, Ушак, Цепола и Шпанко. Примечательно, что лица, связанные с церковью, не были исключением. У них также встречаются «народные» и разговорные формы христианских имен: среди священников выделяются поп Патруша (Патрикий) [Унбегаун, 1989, с. 67] и мининский поп Курян (Кир), а среди церковнослужителей – спасский староста Микула (Николай) и юрьевский пономарь Мосяга (Моисей) [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 6, 26, 28, 29]. Представляется перспективной возможность сравнить эти наблюдения в области ономастики с данными XVII в. [Селин, 2010, р. 32-50].

Некоторые прозвища посадских людей, в свою очередь, указывают на их происхождение. Среди прочих выделяются прозвища-«этнонимы»: *Корела* (у двух человек, также имя *Корелка* – один раз) [Анкудинов, 2009, с. 12, 16, 18], *Литвин* (у четырех человек) [Анкудинов, 2009, с. 4, 12, 26] и *Немчин* (у одного) [Анкудинов, 2009, с. 4]. По всей видимости, этническую окраску имеет и прозвище *Вошко / Вошка* – т.е. вожанин (представитель одного из прибалто-финских этносов – води), которое встречается у четырех человек [Анкудинов, 2009, с. 8, 17, 22, 23]. Это предположение было впервые озвучено в статье Б. И. Чибисова [Чибисов, 2017, с. 152]. И хотя предложенная им интерпретация не так очевидна, как в случае с другими прозвищами-«этнонимами», исследователю удалось привести ряд весьма убедительных аргументов, подтверждающих обоснованность данной гипотезы. В частности, Б. И. Чибисов ссылается на грамоту архиепископа Макария от 1534 г., в которой новгородский владыка сетует на сохранение языческих традиций «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ», а также на аналогичную грамоту архиепископа Феодосия от 1548 г., написанную «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки» [Дополнения..., 1846, стб. 29, 57]. В заключении Б. И. Чибисов приходит к выводу о полиэтничности населения Русы [Чибисов, 2017, с. 158]. Кроме того, среди тяглых жителей посада Старой Руссы в ПК 1497/98 упоминается один человек с прозвищем *Рязанец* [Анкудинов, 2009, с. 21]. Данные прозвища говорят о мобильности населения в рассматриваемый период: в крупнейшем новгородском пригороде, помимо самих рушан и новгородцев, проживали выходцы из других земель Руси (например, Рязани), водских погостов и Корельского уезда Водской пятины (входившей в состав Новгородской земли), а также ВКЛ и Ливонии.

Фамильные прозвища посадских людей, зафиксированные в ПК 1497/98, позволяют предположить, что между ними существовали родственные связи. Так, мы можем наблюдать, как прозвище *Шамра* превращается в фамилию *Шамрин*, однако вероятность того, что носители этого фамильного прозвища приходятся друг другу родственниками, остается пока под вопросом [Анкудинов, 2009, с. 19]. Еще одно семейство, которое можно выделить с достаточной уверенностью, Ивонины, состояло из трех мужчин-дворовладельцев: известны Ивашка и его брат Гридка Ивонины, жившие в Мининском конце [Анкудинов, 2009, с. 31], а также Палка Ивонин, которому были даны на оброк три пожни (бывшие Богородицкого Лисицкого монастыря) на 300 копен сена [Анкудинов, 2009, с. 323]. Однако данные предположения о родственных связях посадских людей остаются во многом гипотетическими: ситуация значительно осложняется отсутствием отчеств у посадских людей, чьи прозвища мы знаем, и тем, что фамилии зачастую неотличимы от отчеств.

Указания на профессиональные занятия посадских людей встречаются в ПК 1497/98 крайне редко. Уникальным в своем роде является упоминание сводников: представители этой «профессии», сводник Гал и сводница Трясца, жили на бывших дворах Кирилла Тарасина в Мининском конце [Анкудинов, 2009, с. 21]. Не менее примечательно, что среди жителей посада Старой Руссы фигурируют даже два скомороха с характерными некалендарными именами Любивец и Огибало [Анкудинов, 2009, с. 19, 27]. Начиная с середины XVI в. скоморохов, наравне с ворожеями и волхвами, предписывалось изгонять из общины [Акты ..., 1836, с. 267]. В дополнение к своему основному роду занятий посадские люди могли заниматься и другими промыслами: так, например, лубник Олексей (Олекса) Микифоров владел пожнями (сенокосами) и тонями (рыболовецкими угодьями) [Анкудинов, с. 323]. Представляет интерес также кейс своеземца Григория Дорофеева, свидетельствующий об отсутствии четкого разграничения между светскими и церковными занятиями. Будучи своеземцем, т.е. землевладельцем эпохи независимости, не лишившимся своих владений при новой власти, Григорий Дорофеев одновременно с этим служил пономарем Дмитровской церкви [Анкудинов, 2009, с. 19]. Это не единственный случай в новгородской истории рубежа XV–XVI вв., но довольно примечательный [Селин, 2003, с. 316–338]. Совладельцем двора Григория Дорофеева, на котором он проживал сам, был Василий Кузмин Смолков с Боришы улицы (вероятно, тоже своеемец): помимо половины двора, он также владел лавкой [Анкудинов, 2009, с. 19, 33].

Еще одно преимущество ПК 1497/98 как источника заключается в том, что она дает представление о структуре домохозяйств. Хозяевами дворов, как правило, были отцы с сыновьями (иногда приемными – пасынками и «приемышами») или братья, однако в ряде случаев встречаются упоминания и других родственников. В качестве совладельцев дворов регулярно упоминаются зятья и шурины. Это может служить доказательством того, что после свадьбы муж переезжал на двор к семье жены (ее братьям и тестю), т.е. становился примаком.

Для Старой Руссы характерна крайне высокая плотность населения, что было отмечено еще В. Н. Бернадским. Так, по подсчетам исследователя, на один двор в Старой Руссе приходилось в среднем около 3 человек (на 21% дворов проживало по 5 и более человек), тогда как для других городов Новгородской земли это соотношение составляет 1,5 человека на двор [Бернадский, 1961, с. 136]. Большое число жильцов, как считал В. Н. Бернадский, должно указывать на крупные размеры дворов [Бернадский, 1961, с. 136], хотя это также может свидетельствовать и о скученности населения. Помимо самих дворовладельцев, на многих дворах обитало значительное число подсоседников («суседей»). Согласно подсчетам В. Н. Бернадского, «суседи», присутствие которых отмечено почти на каждом втором дворе (для Рогова конца это соотношение еще выше – 57% дворов с подсоседниками) [Бернадский, 1961, с. 138], составляли не менее трети от всего взрослого мужского населения Старой Руссы [Бернадский, 1961, с. 136]. Максимальное количество подсоседников, проживавших на одном дворе, могло достигать до 8 человек (см., например, двор Олексейки и Максимки Пудовых [Анкудинов, 2009, с. 20]). По мнению В. Н. Бернадского, большое число «суседей» – такая же важная отличительная черта Старой Руссы, как и внушительная площадь дворов [Бернадский, 1961, с. 136]. Г. С. Рабинович, вслед за

В. Н. Бернадским, полагает, что дворовладельцы использовали труд зависимых от них «суседей» при добыче соли [Бернадский, 1961, с. 141; Рабинович, 1973, с. 88]. В обмен на право жить на дворе подсоседники работали на хозяйских варницах, которые могли располагаться прямо на территории усадьбы. Многочисленность «суседей», в свою очередь, позволяла удовлетворить потребность в рабочей силе: для функционирования одной варницы требовалось как минимум 5 человек [Бернадский, 1961, с. 138; Рабинович, 1973, с. 93]. Кроме того, в ПК 1497/98 встречаются упоминания «сябров» (они отмечены на 4 дворах) [Анкудинов, 2009, с. 22, 23, 28]. Представители этой категории населения, в отличие от находившихся в зависимости от дворовладельцев подсоседников, являлись совладельцами дворов. «Сябры», судя по всему, жили отдельно, и поэтому у них могли быть свои собственные «суседи» [Анкудинов, 2009, с. 22, 28]. К дворам «сябринного» типа также следует отнести поистине огромное хозяйство Микифора Короля [Анкудинов, 2009, с. 23]. По мнению В. Н. Бернадского, описание этого двора дефектно, но его можно реконструировать следующим образом: на дворе проживал сам Микифор с тремя «суседами» и трое его «сябров» (имя одного из них и слова «да сябры его» пропущены) с четырьмя подсоседниками [Бернадский, 1961, с. 140–141]. Таким образом, численность взрослых мужчин (дворовладельцев, «сябров» и «суседей»), живших на одном дворе, в Старой Руссе могла достигать 10–11 человек.

Среди жителей посада выделяются некоторые, очевидно, зажиточные семейства посадских людей, не только владевшие дворами, но имевшие по нескольким лавок или мостков. Так, Ивашка Онуфреев Бородач / Бородуля единолично владел двумя лавками [Анкудинов, 2009, с. 33, 34], Смешко Минин – четырьмя [Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв., 2009, с. 34], а холщевник Микифор имел две лавки на Порусском мостку [Анкудинов, 2009, с. 33]. На Пятницком мостку, где торговали рыбой, у Палки Овсеева было два мостка, а у Микитки Обабстырева – целых шесть рыбных мостков [Анкудинов, 2009, с. 33]. Другим источником дохода были пожни, на которых заготавливалось сено, и тони – рыболовецкие угодья. Несмотря на отрывочность сведений мы можем констатировать, что самые значительные владения были сосредоточены в руках трех посадских людей: Ортема Плешивого, Ивашки Боярина и лубника Олексея (Олексы) Микифорова – частью этих угодий они владели совместно [Анкудинов, 2009, с. 323].

В заключение, следует отметить, что поскольку Старая Русса специализировалась на солеварении, то часть домохозяйств выплачивала тягло («позем») в натуральном эквиваленте – «розмером соли». Так, согласно подсчетам В. Н. Бернадского, 90% дворов Юрьева монастыря в Роговом конце платило «позем» именно солью [Бернадский, 1961, с. 138]. Примечательно, что посадские люди, имевшие дополнительный источник дохода в виде лавок, пожен и тоней, за редким исключением, выплачивали «позем» не солью, а деньгами (см. Ивашка Булгак, Ивашка Боярин, Ивашка Голуза, Ивашка Онуфреев Бородуля / Бородач [Анкудинов, 2009, с. 14, 17, 18]). Данная закономерность может говорить о специализации хозяйств: вероятно, те дворовладельцы, чьи доходы были достаточно высокими, со временем переставали заниматься выпариванием соли. Варницы все больше «тянулись» к рекам, в то время как владельцы дворов, стоявших вдали от речного берега, постепенно отказывались от солеварения в пользу других промыслов.

Лавочная торговля, а также продажа сена и рыбы позволяли посадским людям накапливать определенную денежную массу, которая затем частично шла на уплату «позема».

Таким образом, ПК 1497/98 является ценным источником не только по «традиционной» экономической, но и по социальной истории Северо-Запада Руси конца XV в. Дальнейшая работа с этими материалами позволит уточнить наши, пока еще предварительные, выводы, а также сопоставить данные ПК 1497/98 с более поздними описаниями Старой Руссы XVII в.

Исследование подготовлено в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV – XVII в.: человек и малый город» (ЦИИ НИУ ВШЭ СПб – ЦАИ НовГУ).

Литература

- Акты... (1836). *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук*. Т. 1. СПб.
- Анкудинов И. Ю. (сост.). (2009). *Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв.* М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси».
- Бернадский В. Н. (1961). *Новгород и Новгородская земля в XV веке*. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР.
- Веселовский С. Б. (1974). *Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии*. М.: Наука.
- Ганжина И. М. (2015). Вокалическая субституция в области христианских личных имен: гласные в начале слова. *Вестник ТвГУ, Сер. Филология*, 1, 141–145.
- Дополнения... (1846). *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией*. Т. 1. СПб.
- Рабинович Г. С. (1973). *Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII вв. (К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности)*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Селин А. А. (2010). Имена служилых людей Новгорода начала XVII в. *Palaeoslavica*, XVIII/1, 32–50.
- Селин А. А. (2003). Судьбы новгородских своеземцев в XVI–XVII вв.: заметки по истории судеб потомков землевладельцев республиканского периода. *Новгородский исторический сборник*, 9(19). СПб.: Дмитрий Буланин, 316–338.
- Унбегаун Б. О. (1972). *Русские фамилии*. М.: Прогресс.
- Чибисов Б. И. (2017). Состав населения Русы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 года. *Вестник ТвГУ, Сер. История*, 1, 149–160.

References

- Akty... (1836). *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivah Rossiyskoy imperii Arheograficheskoy ekspeditsiyey Imperatorskoy Akademii nauk* [Acts collected in the Libraries and Archives of Russian Empire by the Archeographical Expedition of Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Ankudinov I. Yu. (comp.). (2009). *Pistsovye i perepisnye knigi Staroy Russy kontsa XV–XVII vv.* [Pistsovye and Perepisnye Knigi of Staraya Russa of the Late 15th – 17th Centuries]. Moscow.
- Bernadsky V. N. (1961). *Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke* [Novgorod and Novgorod Land in the 15th Century]. Moscow, Leningrad.
- Chibisov B. I. (2017) Sostav naseleniya Rusy po dannym pistsovoy knigi Shelonskoy pyatiny 1497/1498 goda [The Composition of the Population in Rusa According to Cadastres of the Shelonskaya Pyatina in 1497/1498]. *Vestnik TvGU. Ser. Istoriya*, 1, 149–160.
- Dopolneniya... (1846). *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye Arheograficheskoy komissiyey* [Supplements to Historical Acts collected and edited by the Archeographical Commission]. Vol. 1. St. Petersburg.
- Ganzhina I. M. (2015). Vokalicheskaya substitutsiya v oblasti khristianskikh lichnykh imen: glasnye v nachale slova [Vowel Substitute of the Christian Personal Names: Vowels at the Beginning of Words]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya*, 1, 141–145.

- Rabinovich G. S. (1973). *Gorod soli – Staraya Russa v kontse XVI – seredine XVIII vv. (K voprosu o genezise kapitalizma v russkoy promyshlennosti)* [The Town of Salt – Staraya Russa in the Late 16th – Middle 18th Centuries (On the Genesis of Capitalism in Russian Industry)]. Leningrad.
- Selin A. A. (2010). Imena sluzhilykh liudey Novgoroda nachala XVII v. [The Names of Novgorodian Service People of the Early 17th Century]. *Palaeoslavica*, XVIII/1, 32–50.
- Selin A. A. (2003) Sud'by novgorodskikh svozemtsev v XVI–XVII vv.: zametki po istorii sudeb potomkov zemleladel'tsev respublikanskogo perioda [The Fates of Novgorodian Svozemtsy in the 16th – 17th Centuries: Notes on the History of the Republican Period Landowners' Descendants]. Coll. of papers *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*, 9(19). St. Petersburg, 316–338.
- Unbegaun B. O. (1989). *Russkiye familii* [Russian Surnames]. Moscow.
- Veselovsky S. B. (1974). *Onomastikon. Drevnerusskiye imena, prozvitscha i familii* [Onomastikon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторах

Адриан Александрович Селин – доктор исторических наук, профессор Департамента истории, главный научный сотрудник Центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0002-8891-2105; aselin@hse.ru

Виталий Игоревич Клейменов – студент 4-го курса ОП бакалавриата История, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); ORCID: 0009-0008-1850-6452; vikleymenov@edu.hse.ru

A. A. Selin, V. I. Kleymenov

THE POSAD PEOPLE OF STARAYA RUSSA ACCORDING TO THE PISTSOVAYA KNIGA (CADASTRES) OF 1497/98: PRELIMINARY OBSERVATIONS

Abstract. The article deals the aspects of social history of Staraya Russa inhabitants according to the *pistsovaya kniga* (cadastres) of 1497/98. Based on the analysis of this source, the number landowners in the times of Novgorod independence is calculated, and the origin of *svozemtsy* (small landowners) is determined. Regarding the *posad* people (inhabitants of a trading quarter), the issues of their naming, mobility and occupation are considered. Besides, the structure of households is discussed. Further work will clarify the findings, as well it will give an opportunity to compare this data with the later descriptions of Staraya Russa in the 17th century.

Keywords: social history, *posad* people, small town, *pistsovy*e knigi (cadastres), Staraya Russa, 15th century

For citation: Selin A. A., Kleymenov V. I. (2023). The *posad* people of Staraya Russa according to the *pistsovaya kniga* (cadastres) of 1497/98: preliminary observations. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 465–473. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).465-473

Е. Ф. Синельникова

РУССКОЕ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ИЗЛЕТЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ (1917–1930 ГГ.)

Аннотация. В статье анализируется деятельность Русского физико-химического общества (РФХО) в последний период его существования – 1917–1930 гг. Характеризуются научно-организационная и издательская работа, финансовые и бытовые аспекты функционирования РФХО, его взаимоотношения с центральными и местными органами власти и управления. Исследование основано на различных источниках, в первую очередь, архивных материалах РФХО и властных органов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В статье показано, что РФХО в послереволюционный период продолжало проводить заседания, заслушивать и обсуждать научные доклады, выпускать свой журнал, развивать научные связи, в том числе и международные. Плодотворная и разнообразная деятельность РФХО способствовала развитию физических и химических исследований в стране. Однако в условиях реорганизации науки рубежа 1920–1930-х гг. не удалось сохранить РФХО в прежней форме.

Ключевые слова: история науки, наука в России, научные общества, Санкт-Петербургский государственный университет, история физики, история химии

Для цитирования: Синельникова Е. Ф. Русское физико-химическое общество на излете своей истории (1917–1930 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 474–480. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).474-480

В сложившихся после революции условиях одним из приоритетных направлений политики большевиков стало восстановление и развитие науки, культуры и образования. Важная роль в выполнении этих задач отводилось созданию новых форм организации науки и трансформации уже существующих, в соответствии с новыми требованиями. Вот почему очень важно исследовать, как трансформационные и реорганизационные процессы отражались на разного рода научных учреждениях и организациях. В отличие от истории Академии наук [Graham, 1967; Кольцов, 1982], университетов [Шандулин, 2017] и научно-исследовательских институтов [Никуленкова, Скворцов, 2016] в 1920-е гг., история научных обществ изучена еще недостаточно.

Цель настоящей статьи – показать пример типичной судьбы научного общества в условиях реорганизации науки в Советской России. Следует отметить, что научные общества не только являлись исследовательскими центрами, но и общественными организациями ученых. Этим было обусловлено то, что на них отражались преобразования не только в науке, но и в социальной и общественной сферах.

Русское физико-химическое общество (РФХО) было основано в 1878 г. при Императорском Санкт-Петербургском университете путем объединения Русского химического (1868) и Русского физического обществ (1872). Инициатива слияния двух обществ исходила от Дмитрия Ивановича Менделеева. Целью этого научного объединения, согласно устава 1878 г., было «содействовать успехам всех частей физики и химии и распространять физико-химические знания» [Устав Русского физико-химического общества, 1878, с. 1]. Помимо проведения заседаний и заслушивания докладов, РФХО издавало свой журнал, в котором помещались научные работы членов общества, а также статьи о наиболее выдающихся

исследованиях и открытиях в области физики и химии, также до 1916 г. печатались годовые отчеты о деятельности общества и его отделений, списки членов, а до 1917 г. еще и протоколы собраний. Журнал выходил тиражом более 700 экземпляров. Деятельность РФХО внесла значительный вклад в развитие физики и химии в Российской империи, а его научный авторитет признавался как российским, так и международным академическим сообществом.

После Февральской революции РФХО обратилось к Временному правительству за финансовой поддержкой. Комиссия по ученым учреждениям и предприятиям, созданная при Министерстве народного просвещения в апреле 1917 г., в июне 1917 г. постановила выделить обществу 10 тыс. руб. [ГА РФ, б.д., ф.а-2306, оп. 2, д. 140, л. 2], которые, к сожалению, не были получены РФХО.

Большевиками после прихода к власти был взят курс на социалистическое переустройство страны, для чего было необходимо создать современную индустриальную базу, опирающуюся на достижения, в первую очередь, технических наук. Безусловно, РФХО было одной из тех организаций, деятельность которых советской властью признавалась полезной и заслуживала финансовой поддержки. В конце 1917 г. РФХО было выделено 17 тыс. руб. [ГАРФ, б.д., ф.а-2306, оп. 19, д. 236, л. 4]. В первые годы после революции осуществление распределения субсидий научным обществам проводилось Наркомпросом согласно полугодовым сметам, которые составлялись самими организациями. Так, РФХО в июле 1918 г. получило 70 тыс. руб., а по смете на первую половину 1919 г. – 60 тыс. руб. и 12 тыс. 300 руб. сверхсметных ассигнований. По смете на 1920 г. РФХО было перечислено 750 тыс. [ЦГА СПб, б.д., ф.р.-2555, оп. 1, д. 2729, л. 82]. Конечно, необходимо учитывать, что галопирующий рост цен на основные продукты практически полностью обесценивал значительно увеличившиеся субсидии.

В годы Гражданской войны ряд научных обществ получал субсидии от государства, однако после начала осуществления новой экономической политики многие из них лишились этой привилегии. Тем не менее, РФХО не было исключено из числа субсидируемых государством организаций и продолжало получать регулярные субсидии, в среднем около 20 тыс. в год, в том числе на оплату 10 штатных сотрудников [ГА РФ, б.д., ф. а-2307, оп. 2, д. 148, л. 114об.], а журнал РФХО издавался за счет местного бюджета. В 1925 г. РФХО получило статус «государственного» и было включено в «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главнауки Наркомпроса РСФСР» [СУ РСФСР, 1925, с. 169], что окончательно закрепило за РФХО статус одной из важнейших научных организаций страны.

С 1916 г. во главе РФХО стоял выдающийся физик Дмитрий Сергеевич Рождественский, в течение послереволюционных лет его возглавляли также физики-теоретики Ю. А. Крутков и В. Р. Бурсиан. Совет состоял из 8 человек, периодически переизбираемых. Численность членов общества постепенно росла. Так, в частности, в 1914 г. в обществе состояло 562 человека, а в 1921 г. уже 690 [ЦГА СПб, б.д., ф.р.-2555, оп. 1, д. 272, л.74]. Общие собрания посещало 100–150 человек, а заседания происходили два раза в месяц. Особенно трудно было организовывать собрания в годы Гражданской войны, они часто проходили в нетопленных помещениях, как правило, по воскресеньям в дневное время. После перехода «к мирной жизни» собрания были перенесены на вечернее время.

РФХО состояло из трех отделений: отделения физики, отделения химии и созданного в послереволюционный период отделения преподавания физики и химии. Дело в том, что в середине октября 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [СУ РСФСР, 1918, с. 915–920], который ознаменовал создание единой системы советского школьного образования. В нем провозглашались принципы учебно-воспитательной деятельности новой школы. Отделение преподавания физики и химии разрабатывало программы и учебники в соответствии с новыми образовательными установками, организовывало экскурсии для учителей средних школ Петрограда, участвовало в методологической работе Наркомпроса. К моменту закрытия РФХО в 1930 г. в состав отделения входило свыше 150 человек, активно участвовавших в его работе. Из 24 докладов, сделанных на заседаниях отделения в 1930 г., 11 было посвящено научно-техническим вопросам химии и физики, 13 – педагогическим вопросам. Средняя посещаемость заседаний – 50 человек [Козлов, 1971, с. 58].

Важной задачей, стоявшей перед РФХО в первые послереволюционные годы, стало восстановление научных связей ученых и осуществление координации их деятельности. С этой целью 4–8 февраля 1919 г. по инициативе Отделения физики РФХО в Петрограде был созван Первый научный съезд русских физиков, одним из результатов которого стало решение о необходимости создания ассоциации физиков и развития издательской деятельности. В последующие годы съезды русских физиков организовывались Советом Российской ассоциации физиков при активном участии РФХО в 1920, 1922, 1924 и 1926 гг. При поддержке РФХО проводились также и традиционные Менделеевские съезды. Так, III Менделеевский съезд по чистой и прикладной химии проходил с 25 мая по 1 июня 1922 г. в Петрограде. Следующий, четвертый съезд, прошел уже в Москве с 17 по 23 сентября 1925 г., а следующий – в Казани с 15 по 21 июня 1928 г.

Если научные связи внутри страны с успехом удавалось развивать посредством регулярных научных съездов, то международные контакты создавались и укреплялись благодаря книгообмену, в котором активно принимало участие РФХО. В 1923 г. СНК было принято постановление о предоставлении права на свободный и бесплатный обмен изданиями с зарубежными научными организациями и высшими учебными заведениями, и исследовательскими институтами [СУ РСФСР, 1923, с. 150]. Научные общества встретили это распоряжение с энтузиазмом. РФХО подчеркивало в одном из отчетов, что «получение указанных прав и льгот является для русских химиков и физиков жизненным вопросом» [ЦГА СПб, б.д., ф.р-2555, оп. 1, д. 632, л. 20 об.]. О передовых достижениях науки можно было узнать не только из публикаций, поступавших в результате книгообмена из-за границы, но и непосредственно от носителей передового научного знания, которые в 1920-е гг. приезжали в Советскую Россию. В частности, известный французский физик профессор Поль Ланжевен выступил с докладом о своей последней работе на заседании РФХО 30 мая 1928 г. Он представил свое изобретение устройства для передачи звука под водой для обнаружения подводных лодок [Организация советской науки в 1926–1932 гг., 1974, с. 377].

В 1920-е гг. общей практикой было приглашение правительственными органами представителей научных обществ в качестве экспертов. Так, в мае 1927 г. представители РФХО были приглашены на совещание «по вопросу об участии учреждений в работе Областного научно-технического совета и его конференциях» [ЦГА СПб, б.д., ф.р-2555, оп. 1, д. 1096, л. 15]. РФХО в эти годы выступило с инициативой возрождения традиции вручения научными обществами премий, «учрежденных ранее в память выдающихся русских ученых» [ЦГА СПб, б.д., ф.р-2555, оп. 1, д. 925, л. 15]. До революции РФХО вручало премии имени Н. Н. Зинина, А. А. Воскресенского, Д. И. Менделеева, Н. Н. Соколова, А. М. Бутлерова, Л. Н. Шишкова, Н. Н. Бекетова, М. Г. Кучерова. Ленинградское отделение Главнауки, полагая, что «было бы целесообразно выделить обществу часть сумм, отпускаемых ЦЕКУБУ на премирование научных работ» [ЦГА СПб, б.д., ф.р-2555, оп. 1, д. 925, л. 16], со своей стороны переадресовало это обращение в Главнауку. К сожалению, соответствующие средства ассигнованы не были.

После завершения Гражданской войны перед РФХО, как и перед другими научными обществами, встал вопрос перерегистрации. В августе 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [СУ РСФСР, 1922, с. 787–788], после чего и началась масштабная кампания по перерегистрации обществ. Излишне говорить, что советская власть использовала перерегистрацию как возможность для упорядочения системы общественных организаций. Важную роль в законодательной регламентации деятельности научных обществ сыграли унификация и стандартизация уставных документов. 12 мая 1923 г. НКВД, Наркомюст и Наркомпрос утвердили «Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ», опубликованный 15 июля 1923 г. [Бюллетень НКВД, 1923, с. 88–89].

У многих обществ процесс перерегистрации занимал несколько месяцев, в случае РФХО процесс растянулся на несколько лет. Так, в отчет за 1924 г. совет общества сообщал, что отмечал, что проект устава РФХО, согласованный с «Нормальным...», был передан в Главнауку в начале 1924 г., но сведений об утверждении устава все еще не получено [ЦГА СПб, б.д., ф.р-2555, оп. 1, д. 793, л. 14]. Тем не менее, это не мешало работе РФХО, и общество, несмотря на неутверждение устава, продолжало получать государственную субсидию.

К середине 1920-х гг. возник кризис во взаимоотношениях власти и научных обществ. Усилился государственный надзор за их научной и хозяйственной деятельностью. Общества одновременно подчинялись и отчитывались перед НКВД, Главнаукой Наркомпроса и Наркомюстом. Кроме того, протоколы общих собраний и собраний всех структурных подразделений, сметы, финансовые отчеты, планы работы, квартальные и годовые отчеты о деятельности по определенной форме и т.п. должны были регулярно направляться в регулирующие органы. Советское правительство интересовало как социальное происхождение членов научных обществ, так и присутствие в его составе членов коммунистической партии. Подобные запросы неоднократно направлялись организациям ученых. Однако в большинстве из них ни одного партийца не состояло. Не было исключением в этом отношении и РФХО, в котором не состояло ни партийцев, ни даже комсомольцев.

В конце 1920-х гг. были приняты новые нормативно-правовые документы, согласно которым научные общества должны были быть преобразованы в массовые организации, обязанные принимать в свой состав значительное число рабочих и крестьян. Совершенно новым было и то, что теперь регистрирующие органы имели право заменять учредителей общества или исключать каких-либо членов. Другим новшеством этих документов были усложненные процедуры регистрации новых объединений, расширение полномочий контролирующих органов, детальное регулирование и формализация внутренней жизни обществ и их деятельности.

Последовала новая кампания по перерегистрации. Параллельно с этим в 1928–1930 гг. проводились масштабные обследования научных обществ, в результате которых произошла их реорганизация. В 1931 г. РФХО фактически перестало существовать. Отделение физики было преобразовано в Ленинградское научно-техническое общество физиков, но, т.к. сами участники процесса были мало заинтересованы в вовлечении организации в орбиту профсоюзов, это объединение вскоре распалось. Отделение химии РФХО некоторое время продолжало существовать самостоятельно, пока его участники не были объединены в Ленинградское научно-исследовательское химическое общество. В феврале 1932 г. устав нового общества был зарегистрирован в Ленинградском губисполкоме.

На VI Менделеевском съезде, который проходил в 25 октября по 1 ноября 1932 г., был поднят вопрос о создании всесоюзного объединения химиков. Началась организационная работа. Во главе Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева с 1932 по 1946 г. стоял биохимик и физиолог растений, академик Алексей Николаевич Бах. Устав общества был утвержден Президиумом ВЦИК 20 марта 1935 г., к этому моменту оно уже насчитывало в своих рядах 2 тыс. человек [Козлов, 1971, с. 129]. В 1938 г. Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева вошло в состав Академии наук.

Таким образом, РФХО разделило судьбу многих дореволюционных научных обществ, которые на рубеже 1920–1930-х гг. перестали существовать, не сумев трансформировать свою структуры и формы работы в соответствии с требованиями власти. Тем не менее, послереволюционный период деятельности РФХО был насыщен разнообразной работой: общество продолжало проводить научные заседания, заслушивать доклады, выпускать свой журнал, развивать научные связи, в том числе и международные. Плодотворная и разнообразная деятельность РФХО внесла значительный вклад в развитие физических и химических исследований в стране.

Литература

- Бюллетень НКВД (1923). *Бюллетень НКВД*, 12, ст. 158, 88–89.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 236.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 148.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 140.
- Козлов В. В. (1971). *Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева (1868–1968)*. М.: Наука, 564.
- Кольцов А. В. (1982). *Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг.* Л.: Наука, 280.
- Никуленкова Е. В., Скворцов В. Н. (2016). Поиски новых форм подготовки научных кадров в советской России в 1920-е гг. *Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина*, 4-2, 21–30.

- Организация советской науки (1974). *Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сборник документов*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 408.
- СУ РСФСР (1918). *СУ РСФСР*, 74, ст. 812, 915–920.
- СУ РСФСР (1922). *СУ РСФСР*, 49, ст. 622, 787–788.
- СУ РСФСР (1923). *СУ РСФСР*, 4, ст. 67, 150.
- СУ РСФСР (1925). *СУ РСФСР*, 4, ст. 95, 165–166.
- Устав Русского физико-химического общества (1878). *Устав Русского физико-химического общества при С.-Петербургском университете* СПб.: Типография В. Демакова, 9.
- ЦГА СПб (б.д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 1096.
- ЦГА СПб (б.д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 632.
- ЦГА СПб (б.д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 793.
- ЦГА СПб (б.д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 925.
- ЦГА СПб (б.д.). *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 272.
- Шандулин Е. В. (2017). Университетская трансформация в 1920-е гг. В СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета). *Гуманитарные и юридические исследования*, 1, 135–140.
- Graham L. R. (1967). *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1927–1932*. New Jersey, 255.

References

- Byulleten' NKVD (1923). *Byulleten' NKVD* [Bulletin of PCIA], 12, art. 158, 88–89.
- GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] F. A-2306. Op. 19. D. 236.
- GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] GA RF. F. A-230. Op. 2. D. 148.
- GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. A-2306. Op. 2. D. 140.
- Graham L. R. (1967). *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party. 1927–1932*. New Jersey, 255.
- Kol'tsov A. V. (1982). *Razvitiye Akademii nauk kak vysshego nauchnogo uchrezhdeniya SSSR. 1926–1932 gg.* [Development of the Academy of Sciences as the highest scientific institution of the USSR. 1926–1932]. Leningrad: Nauka, 280.
- Kozlov V. V. (1971). *Vsesoyuznoye khimicheskoye obshchestvo im. D. I. Mendeleyeva (1868–1968)* [All-Union Chemical Society. D.I. Mendeleev (1868–1968)]. Moscow: Nauka, 564.
- Nikulenкова E. V., Skvortsov V. N. (2016). Poiski novykh form podgotovki nauchnykh kadrov v sovetskoy Rossii [The search for new forms of training scientific personnel in Soviet Russia in the 1920s]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, 4-2, 21–30.
- Organizatsiya sovetskoy nauki (1974). *Organizatsiya sovetskoy nauki v 1926–1932 gg.: Sbornik dokumentov* [Organization of Soviet Science in 1926–1932: A Collection of Documents]. Leningrad, 408.
- Shandulin E. V. (2017). Universitetskaya transformatsiya v 1920-ye gg. V SSSR kak otrazheniye gosudarstvennoy politiki reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) [University transformation in the 1920s In the USSR as a reflection of the state policy of reforming the system of higher education (based on materials from the Don University)]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, 1, 135–140.
- SU RSFSR (1918). *SU RSFSR*, 74, art. 812, 915–920.
- SU RSFSR (1922). *SU RSFSR*, 49, art. 622, 787–788.
- SU RSFSR (1923). *SU RSFSR*, 4, art. 67, 150.
- SU RSFSR (1925). *SU RSFSR*, 4, art. 95, 165–166.
- TSGA SPb (n.d.). *Tsentrall'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-2555. Op. 1. D. 272.
- TSGA SPb (n.d.). *Tsentrall'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-2555, Op. 1. D. 632.
- TSGA SPb (n.d.). *Tsentrall'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-2555, Op. 1. D. 1096.

TSGA SPb (n.d.). *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-2555, Op. 1. D. 793.

TSGA SPb. (n.d.). *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. R-2555, Op. 1. D. 925.

Ustav Russkogo fiziko-khimicheskogo obshchestva (1878). *Ustav Russkogo fiziko-khimicheskogo obshchestva pri S.-Peterburgskom universitete* [Charter of the Russian Physical and Chemical Society at St. Petersburg University]. St. Petersburg, 9.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Елена Федоровна Синельникова – кандидат исторических наук; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; ORCID: 0000-0001-9789-4538; sinelnikova-elena@yandex.ru

E. F. Sinelnikova

THE RUSSIAN PHYSICOCHEMICAL SOCIETY AT THE END OF ITS HISTORY (1917–1930)

Abstract. The article analyzes the activities of the Russian Physical and Chemical Society (RFCS) in the last period of its existence – 1917–1930. The authors characterized scientific-organizational and publishing work, financial and administration problems of the functioning of the RFCS, its relationship with central and local authorities. The study is based on various sources, primarily the RFCS and government bodies archival materials stored in the State Archives of Russian Federation and the Central State Archives of St. Petersburg. The article shows that the RFCS in the post-revolutionary period continued to hold meetings, made and discussed its members scientific speeches, published its own journal, developed scientific links, including international ones. The fruitful and varied activities of the RFCS contributed to the development of physical and chemical research in Soviet Russia. However, the RFCS could not be kept in its former form in the conditions of the reorganization of science at the turn of the 1920–1930s.

Keywords: history of science, science in Russia, scientific societies, St. Petersburg State University, history of physics, history of chemistry

For citation: Sinelnikova E. F. (2023). The Russian Physicochemical Society at the end of its history (1917–1930). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 474–480. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).474-480

иеромонах НИКОДИМ (Д. В. ХМЫРОВ)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАТСТВА СВ. АНАСТАСИИ В МЕНТОНЕ (ФРАНЦИЯ) В 1920-Х ГОДАХ И ПОПЫТКИ СЕКВЕСТИРОВАТЬ ИМУЩЕСТВО РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Статья посвящена благотворительной деятельности Братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х годах. Этому периоду жизни русского православного прихода еще не уделялось подробного внимания исследователей. На материалах из Государственного архива РФ рассмотрены важные вопросы, отражающие специфику жизни русских эмигрантов: возрождение деятельности прихода в новых исторических условиях, преодоление материальных и юридических трудностей, защита церковного имущества от посягательств советской власти. Одной из важнейших задач Архиерейского Синода РПЦЗ, наряду с решением финансовых вопросов, назначением священнослужителей, организацией образовательной и издательской деятельности, — была, безусловно, благотворительность. Большую роль в этом играли православные братства и сестричества, каждое из которых имело свою задачу. Расположение Русского дома во французском Ментоне, на Лазурном берегу, обусловило род деятельности Братства Св. Анастасии. Его целью была помощь пожилым русским эмигрантам, попечение о больных и скончавшихся. Главной особенностью Братства являлось его самостоятельное материальное положение. Это единственная благотворительная организация русских эмигрантов во Франции, которая существовала независимо от частных пожертвований, сборов, подписок, благотворительных концертов и базаров, поскольку в ее распоряжении находилось ценное общественно-национальное имущество. Благодаря грамотному управлению Совета Братства в разные периоды, независимо от юрисдикционной принадлежности его членов, удалось сберечь Русский дом как общественное учреждение, сохраняющее связь с православными традициями в деле заботы и благотворительности.

Ключевые слова: Русская Зарубежная Церковь, русская православная эмиграция, Братство Св. Анастасии в Ментоне, Русский дом в Ментоне, Церковь Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца в Ментоне, секвестр церковного имущества за рубежом

Для цитирования: иеромонах Никодим (Хмыров Д. В.). Благотворительная деятельность братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х годах и попытки секвестрировать имущество Русской Зарубежной Церкви // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 481–487. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).481-487

Ментон – город-курорт на Лазурном берегу во Французской Ривьере, возле итальянской границы. Он отличается очень мягким климатом, обилием садов и парков. Русское благотворительное общество было основано здесь еще в 1880 году под покровительством великой герцогини Анастасии Михайловны. Целью общества была помощь русским подданным, проживавшим в Ментоне, Бордигере и Сан-Ремо, попечение о больных и скончавшихся. В начале 1892 года общество приобрело трехэтажное здание в одном из самых живописных кварталов Карноле. Это здание и стало называться Русский дом. Вокруг него был устроен сад из лимонных, апельсиновых и оливковых деревьев, пальм и разнообразных цветов. Вскоре для размещения тяжелобольных и умирающих была приобретена небольшая (на 5 человек) вилла Innominata (Безымянная). При Русском доме было создано Братство во имя святой великомученицы Анастасии. После устройства Русского дома общество решило рядом с ней построить и церковь. Она была заложена 5 (17) июня 1892 года и освящена 24 ноября (6 декабря) того же года во имя иконы Божией Матери и святителя Николая Чудотворца. В 1912 году для духовенства вблизи храма был куплен отдельный дом. В 1880 году в Ментоне было также основано русское кладбище под названием «Старый замок». В 1886 году на деньги русских

благотворителей там было устроено место захоронения русских воинов с часовней иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Это было сделано в память сестры милосердия Александры Тепляковой, оказывающей медицинскую помощь раненым в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) есть заметки о посещении Ментона: *«Здесь у нас маленькая, но прекрасная церковь во имя Скорбящей Божией Матери, просторный дом (построенный когда-то для туберкулезных) и вилла «Innominata», где жил священник»* [Георгиевский, 1994, с. 360]. Подробные сведения о Русском доме можно найти в брошюре *«Братство Св. Анастасии в Ментоне. Исторический очерк (1880–1928)»* (Париж, 1928) [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 1–8 об]. До революции Русский дом представлял собою большое 3-этажное здание, где было устроено 40 комнат для больных: *«...почти все выходят окнами на солнце — углы закруглены, полы из особой массы, легко моющиеся, но теплой на ощущение (смесь цемента с опилками), — окна снабжены особой вентиляцией, отопление центральное, лифт, ванны, светлые широкие коридоры, масса воздуха и чудный вид на море, достаточно далекое, чтобы не беспокоить больных»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 4]. В полуподвале имелось 10 комнат для прислуги, большая кухня, прачечная и кладовая. Вдоль всего здания шел балкон с выходами из всех комнат 2-го этажа: для больных, лишенных прогулок вне дома. В сосновой роще неподалеку была устроена галерея для лечения солнцем и воздухом. Вся постройка вместе с участком обошлась в 183 000 фр.

После начала Первой мировой войны председатель совета Братства С. А. Каншин предложил Русский дом французскому правительству в безвозмездное пользование — для размещения и лечения больных туберкулезом солдат. Всего через госпиталь прошло до 2000 больных, и помещение за военные годы пришло в полную негодность, сад одичал, инвентарь сломался. Окончание войны, совпавшее с русской революцией, принесло мало утешительного для Братства. Казенные дотации прекратились, многие благотворители потеряли свое состояние, капиталы, хранившиеся в Синоде, были «национализированы», а русские процентные бумаги, оставшиеся во Франции, обесценились.

Высшим органом Русской Зарубежной Церкви был Архиерейский Синод в Сремских Карловцах (Королевство СХС, позже Югославия). В его ведении находились вопросы управления округами и приходами в странах по всему миру, финансовые вопросы, назначение и награждение священнослужителей, дисциплинарные и судебные, а также бракоразводные дела, межправославные и межконфессиональные связи, контроль за образовательной и издательской деятельностью. Но, безусловно, одной из важнейших задач Русской Церкви в эмиграции являлась благотворительность. В приходском Уставе РПЦЗ, принятом на Первом Всезарубежном Церковном Соборе 8–21 ноября 1921 г. (большей частью повторявшем Устав Российской Православной Церкви), две главы были посвящены организации социальной и благотворительной деятельности: глава 8 «О приходских учреждениях» и глава 9 «Просвещение населения». Перечисленные там виды деятельности — организация школ, приютов для сирот, богаделен, больниц, яслей, библиотек, читален и других учреждений — имели место и активно развивались в православных приходах в Европе, Азии и Америке. Большую роль в делах благотворительности играли православные братства и сестричества.

22 ноября 1918 года Архиерейский Синод на время закрыл церковь «ввиду бедственного положения причта» [Антонов, Кобак, 2005, с. 399]. Но уже в 1919 году в Ментоне образовалась небольшая русская колония, члены которой захотели возобновить церковные службы. По инициативе группы эмигрантов во главе с г-ном Крупенским и при участии трех членов Совета Братства (г-жи Левченко, графа Клейнмихеля и г-жи Гончаровой) церковь была открыта. Приглашен военный священник отец Цветаев, который оставался во Франции во время войны. Он привлек отца Д. Барсова, и они вдвоем стали совершать богослужения, поселившись на пустующей вилле. К сожалению, этот период в Ментоне не отличался мирным течением церковной жизни. Как вспоминал митрополит Евлогий, *«настоятель Ментонской церкви протоиерей Н. Аквилонев, застигнутый революцией, остался в России, и теперь в приходе шла борьба двух священников, участников Великой войны на французском фронте: кому из них быть настоятелем? Прихожане раскололись; одни стояли за о. Н. Цветаева, другие — за о. Д. Барсова. Я назначил священника Барсова в Баден под Веной, а о. Цветаева оставил в Ментоне, тем самым конфликт был улажен»* [Георгиевский, 1994, с. 360].

В 1920 г. великая княгиня Анастасия Михайловна скончалась, и прежний устав Братства (предполагавший ее покровительство) потерял свое значение. Перед этим она передала председательские функции своему секретарю Палтову, не состоявшему даже членом Братства, что было явным нарушением устава. Это привело к возникновению ряда судебных разбирательств. *«Судебная процедура во Франции, очень длительная, формальная и сложная, чрезвычайно тяжела для иностранцев, — отмечали авторы исторического очерка, — и только крайность заставила Братство прибегнуть к суду. Попытки покончить недоразумение миром и добиться возвращения документов, ценностей г-ном П[алтовым] и архива путем переговоров не привели ни к чему. В силу этого, имущество Братства, как объект тяжбы, было признано французским судом подлежащим надзору особого судебного администратора, впредь до разрешения спора»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 11]. Благодаря тому, что французский чиновник, проживающий в Париже, оказался человеком благоразумным, деятельность Совета не встречала с его стороны никаких ограничений или препятствий. Хотя такая ситуация создавала дополнительные трудности: все денежные средства и расходы Братства осуществлялись посредством этого чиновника, находившегося в Париже.

Попытки урегулировать дело мирным путем повторялись неоднократно. Члены Братства даже прибегали к посредничеству великих князей Андрея Владимировича и Александра Михайловича, к родственникам и друзьям г-на Палтова, к его знакомым. Но все эти меры не дали желаемого результата. Чтобы восстановить нормальную деятельность Братства, потребовалось собрать новый Совет и привлечь новых лиц из числа влиятельных представителей русской диаспоры. Участие в собрании приняли: почетный член Братства А. А. Левченко, член совета граф Н. Н. Сумароков, б. председатель совета С. А. Каншин, член совета по должности отец Аквилонев, консул Е. С. Протопопов, И. Ф. Буренин (бывший церковный староста в Лондоне), Д. И. Вальнев, И. Н. Гамалея (местные крупные собственники), Н. Н. Гирс (бывший посол в Австрии), А. С. Гижицкий, Е. П. Ковалевский (член Епархиального совета), Маркиз Меранвиль (председатель Благотворительного общества), Н. Я. Муравьев,

А. Н. Наумов (бывший министр земледелия), Н. В. Поливанов, М. А. Суковкин и А. С. Чурдинов (крупный домовладелец). В следующих собраниях приняли участие еще два члена Братства: Е. М. Кристафович и В. П. Фомичев. Остальные члены, проживающие в разных частях Франции, письменно заявили о своей солидарности с собранием и признании законности его. *«Таким образом, — отмечают авторы исторического очерка, — с конца 1923 года восстановилось общественное дело большой ценности на юге Франции. Большое моральное удовлетворение Братство испытало благодаря вступлению в его состав двух почетных членов: великого князя Андрея Владимировича, душеприказчика покойной великой княгини Анастасии Михайловны и ее брата, великого князя Александра Михайловича»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 9].

Самой первой заботой Братства стало подтверждение юридических прав на движимое и недвижимое имущество в Ментоне, без чего была бы невозможна никакая дальнейшая деятельность. После регистрации нового Совета и измененного устава Русский дом, с помощью судебного пристава, был открыт и передан в распоряжение Совета. Было решено сразу же, с октября 1923 года, поселить в наиболее сохранившейся части (бывшей квартире начальницы санатории) секретаря Братства М. А. Суковкина и назначить его заведующим Домом за квартиру и небольшое вознаграждение. После этого начались хлопоты о получении от французского правительства денежного возмещения убытков и потерь, понесенных Братством во время войны, поскольку за шесть лет использования Дома в качестве госпиталя он пришел в негодность. Убытки были исчислены в сумме 39 000 франков, на которые планировали сделать ремонт.

После этого встал вопрос о том, как наиболее целесообразно использовать здание с наибольшей пользой для Братства и его благотворительных целей. Имелось несколько возможностей: самым простым и очевидным решением было сдать дом в аренду на несколько лет под коммерческое предприятие (например, гостиницу). За него предлагали 60 000 фр. в год. Но этот план имел большой минус: великолепно построенный дом, перейдя в руки предпринимателей, совершенно утратил бы связь с прошлыми традициями и пропал бы для русских, сильно нуждающихся в дешевом помещении и улучшении здоровья. Конечно, деньги могли бы пойти на дела благотворительности, но сам Дом перестал бы существовать как общественное учреждение.

Эксплуатировать его как санаторий, при разрушении инвентаря и безденежье, было совершенно невозможно. Поэтому Совет Братства охотно пошел навстречу другой благотворительной организации — Франко-Русскому комитету в Каннах. Этот комитет, устраивая дешевые комнаты для русских эмигрантов на юге, предложил сделать то же самое с Русским домом в Ментоне, сдав его в аренду комитету за минимальную плату. Это позволило бы назначить постояльцам небольшую цену за комнаты [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 10].

Е. П. Ковалевскому удалось добиться, чтобы 39 000 фр. компенсации за пребывание французских солдат были получены из Парижа. Летом 1924 года ремонт был сделан, и с октября дом заполнился жильцами. Все преимущества помещения сразу привлекли множество желающих тут поселиться: светлые, высокие комнаты, балкон, террасы, удачное местоположение создали Русскому дому репутацию

«земного рая» для малоимущих беженцев. Помимо 39 000 фр., которые были получены Братством, Франко-Русскому комитету ничего не пришлось добавлять на ремонт. Внутреннее устройство и распорядок Русского дома были такими: *«Столовая, кухня и прачечная переданы были комитетом лицам (из живущих в самом доме), которые взялись за минимальную плату отпускать обеды жильцам и стирать на них. Параллельно в распоряжение жильцов предоставлялись поставленные на каждом этаже газовые очаги и разрешалось пользоваться прачечной в определенные дни. На каждом этаже поставлена ванна, которая топится несколько раз в неделю, чтобы все живущие могли ей пользоваться. Меблированная комната на солнце сдается за 100 фр., такая же с балконом за 125 фр., а выходящие на запад и северо-запад — за 80 и 60 фр. в месяц»* [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 370, л. 11].

По поводу атмосферы в Русском доме авторы очерка сообщают, что она *«соответствовала вполне его внешнему благообразию»* [Там же]. Там собралось около сотни людей приблизительно одинакового общественного положения и воспитания, поэтому среди них царили миролюбие, терпимость и взаимная обходительность. Юрисдикционные разделения не оказывали значительного влияния на повседневную жизнь прихожан и жителей пансионата, хотя и затронули священников церкви. В 1927 году протоиерей Н. П. Аквилонov, который дважды был настоятелем церкви в Ментоне (в 1900–1914 и в 1922–1927 годах), по выражению митрополита Евлогия, *«перешел к карловчанам»* [Георгиевский, 1994, с. 388–389]. В 1927–1929 годах Н. П. Аквилонov служил помощником настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви Ниццкого прихода РПЦЗ, и в то же время по совместительству проводил службы в церкви Иверской иконы Божией Матери прихода РПЦЗ в Ментоне.

В последующие годы Совет Братства обсуждал планы о расширении дома и увеличении числа комнат, так как желавших в него попасть было очень много. Но небольшая арендная плата целиком уходила на содержание церкви, причта, хора и пенсию бывшей начальнице. Небольшие субсидии выплачивались некоторым особо нуждающимся лицам, больным и учащимся. Кроме того, нужно было платить высокие налоги. Поэтому никаких сбережений на постройку не было. Единственное, что могло улучшить ситуацию, это возможности, которые заключались в значительных земельных участках при Доме и вилле.

Еще одна тяжба вокруг Русского дома в Ментоне была связана с защитой церковного имущества в разных странах от притязаний советской власти. Эти вопросы только недавно начали обращать на себя внимание исследователей. Характерный пример — история церкви Св. Николая Чудотворца при российском посольстве в Софии (Болгария). В вышедшей недавно статье [Хмыров, 2023, с. 333–344] подробно описаны попытки секвестрировать церковное имущество после того, как национальное правительство признало советскую власть. Статья основана на документах из ГАРФ: протоколах заседаний Приходского совета, переписке епископа Серафима (Соболева) и Архиерейского Синода РПЦЗ с председателем Священного Болгарского Синода митрополитом Неофитом и министром иностранных дел Болгарии г-ном Батоловым, материалах для доклада Ю. П. Граббе Архиерейскому Синоду и письмах других лиц [ГАРФ, б.д., ф. Р-6343, оп. 1, д. 221, л. 5–13 об., и др.].

Ситуация, сложившаяся в 1934 году вокруг этого храма, отражает характерные черты и тенденции своего времени. В документах приводятся также сведения о том, как складывалась ситуация с защитой церковной собственности во Франции, Аргентине, Греции, Румынии и Югославии.

Ярким примером попыток секвестировать церковное имущество является ситуация, сложившаяся вокруг Русского дома в Ментоне. После признания Францией советской власти в 1924 году правительством была сделана попытка отторгнуть имущество Братства, одновременно с другим имуществом «русского происхождения» во Франции. К счастью, дело по снятию секвестра в отношении Братства разрешилось быстро и благополучно, поскольку в защиту русских интересов, в качестве адвоката, выступил г-н Мильеран, бывший президент республики.

В 1928 году Братство участвовало в 25-летнем юбилее архиерейского служения митрополита Евлогия. По постановлению Совета, депутацией из членов Братства, проживающих в Париже, был поднесен митрополиту адрес, присланная с юга корзина фруктов и передано в его распоряжение на цели благотворительности из сумм Братства 500 франков.

Два существенных вопроса, которыми занималось Братство в 1928 году, были: дальнейшее использование Русского дома после окончания контракта с Франко-Русским комитетом и превращение крупных земельных участков при вилле Innominata в доходную статью. Последнее позволило бы расширить и усовершенствовать Русский дом и увеличить ассигнования на больных и неимущих.

Главной особенностью Братства Св. Анастасии в Ментоне являлось его самостоятельное материальное положение. Оно было единственной благотворительной организацией во Франции, которая существовала независимо от частных жертвователей, сборов, подписок, благотворительных концертов и базаров, поскольку в его распоряжении находилось ценное общественно-национальное имущество.

Литература

- Антонов В. В., Кобак А. В. (2005). *Русские храмы и обители в Европе*. СПб.: Лики России, 399.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 370. Братство Св. Анастасии в Ментоне. Исторический очерк (1880–1928). Брошюра. Париж, 1928. Л. 1–11.
- ГАРФ (б.д.). *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 221. Выписка из журнала Архиерейского Синода, переписка Синода с министром Иностранных дел царства Болгарского, с архиепископом Серафимом, митрополитом Неофитом, председателем Синода православной Болгарской церкви о положении церковных дел в Болгарии. Л. 5–13 об. и др.
- Евлогий (Георгиевский), митрополит. (1994). *Путь моей жизни: Воспоминания*. М.: Московский рабочий; ВПМД, 360.
- Хмыров Д. В. (2023). О притязаниях советской власти на церкви при российских посольствах (На примере церкви Святителя Николая Чудотворца в Софии, 1934 г.). *Христианское чтение*, 1, 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333

References

- Antonov V. V., Kobak A. V. (2005). *Russkie khramy i obiteli v Evrope* [Russian churches and monasteries in Europe]. St. Petersburg, 399.
- Evlogiy (Georgievskiy), mitropolit. (1994). *Put' moey zhizni: Vospominaniya*. [The path of my life: Memories]. Moscow, 360.
- GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-

6343. Op. 1. D. 370. Bratstvo Sv. Anastasii v Mentone. Istoricheskiy ocherk (1880–1928). Broshyura. Parizh, 1928. L. 1–11.

GARF (n.d.). *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] F. R-6343. Op. 1. D. 221. Vypiska iz zhurnala Arkhiereyskogo Sinoda, perepiska Sinoda s ministrom Inostrannykh del tsarstva Bolgarskogo, s arkhiepiskopom Serafimom, mitropolitom Neofitom, predsedatelem Sinoda pravoslavnoy Bolgarskoy tserkvi o polozhenii tserkovnykh del v Bolgarii. L. 5–13 ob. i dr.

Khmyrov D. V. (2023). O prityazaniyakh sovetskoy vlasti na tserkvi pri rossiyskikh posol'stvakh (Na primere tserkvi Svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya v Sofii, 1934 g.) [About the claims of the Soviet government to the churches at the Russian embassies (On the example of the Church of St. Nicholas the Miracle-Maker in Sofia, 1934)]. *Khristianskoe chtenie*, 1, 333–344. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_333

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Иеромонах Никодим (Денис Владимирович Хмыров) – кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; ORCID: 0000-0003-0951-0181; Hmyrovdenis@mail.ru

Hieromonk Nikodim (D. N. Khmyrov)

CHARITABLE ACTIVITIES OF THE FRATERNITY OF ST. ANASTASIA IN MENTON (FRANCE) IN THE 1920S AND ATTEMPTS TO SEQUESTER THE PROPERTY OF THE RUSSIAN CHURCH ABROAD

Abstract. The article deals with charity work of the fraternity of St. Anastasia in Menton (France) in 1920s. This period of life of the Russian Orthodox parish has not been given detailed attention by researches yet. The important issues are considered reflecting the specifics of the life of Russian emigrants: reviving the parish's activities, in new historical circumstances, overcoming material and judicial difficulties, protecting the church property from the assault of Soviet government from the materials from the State Archive of the Russian Federation. Charity was one of the most important issues of the Synod of Bishop of ROCOR besides dealing with financial issues, the appointment of clergymen, organization of educational and publishing activities. An important role in that was played by orthodoxy fraternity and sorority sisters, each of which had its own task. The location of the Russian house in Menton in France, on the French Riviera ("Cote d'Azur" (Fr.)), caused the type of activity of the fraternity of St. Anastasia. Its aim was to help elderly Russian emigrants, to take care of sick and who died. The main peculiarity of the Fraternity was its independent financial position. It was the only charitable organization of Russian emigrants in France that existed independently of private donations, fees, subscriptions, charity concerts and bazaars, because it had valuable social and national property. Due to the competent management of the Fraternity Council in different periods, regardless of the jurisdictional membership of its members, it was possible to save the Russian house as a public institution that maintains a connection with orthodox traditions in care and charity.

Keywords: Russian Church Abroad, Russian Orthodox Emigration, the fraternity of St. Anastasia in Menton, Russian house in Menton, Our Lady's Church and Saint Nicolas, the Miracle Maker in Menton, sequestration of church property abroad

For citation: Hieromonk Nikodim (Khmyrov D. N.). (2023). Charitable activities of the fraternity of St. Anastasia in Menton (France) in the 1920s and attempts to sequester the property of the Russian Church Abroad. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 481–487. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).481-487

А. А. Барышева

ИМПЛИЦИТНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ И АВТОРСКОГО НАЧАЛА В МЕДИАТЕКСТАХ О КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Наше исследование посвящено выявлению имплицитных способов выражения оценки и выявлению роли автора в медиатекстах о культуре. Для анализа категории оценочности были взяты статьи (три русскоязычные и одна немецкоязычная), имеющие общий информационный повод – 130-летие со дня рождения Марины Цветаевой. В ходе исследования были проанализированы публикации с точки зрения присутствия в них имплицитных оценок и тех языковых средств, с помощью которых они осуществляются. В результате исследования выяснилось, что оценка имеет преимущественно положительный характер и со стороны русскоязычных, и со стороны немецкоязычной публикаций. Имплицитная оценка русскоязычных медиатекстов была выражена на уровне грамматики, в немецкоязычном же медиатексте использовались метафоры и эпитеты. Также был проведен анализ публикаций на предмет авторского начала по двум параметрам, предложенным Т. В. Шмелевой: выявленность автора и степень сложности медиатекстов.

Ключевые слова: оценка, языковые механизмы, имплицитность, авторское начало, культура, СМИ

Для цитирования: Барышева А. А. Имплицитные способы выражения оценки и авторского начала в медиатекстах о культуре // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 488–496. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).488-496

В современных СМИ представлен большой тематический блок, посвященный культуре, который отражает различные события в сфере театра, кино, музыки, литературы. Изучение культурного контекста, его презентации в медиаречи играет важную роль в понимании социокультурных процессов современного общества. В предыдущих работах нами были рассмотрены языковые особенности русско- и немецкоязычных журналистских текстов на тему событий из области музыки и литературы [Барышева, 2022а; Барышева, 2022б].

Медиатексты реализуют функцию привлечения внимания аудитории к той или иной информационной повестке. Они отражают авторское представление о содержании описываемого явления или выражают отношение к адресату. Это, в свою очередь, связано с оценочной деятельностью, которая служит важной составляющей коммуникации. Оценка на протяжении многих лет является объектом пристального внимания лингвистов. Важность изучения оценки в лингвистическом плане подчеркивают такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, В. В. Виноградов, В. И. Шаховский, В. Н. Телия, Т. И. Вендина и др.

Цель предлагаемой статьи можно сформулировать как выявление имплицитных способов выражения оценки. Чтобы определиться с тем, что такое имплицитная оценка, целесообразно сначала обратиться к понятию имплицитности. В лингвистике наиболее распространенное понимание эксплицитности и имплицитности связано с явным или неявным выражением семантики языковых единиц на разных языковых уровнях. Имплицитность, как правило, выражается через контекст и выявляется в лексико-семантических парадигмах [Шептухина, 2006]. Значимый аспект при анализе медиатекстов – позиция автора, который выполняет роль субъекта предоставления оценки. В нашей работе мы анализируем образ автора в медиатексте с позиции его выявленности и степени сложности. Эти параметры были предложены Т. В. Шмелевой [Шмелева, 2010а; Шмелева, 2010б].

Наше исследование основано на анализе медиатекстов, посвященных 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой. В качестве эмпирического материала были выбраны медиатексты (три русскоязычных и один немецкоязычный) следующих изданий: «Московская правда», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московский комсомолец», «Moskauer Deutsche Zeitung». Русскоязычные статьи носят названия: «“Уж сколько их упало в эту бездну”... К 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой», «Исполняется 130 лет со дня рождения Марины Цветаевой», «В октябре исполнилось 130 лет со дня рождения Марины Цветаевой» [«Уж сколько...», 2022; Соловьева, 2022; Арсеньева, 2022]. Немецкоязычная статья называется: «Die Wiege ihrer Seele: Marina Zwetajewa und Deutschland» [Künzel, 2022].

Имплицитность в исследуемых медиатекстах прослеживается уже в русском подзаголовке одной из статей о Цветаевой: «8 октября исполнится 130 лет со дня рождения русского поэта Марины Цветаевой. **Именно поэта**» [Арсеньева, 2022]. Как мы видим, оценка направлена на признание Цветаевой поэтом, а не поэтессой. Тут можно цитировать саму Цветаеву: «Во мне все сосуществовало, создано было, с самого начала, с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра, оттого я и вышла поэт, а не поэтесса» [Скомаровская, 2017]. Оценка дается автором статьи за счет определенных фоновых знаний о М. Цветаевой, которая считала себя поэтом по своему призванию и не могла допустить, чтобы ее произведения были причислены к так называемой «женской поэзии». Автор же статьи употребляет частицу **именно**, тем самым усиливает значимость сказанного.

В заголовке немецкого медиатекста мы тоже можем увидеть имплицитную оценку: «**Die Wiege ihrer Seele: Marina Zwetajewa und Deutschland**». / «**Колыбель ее души: Марина Цветаева и Германия**» [Künzel, 2022]. Здесь присутствует оценочная метафора, которая несет в себе положительную оценку любви М. Цветаевой к Германии.

Рассмотрим несколько примеров применения различных языковых (имплицитных) средств формирования оценки в русскоязычных и немецкоязычном медиатекстах.

«Творчество Цветаевой оказало влияние на Иосифа Бродского, **одного из самых** петербургских (или все же ленинградских?) поэтов советской эпохи» [Соловьева, 2022]. Оценка направлена на самого гения-поэта, где автор статьи использует сравнение и выделяет его из множества, подчеркивая тем самым принадлежность его к городу на Неве. Бродский считается петербургским поэтом, хотя большая часть его жизни прошла в эмиграции. Автор статьи приводит и высказывание самого Бродского о М. Цветаевой: «То, как она всю жизнь переживала – и передавала, трагизм человеческого существования, ее безутешный голос, ее поэтическая техника, – все это просто поразительно. **По-моему**, лучше ее не писал никто, во всяком случае по-русски. **Впервые** в русской поэзии прозвучало такое трагическое вибрато, такое страстное тремоло» [Соловьева, 2022]. Автор цитаты дает самую высокую оценку, делая акцент на мощь трагедийного дара М. Цветаевой. Выражается это благодаря наречиям.

«**Даже** при таком отце, как Иван Владимирович Цветаев, сестры остро ощущали потерю мамы» [Арсеньева, 2022]. В этом примере мы можем наблюдать определенную оценку, которая дается отцу сестер Цветаевых. С точки зрения автора,

она носит положительный характер. Частица **даже** усиливает это высказывание автора медиатекста.

«Цветаеву вспоминают **не только как** автора гениальных поэтических текстов, **но и как** самобытную фигуру в литературной жизни России начала XX века, обладавшую своевольной, неукротимой, дикой и необузданной натурой» [Соловьева, 2022]. Заметим, что в этой цитате основную смысловую нагрузку несет эксплицитная оценка (содержащаяся в эпитетах гениальных, самобытную, своевольной, неукротимой, дикой, необузданной). Имплицитная оценка, осуществляемая за счет противительного союза *не только, но и*, усиливает общее восторженное отношение к Цветаевой автора текста.

«В 1898 году в музыкальной школе Зораф-Плаксиной на публичном рождественском вечере шестилетняя Марина пережила **один из важнейших моментов** своего детства» [«Уж сколько...», 2022]. Оценка здесь возникает на фоне темы любви, которая станет ключевым понятием в ее творчестве.

«**Так же** не отступилась она и от намерения выйти замуж за Сергея Эфрона (1912 год) без благословения отца, и **даже наоборот, вопреки** его сопротивлению» [«Уж сколько...», 2022]. Оценка характера Цветаевой в этой жизненной ситуации, с авторской позиции, безусловно, позитивная. Данная оценка усиливается за счёт использования частицы, наречия и производного предлога.

«Сама Марина, упиваясь неукротимым внутренним своеволием, **то и дело** вступала в конфликты и с матерью, и с отцом, в семье **едва** не доходило до драк» [«Уж сколько...», 2022]. Отношение героини текста к семейным ценностям выражается фразеологизмом и наречием, отражающими настойчивость и упорство Цветаевой, к которым автор статьи относится скорее положительно.

«В ранние годы у Цветаевой была одна единственная приятельница – Лидия Тамбурер, поверенная сокровенных дум. Она была на 20 лет старше, **но и** ее Марина не слушала, **никогда** не принимая на веру чужое мнение» (Прим. 1) [«Уж сколько...», 2022]. В данном примере присутствует оценка с точки зрения почитания возраста. Автор выделяет этот момент из жизни Марины неспроста. Он дает ей как положительную, так и отрицательную оценку. С одной стороны, она не видит границ в общении со взрослыми, верна в дружбе, у нее своя точка зрения, которая никем не оспорима. С другой стороны, автор подчеркивает тот момент, что Цветаева совершенно не принимала во внимание мнения близких ей людей. «**И, тем не менее, даже** разделенные страшным непреодолимым пространством войн, эмиграций и репрессий, они были друг другу «дороже сердца»: верны и вместе» (Прим. 2) [«Уж сколько...», 2022]. Скрытая оценка выражена здесь за счёт союза *тем не менее* и частицей *даже*. За счет употребления автором данных частей речи можно увидеть высокие чувства Марины и Эфрона, которые поддерживали их на протяжении многих лет.

«Началась Первая мировая война, **но** Марина **вопреки всему** отказалась разлюбить Германию, воспевая ее поэтически через все «нельзя» – страстно и пылко» [«Уж сколько...», 2022]. Оценка направлена на любовь к Германии. Из биографии Цветаевой известно, что ее мать происходила из польско-немецкого рода, она и привила своим детям привязанность и нежные чувства к «прародине» [Жигалова, 2017]. Поэтому даже в условиях Первой мировой войны Цветаева продолжала любить Германию и с трепетом относиться к этой далекой стране.

«Музеи Цветаевой есть в Тарусе, Москве, Елабуге... В Петербурге – **увы**» [Соловьева, 2022]. Автор жалеет, что до сих пор нет музея Цветаевой в северной столице России. Оценка выражена с помощью междометия *увы*, придающего высказыванию сожаление.

Проанализировав русскоязычные медиатексты на предмет оценочности, было установлено, что в них чаще всего затрагиваются такие ценности, как любовь к стране и человеку, талант и творчество, дружба, семья.

Если анализировать немецкоязычный медиатекст, то нельзя не заметить тот факт, что выражение имплицитной оценки принадлежит, как правило, не автору, а либо самой Цветаевой, либо дочери Ариадне.

Так, имплицитный смысл мы можем увидеть в данном высказывании Цветаевой о Германии: „**bedrohlich-gemütliche Wälder**“/ «Угрожающе-уютные леса» [Bedrohlich, (n.d.); Gemütlich (n.d.)]. Оно содержит амбивалентную оценку, так как включает в себя противоречащие друг другу эпитеты.

В дневниковых записях за 1919 год во время проживания у немецкого священника Цветаева охарактеризовала себя следующим образом: „**All die Abscheulichkeiten kann ich nicht aufzählen! Nun – abgestoßen? Nein, geliebt, nein, geduldet, nein, sein dürfen.**“ / **Отморгнули? Нет, любили, нет, терпели, нет, разрешали быть**» [Künzel, 2022]. Наравне с отрицательной оценкой мы можем заметить положительную оценку Цветаевой касаясь отношений в семье священника, которая мирилась с ее сложным характером и любила со всеми ее недостатками. Скрытая оценка выражена вопросом, и ответ на него содержит противопоставление. Отрицательная частица повторяется троекратно, что усиливает эмотивность высказывания.

„**Das damalige Berlin wurde sogar als literarische Hauptstadt der russischen Emigration bezeichnet.**“ / «Тогдашний Берлин даже называли **литературной столицей** русской эмиграции» [Künzel, 2022]. Выражение имплицитной оценки происходит благодаря перифразе, которая дает высокую оценку Берлину.

Анализ оценочности в немецкоязычном медиатексте показал, что в нем отражены преимущественно такие ценности, как талант и творчество, любовь к стране (Германии).

Авторское начало в медиатекстах играет большую роль и связано с характером оценочности в них. Рассмотрим выявленность автора, его роль и степень сложности авторского начала в исследуемых текстах.

Во всех проанализированных статьях выявленность автора минимальная. Автор медиатекста выполняет роль оценивающего информатора и его присутствие выражается косвенно при помощи использования определенных форм слов и частей речи. Например, в следующих предложениях присутствие автора заметно благодаря наречиям:

1. „**Als Marina Zwetajewa im Alter von sechs Jahren ihre ersten Gedichte schrieb, waren auch welche auf Deutsch darunter**“ / «Когда Марина Цветаева написала свои первые стихи в возрасте шести лет, несколько из них были **также** и на немецком языке» [Künzel, 2022].

2. „**Schon nach wenigen Monaten war ihre Kindheit plötzlich zu Ende**“ / «Спустя всего несколько месяцев ее детство **внезапно** закончилось.» [Künzel, 2022].

3. *“Das damalige Berlin wurde sogar als „literarische Hauptstadt der russischen Emigration“ bezeichnet“/ «Берлин в то время даже называли "литературной столицей русской эмиграции» [Künzel, 2022].*

1. Судьба **вообще** не была благосклонна к Цветаевой [Арсеньева, 2022].

2. Сколько раз Цветаева употребляет слово «страсть»! **Точно уж** не от бедности словарного запаса [Арсеньева, 2022].

Кроме того, на присутствие автора в тексте указывают вводное слово (1), глагол в форме будущего времени 1 лица множественного числа (2), частица и союз (3):

1. **Наверное**, это примета времени, и когда-нибудь все изменится: про поэта не будут судить по эпизодам из личной жизни, не зная и двух строчек его стихов наизусть [Арсеньева, 2022].

2. В честь этой юбилейной даты расскажем о нескольких малоизвестных эпизодах из жизни Марины Цветаевой **и попробуем** разобраться, как формировалась личность Цветаевой, как рождалось своеобразие ее поэтического языка и какие события сделали Марину – Мариной [«Уж сколько...», 2022].

3. *“Doch in Russland sind sie und ihr Werk unvergessen. Aber auch Deutschland hat in der Biografie der gebürtigen Moskauerin, deren Geburtstag sich am 8. Oktober zum 130. Mal jährte, einen bedeutenden Platz“ / “Но в России она и ее творчество не забыты. Впрочем, и Германия занимает важное место в биографии коренной москвички, которой 8 октября исполнилось 130 лет» [Künzel, 2022].*

Если говорить о степени сложности авторского начала, которое представлено в статьях, то можно утверждать, что проанализированные медиатексты относятся именно к третьей категории, поскольку характеризуются не только наличием авторизованных и изъяснительных конструкций, но и присутствием конструкций с прямой речью. Ведь именно прямая речь, по мнению Т. В. Шмелевой, и говорит нам об усложнении третьей степени [Шмелева, 2010]. Примеры можно наблюдать ниже:

1. *«То, как она всю жизнь переживала – и передавала, трагизм человеческого существования, ее безутешный голос, ее поэтическая техника, – все это просто поразительно. По-моему, лучше ее не писал никто, во всяком случае по-русски. Впервые в русской поэзии прозвучало такое трагическое вибрато, такое страстное тремоло», – говорил Бродский в интервью, которое он дал в 1979 году [Арсеньева, 2022].*

2. *«Я не люблю жизни как таковой, – пишет Цветаева Антонине Тесковой, – для меня она начинает значить, то есть обретать смысл и вес, только преображенная, то есть – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь сама по себе не нужна» [Соловьева, 2022].*

3. *Сергей Эфрон писал в это время Максиму Волошину: «Марина – человек страстей, отдаваться с головой своему урагану стало для нее необходимым воздухом ее жизни. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая – все обращается в пламя» [Соловьева, 2022].*

4. *“Hier“ schreibt Zwetajewas Tochter Ariadna in ihren Memoiren, “lernte sie Russland kennen, was sie für immer zu einer russischen Dichterin machte“ / «Здесь, – пишет дочь Цветаевой Ариадна в своих воспоминаниях, – она узнала Россию, что навсегда сделало ее русским поэтом» [Künzel, 2022].*

5. *“Wir organisieren immer wieder Veranstaltungen, in denen es um Marina Zwetajewa geht, sind aber viel breiter aufgestellt, was das kulturelle Angebot betrifft“, erklärt Margarita Augustin, die Leiterin des Kulturprogramms des Vereins / «Мы часто организуем мероприятия, посвященные Марине Цветаевой, но предлагаем намного более широкий спектр культурных событий, – объясняет Маргарита Августин, руководитель культурной программы» [Künzel, 2022].*

На основе анализа изученных медиатекстов ясно видно, что оценка носит, главным образом, положительный характер и в русскоязычных публикациях, и в немецкоязычной. Имплицитная оценка русскоязычных медиатекстов выражена на грамматическом уровне, что заключается в использовании частиц, междометий, фразеологизмов, наречий. В немецком же варианте публикации оценка выражается посредством метафор, так называемых противоречивых эпитетов, риторических вопросов.

При выявлении имплицитной оценки медиатекстов мы заметили тот факт, что она выражена автором статьи либо от первого лица (использование цитат, где оценку дает сама Цветаева), либо от третьего лица (оценка Цветаевой Бродским). Причем в немецкоязычном варианте статьи авторской оценки, как правило, нет, она осуществляется цитатами Цветаевой о самой себе или словами ее дочери.

Во второй части нашего исследования мы проанализировали авторское начало по двум категориям. Выявленность автора в русскоязычных и немецкоязычной статьях при анализе медиатекстов – минимальная. Это можно увидеть благодаря использованию в медиатекстах определенных частей речи и форм (например, глагола в форме будущего времени 1 лица множественного числа, частиц, в том числе усилительных, наречий, вводных слов). Роль автора – «оценивающий информатор». Авторы медиатекстов позволили себе объективированную оценку некоторых аспектов событий, используя определенные языковые конструкции (*даже, не только, но и, увы, к сожалению ...и др.; doch, aber auch...*). Степень сложности русскоязычных и немецкоязычного медиатекстов указывает на усложнение третьей степени, так как в статьях представлены конструкции с прямой речью.

Таким образом, в данной статье предметом анализа стала имплицитная оценочность, которая либо усиливает оценку эксплицитную, либо ненавязчиво выражает авторский взгляд на тему публикации, но с заданным оценочным подходом. Хотя, как было выявлено, авторы публикаций играют роль «оценивающих информаторов».

Можно утверждать, что при анализе медиатекстов о культуре важно выявлять оценочность, так как она тесно связана с ценностями. В нашей работе немецкоязычная и русскоязычные публикации обнаруживают схожие ценности (любовь к стране, творчество, талант). В русскоязычных текстах затрагиваются также ценности дружбы и семьи.

Изучение проблем оценочности в текстах о культуре требует дальнейшего исследования, так как категория оценки в культурном аспекте – очень сложное и многогранное понятие, которое играет важную роль, с одной стороны, в области лингвистического знания, с другой – отражает ценностные установки в современной медиасфере.

Примечания

1. Орфография оригинала сохранена.
2. Пунктуация оригинала сохранена.

Литература

- Арсеньева З. (2022). *Исполняется 130 лет со дня рождения Марины Цветаевой* [Электронный ресурс]. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/iispolnyaetsya-130-let-so-dnya-rozhdeniya-mariny-tsvetaevoy/> (Дата обращения: 22.04.2023).
- Барышева А. А. (2022a). Языковые механизмы оценочности (по материалам статей, посвященных 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского). *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 5(44), 537–541. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).537-541
- Барышева А. А. (2022b). Эксплицитное и имплицитное выражение оценочности в медиатексте (на материалах русскоязычной и немецкоязычной статей, посвященных выставке к юбилею музыканта Виктора Цоя) [Электронный ресурс]. *Материалы XXIX Всерос. науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов НовГУ. Великий Новгород*. URL: <https://portal.novsu.ru/file/1944965> (Дата обращения: 23.04.2023).
- Жигалова М. П. (2017). Германия в судьбе и творчестве Марины Цветаевой. *Literaturzeitschrift BERLIN. BEREKA (БЕРЛИН. БЕРЕКА: литературный журнал)*, 4(1), 144–159.
- Скомаровская А. (2017). *Марина Цветаева – великий романтик Серебряного века* [Электронный ресурс]. URL: <https://russkiymir.ru/news/232358/> (Дата обращения: 22.04.2023).
- Соловьева В. (2022). *В октябре исполнилось 130 лет со Дня рождения Марины Цветаевой* [Электронный ресурс]. URL: <https://serp.mk.ru/culture/2022/10/26/v-oktyabre-ispolnilos-130-let-so-dnya-rozhdeniya-mariny-tsvetaevoy.html> (Дата обращения: 15.04.2023).
- «Уж сколько...» (2022). «Уж сколько их упало в эту бездну» ... К 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. URL: <https://mospravda.ru/2022/10/08/589959/> (Дата обращения: 15.04.2023).
- Шептухина Е. М. (2006). Эксплицитность / имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами. *Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов*. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 248–255.
- Шмелева Т. В. (2010a). Авторское начало в стилистике медийного текста. *Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации*. Тюмень: Мандр и К°, 207–215.
- Шмелева Т. В. (2010b). Авторское начало медийного текста: удельный вес. *Язык. Дискурс. Текст*. Ростов н/Д.: Изд-во «АкадемЛит», 325–327.
- Bedrohlich (n.d.). *Словарь "Duden. Rechtschreibung"* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/bedrohlich> (Дата обращения: 22.04.2023).
- Gemütlich (n.d.). *Словарь "Duden. Rechtschreibung"* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/gemuetlich> (Дата обращения: 22.04.2023).
- Künzel T. (2022). *Die Wiege ihrer Seele: Marina Zwetajewa und Deutschland* [Электронный ресурс]. URL: <https://mdz-moskau.eu/die-wiege-ihrer-seele-marina-zwetajewa-und-deutschland/> (Дата обращения: 22.04.2023).

References

- Arsen'eva Z. (2022). *Ispolnyaetsya 130 let so dnya rozhdeniya Mariny Tsvetaevoy* [The 130th anniversary of the birth of Marina Tsvetaeva]. Available at: <https://spbvedomosti.ru/news/culture/iispolnyaetsya-130-let-so-dnya-rozhdeniya-mariny-tsvetaevoy/> (Accessed: 22.04.2023).
- Barysheva A. A. (2022a). Yazykovye mekhanizmy otsenochnosti (po materialam statey, posvyashchennykh 200-letiyu so dnya rozhdeniya F. M. Dostoevskogo). [Linguistic mechanisms of evaluation (Based on texts dedicated to the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky)]. *Memoirs of NovSU*, 5(44), 537–541. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).537-541
- Barysheva A. A. (2022b). Eksplitsitnoe i implitsitnoe vyrazhenie otsenochnosti v mediatekste (na materialakh russkoyazychnoy i nemetskoyazychnoy statey, posvyashchennykh vystavke k yubileyu muzykanta Viktora Tsoya) [Explicit and implicit expression of evaluation in the media text (on the materials of the Russian and German-language articles devoted to the exhibition devoted to the

- anniversary of the musician Victor Tsoi]. *Materialy XXIX Vseros. nauch. konf. prepodavateley, aspirantov i studentov NovGU*. Velikiy Novgorod. Available at: <https://portal.novsu.ru/file/1944965> (Accessed: 23.04.2023).
- Bedrohlich (n.d.). *Dictionary „Duden. Rechtschreibung“*. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/bedrohlich> (Accessed: 22.04.2023).
- Gemütlich (n.d.). *Dictionary „Duden. Rechtschreibung“*. Available at: <https://www.duden.de/rechtschreibung/gemuetlich> (Accessed: 22.04.2023).
- Künzel T. (2022). *Die Wiege ihrer Seele: Marina Zwetajewa und Deutschland* [The Cradle of Her Soul: Marina Tsvetaeva and Germany]. Available at: <https://mdz-moskau.eu/die-wiege-ihrer-seele-marina-zwetajewa-und-deutschland/> (Accessed: 22.04.2023).
- Sheptuhina E. M. (2006). Eksplitsitnost' / implitsitnost' smyslovoy struktury russkikh glagolov so svyazannymi osnovami. [Explicitness/implicitness of the semantic structure of Russian verbs with connected bases]. *Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost' / implitsitnost' vyrazheniya smyslov*. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 248–255.
- Shmeleva T. V. (2010a). Avtorskoe nachalo v stilistike mediynogo teksta [The author presence in the stylistics of a media text]. *Russkiy yazyk kak faktor stabil'nosti gosudarstva i npravstvennogo zdorov'ya natsii*. Tyumen': Mandr i K°, 207–215.
- Shmeleva T. V. (2010b). Avtorskoe nachalo mediynogo teksta: udel'nyy ves. [Author's origin in the stylistics of the media text]. *Yazyk. Diskurs. Tekst*. Rostov-on-Don, 325–327.
- Skomarovskaya A. (2017). Marina Tsvetaeva – velikiy romantik Serebryanogo veka [Marina Tsvetaeva is the great romantic of the Silver Age]. Available at: <https://russkiymir.ru/news/232358/> (Accessed: 22.04.2023).
- Solov'eva V. (2022). V oktyabre ispolnilos' 130 let so Dnya rozhdeniya Mariny Tsvetaevoy [The 130th birthday of Marina Tsvetaeva was in October]. Available at: <https://serp.mk.ru/culture/2022/10/26/v-oktyabre-ispolnilos-130-let-so-dnya-rozhdeniya-mariny-tsvetaevoy.html> (Accessed: 15.04.2023).
- “Uzh skol'ko...” (2022). “Uzh skol'ko ikh upalo v etu bezdnu” ... K 130-letiyu so dnya rozhdeniya Mariny Tsvetaevoy [“How many of them fell into this abyss.” ... For the 130th anniversary of the birth of Marina Tsvetaeva]. Available at: <https://mospravda.ru/2022/10/08/589959/> (Accessed: 15.04.2023).
- Zhigalova M. P. (2017). Germaniya v sud'be i tvorchestve Mariny Tsvetaevoy [Germany in the Fate and Work of Marina Tsvetaeva]. *Literaturzeitschrift BERLIN. BEREKA (BERLIN. BEREKA: literaturnyy zhurnal)*, 4(1), 144–159.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Ангелина Алексеевна Барышева – аспирант (45.06.01, Языкознание и литературоведение); старший преподаватель; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-9904-3147; Angelina.Barysheva@novsu.ru

A. A. Barysheva

IMPLICIT WAYS OF EXPRESSING EVALUATION AND THE AUTHOR PRESENCE IN MEDIA TEXTS ABOUT CULTURE

Abstract. Our research focuses on identifying implicit ways of expressing evaluation and identifying the role of the author in media texts about culture. In order to analyze the category of evaluation we took Russian-language and German-language articles, which have a common newsworthy occurrence: the 130th anniversary of the birth of Marina Tsvetaeva. In the course of the study the publications were analyzed in terms of the presence of implicit evaluations and the linguistic means by which they are carried out. As a result of the study, it turned out that the

evaluation has a predominantly positive character on the part of both Russian and German-speaking publications. The implicit evaluation of the Russian-language media texts was expressed at the level of grammar, while the German-language media texts used metaphors and epithets. We also analyzed publications for the presence of the author in the media text according to two parameters proposed by T. V. Shmeleva: author identification and the degree of media text complexity.

Keywords: evaluation, language mechanisms, implicitness, author presence, culture, media

For citation: Barysheva A. A. (2023). Implicit ways of expressing evaluation and the author presence in media texts about culture. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 488–496. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).488-496

Д. А. Кушнерева

АГРЕССОР И ЖЕРТВА В ЖЕНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ЛАУРЫ ЧИНЧИЛЬИ МИРАНДЫ)

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию особенностей конструирования образа «жертвы» и «агрессора» в политических речах бывшего президента Республики Коста-Рика. Цель данного исследования заключается в анализе создаваемой «типологии жертв и агрессоров», в определении средств вербализации данных образов, а также в определении манипулятивных стратегий и тактик, которые при этом реализуются оратором. Материалом послужили речи, произнесенные Лаурой Чинчилей во время ее президентства с 2010 по 2014 гг., всего было проанализировано 12 речей. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью такого явления как дихотомии «жертва – агрессор» и ее конкретных проявлений с точки зрения интенций говорящего в рамках женского политического дискурса Латинской Америки. В ходе анализа удалось установить специфику процесса «виктимизации» для речей Чинчилей, а также выявить три образа жертв, создаваемые политиком (страна, женщины и сама президент), были выявлены контексты и способы, конструирующие данные образы в политическом дискурсе, а также представлена типология «образов агрессоров». В том числе была установлена цель формирования данных образов, а именно для реализации тактик: кооперации, размежевания, презентации, самопрезентации, отвода критики, обвинения и обличения.

Ключевые слова: политический дискурс, гендерный дискурс, речевые манипуляции, испанский язык, образ жертвы, образ агрессора, Лаура Чинчилей

Для цитирования: Кушнерева Д. А. Агрессор и Жертва в женском политическом дискурсе (на примере речей Лауры Чинчилей Миранды) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504

Лаура Чинчилей Миранда – политик Республики Коста-Рики, ставшая первой женщиной-президентом (2010–2014 гг.) в стране после победы на президентских выборах 2010 года. Современники оценивают ее президентство неоднозначно: с одной стороны, ей удалось справиться с последствиями экономического кризиса, предоставить женщинам больше прав и возможностей, а также успешно разрешить конфликтную ситуацию территориального спора с властями Никарагуа, но, с другой стороны, популярность Лауры Чинчилей к концу истечения срока ее полномочий пошла на убыль из-за внутренних проблем, в частности из-за неспособности реализовать налоговую реформу, а также из-за обвинений в коррупции некоторых представителей ее администрации [Sagot, 2017]. Как указывает Т. А. Воротникова, Лаура Чинчилей «оказалась гораздо менее успешным руководителем по сравнению со своим предшественником (...). Почти 60% костариканцев были разочарованы в работе правительства и лишь 9% поддерживали президента» [Воротникова, 2015, с. 198]. Таким образом, учитывая непростую ситуацию, в которой оказалась Лаура Чинчилей, обращение к образу «невинной жертвы» становится одной из ее ключевых стратегий.

Модель «жертва – агрессор» изучалась в рамках метафорического анализа (G. Lakoff, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов), в том числе конструирование образа жертвы и агрессора / врага анализировалось в работах Г. И. Козырева, Е. Б. Матыгиной, Е. М. Меркуловой, О. С. Полатовской и др. Как правило «в образе жертвы доминирует идея невинности и незащитности, реализуемая единицами различных уровней языка» [Меркулова, 2012, с. 140]. «В широком смысле под понятие “жертва” в

конflikте подпадают не только люди, лишившиеся жизни, но и подвергшиеся другим видам насилия (...). В таком смысле жертвой можно считать любого индивида, группу, социальный слой, в той или иной мере пострадавших от конфликтных действий сторон или иным образом имеющих отношение к конфликту» [Козырев, 2009, с. 12]. Таким образом, признание ущерба является условием, без которого фигура жертвы не существовала бы [López Aristizábal, 2018]. «Конструируемая «жертва», должна, прежде всего, отвечать стратегическим и тактическим целям и задачам той или иной противоборствующей (противостоящей) стороны в определенный период времени и в определенной ситуации. Кроме того, она должна приобрести социальную значимость как для непосредственных и косвенных участников конфликта, так и для окружающей социальной среды» [Козырев, 2009, с. 14]. «Формирование образа «жертвы» предполагает и формирование образа «врага», который либо непосредственно повинен в посягательстве на жертву, либо имеет к этому посягательству косвенное отношение, либо рассматривается как потенциальная угроза» [Козырев, 2010]. В большинстве случаев образ агрессора, наделенный различными негативными свойствами и качествами, в политическом дискурсе считается «проигрышным», поскольку попадает под дискредитирующую стратегию, чья главная цель «игра на понижение», т.е. умаление авторитета [Руженцева, 2004, с. 21], в том числе «представление Агрессора связано с семиотической оппозицией «свой – чужой», данная оппозиция позволяет определить, кто есть кто в политическом пространстве, интеграция сплачивает своих, а агрессия отделяет чужих» [Полатовская, 2019, с. 137]. Далее рассмотрим типологию образов жертвы и агрессора в речах Лауры Чинчильи.

1. Жертва – страна; агрессор – другие страны

Для речей Лауры Чинчильи в целом характерен процесс представления Коста-Рики как страны маленькой, не несущей прямой агрессии, поскольку в данной стране нет армии и соответствующего вооружения. В ее представлении это страна, страдающая от природных катаклизмов (в которых обычно повинны другие страны, загрязняющие окружающую среду), а также от наркотрафика (ответственность за данную проблему, по мнению оратора, вновь лежит на других странах-соседях). Впоследствии в данный список добавился и территориальный спор с властями Никарагуа. Приведем примеры:

Los efectos del cambio climático, seguirán pasándonos una costosa factura, pese al ejemplar comportamiento de Costa Rica en sus obligaciones ambientales. Последствия изменения климата будут по-прежнему обходиться нам в огромные счета, несмотря на образцовое поведение Коста-Рики в отношении ее экологических обязательств.

Desde esta tribuna, hago un llamado a los países que más contribuyen al consumo de drogas para que emprendan acciones más eficaces y para que colaboren con quienes padecemos un problema que no ha sido creado por nosotros. С этой трибуны я призываю страны, которые в наибольшей степени способствуют потреблению наркотиков, принять более эффективные меры и сотрудничать с теми из нас, кто страдает от проблемы, созданной не нами.

Para un país desarmado y pacífico como Costa Rica, son ellos los principales instrumentos de su seguridad; Для такой безоружной и миролюбивой страны, как Коста-Рика, они являются главными инструментами ее безопасности;

*A los acontecimientos económicos y naturales, se unió una **inmerecida agresión** a nuestra soberanía por parte de **autoridades nicaragüenses**, que **puso y sigue poniendo en juego** nuestra seguridad nacional. Помимо экономических и природных явлений, имела место **неоправданная агрессия** в отношении нашего суверенитета со стороны **никарагуанских властей**, которая поставила и продолжает ставить под угрозу нашу национальную безопасность.*

По мнению Крус и Паккиаротти, через подобный процесс «виктимизации» создается «трагический сценарий, оказывающий негативное влияние на страну президента, который, по-видимому, не несет ответственности, а является жертвой всех этих обстоятельств. Другими словами, слушатели молчаливо предполагают, что Коста-Рика не тратит ресурсы на оружие, не способствует значительному употреблению наркотиков, наркобизнесу или насилию и, будучи такой маленькой страной, не загрязняет окружающую среду, так, как это делают более крупные страны, но страдает от всех этих процессов, за которые она никоим образом не несет ответственности» [Cruz, Pacchiarotti, 2013, p. 140]. Таким образом, оратором реализуется несколько тактик: презентации (Коста-Рика, как страна безвинная); безличного обвинения (те страны, которые виноваты в существующих проблемах) и прямого обвинения (правительство Никарагуа).

2. Жертва – женщина; агрессор – не определен

Отметим, что в своих речах Лаура Чинчилья довольно часто обращается именно к образу женщин. Мария Флорес-Эстрада утверждает даже, что тот факт, что Чинчилья – женщина, сыграл важную роль при голосовании: «Согласно опросу, президент получила большинство голосов по следующим причинам: ее способности и личность (29,0%), ее предвыборные предложения и проводимая ею кампания (18,3%), а также то, что она женщина (15,7%). (CIEP-UCR, 2010). Иными словами, тот факт, что Лаура Чинчилья – женщина, имел определенный вес при голосовании». [Flórez-Estrada, 2010, p. 91]. Консолидация «мы – женщины» устанавливается в речах Лауры Чинчильи благодаря апеллированию к тем сложностям, с которыми приходится сталкиваться и бороться женщине в современном мире. Как указывает Т. А. Шабанова: «Представление женщины с помощью метафорической модели “Мы – ЖЕРТВА” является наиболее распространенным манипулятивным приемом интеграции феминистского движения со своими нынешними и будущими сторонниками» [Шабанова, 2012, с. 159]. Таким образом выстраивается еще одна дихотомия «свои – чужие», но на этот раз гендерная – под «своими» скрываются женщины, которые сталкиваются с трудностями, и президент одна из них. Модель «Мы – ЖЕРТВА», указанная Т. А. Шабановой, в речах Чинчильи целенаправленно создает образ женщины, не желающей оставаться в данной роли, не поддерживающей насилие и выступающей за объединение. Приведем примеры:

*Y nos indigna que, aun hoy, **haya mujeres a la espera de ser lapidadas**, pueblos ahogados por **la barbarie del genocidio**. И мы возмущены тем, что даже сегодня есть женщины, ожидающие, что **их побьют камнями**, это народы, удушаемые варварством геноцида.*

*Sin embargo, **las mujeres aún sufren** de mayor desempleo, precariedad e informalidad laboral. En gran medida, ello se debe **a nuestras dificultades para combinar los roles productivo y reproductivo**. Para superar este obstáculo, estamos desarrollando*

una red de cuidado y estimulación temprana de niños y niñas; Тем не менее, женщины по-прежнему страдают от более высокого уровня безработицы, неполной занятости и неформальной занятости. В значительной степени *это связано с нашими трудностями в совмещении продуктивной и репродуктивной ролей.* Чтобы преодолеть это препятствие, мы развиваем сеть по уходу и воспитанию мальчиков и девочек.

В данном случае образ агрессора однозначно не определен и размыт. Под образ врага попадает большое количество субъектов, которые могут быть интерпретированы слушателем по-разному: мужчины; политики; социальные, политические и культурные устои стран и т.д. Из этого мы делаем вывод, что основной целью оратора в данном случае является реализации тактики презентации и самопрезентации (демонстрация желания и готовности бороться за права и свободу женщин), а также кооперации – президент одна из тех женщин, которой также приходится преодолевать трудности:

(...) miles de niñas, que cuando me ven me dicen con sonrisa segura y confiada: “Yo también quiero ser presidenta”. Ellas vivieron algo que alimentará sus sueños, y esos sueños de mujer no se detendrán nunca más. Тысячи девушек, завидев меня, с уверенной улыбкой доверительно признавались мне: «Я тоже хочу стать президентом». Они жили тем, что наполняло их мечты, и эти **женские мечты никогда больше не прекратятся.**

Pienso que todas las mujeres tenemos un momento de iluminación, en dónde se nos pone en evidencia que somos diferentes, que alguien nos ve con ojos diferentes. (...) Espero que llegue el momento en que las mujeres puedan vivir toda su vida sin darse cuenta de que la ven diferente. Я думаю, что у всех женщин есть момент просветления, когда становится ясно, что мы разные, и что кто-то смотрит на нас другими глазами. (...) **Я с нетерпением жду того времени, когда женщины смогут прожить всю свою жизнь, не осознавая, что ее видят по-другому.**

3. Жертва – президент; агрессор – мужчины-политики и СМИ

Отметим, что образ женщины также используется оратором в качестве отвода критики или для реализации тактики самооправдания. Политические ошибки президента маскируются предвзятым отношением мира к женщинам-политикам:

Por esto no veo como producto de la casualidad que, alguien haya incluso omitido las páginas más oscuras de nuestra historia, sólo para poner a la primera administración de una mujer, por debajo de todos los hombres que dirigieron el país, desde la conquista. Вот почему я не вижу ничего случайного в том, что кто-то специально пропустил самые мрачные страницы нашей истории, просто **чтобы поставить первое президентство женщины ниже всех мужчин,** которые руководили страной с момента завоевания.

Quienes condenan al liderazgo femenino por los errores que yo pude haber cometido, subestiman la determinación y fuerza de las mujeres. Te, кто осуждают женщин-руководителей за ошибки, которые я, возможно, совершила, недооценивают решимость и силу женщин.

Помимо мужчин-политиков, критике со стороны Чинчили подвергается и пресса, президент обвиняет ее представителей в искажении и подтасовке фактов при освещении ситуации в стране:

La obra enfrentó problemas, **yo misma los denuncié**; pero la cobertura mediática de esos problemas **cargada de amarillismo e imprecisión**, indujeron a conclusiones equivocadas (...) Se verá que en nuestra gestión **las victorias superaron por mucho a las derrotas**, pero las segundas resultaron siempre más sonoras que las primeras. Bien sabemos (...) que en las prioridades de los medios de comunicación prevalecen las tragedias, los escándalos y las controversias. В нашей работе мы столкнулись с проблемами, **я сама о них говорила**; но освещение этих проблем в СМИ, **перегруженных сенсационностью и неточностью**, привело к неверным выводам (...) Вы увидите, что в период нашей администрации **победы намного превышали поражения**, но последние всегда были громче первых. Мы отлично знаем, (...) что в приоритетах СМИ преобладают трагедии, скандалы и противоречия.

Sin embargo (...) con frecuencia, algunos medios de comunicación **recurrieran a la condena anticipada de nuestras iniciativas**, a la retórica inflada en sus comentarios, a la falta de balance y ponderación para valorar los hechos, o a los titulares que **convertían una buena noticia en algo dudoso o censurable**. Однако (...) некоторые СМИ часто прибегали к **преждевременному осуждению наших инициатив**, к напыщенной риторике в своих комментариях, к несбалансированности и отсутствию взвешенности в оценке фактов или к заголовкам, **превращавшим хорошие новости во что-то сомнительное или предвсудительное**.

Стоит отметить, что исследователь Х. Диас Гонсалес, изучавший образ Лауры Чинчильи, конструируемый прессой Коста-Рики, приходит к выводу, что бывший президент действительно предстает не в самом положительном образе, и как весьма пассивный политик: «Такой образ “отсутствующего президента” может привести население к мысли о том, что Чинчилья Миранда не была готова к осуществлению президентских полномочий, поэтому прибегала к помощи посредников, которые брали на себя ответственность за проблемы, возникавшие в период ее президентства» [Díaz González, 2020].

Наконец, Лаура Чинчилья предстает в своих речах, как женщина-политик, вынужденная принести в жертву самое ценное, что у нее есть – свою семью:

Su nacimiento (José María) en esa fecha, nos privó de celebrar juntos la mayoría de sus cumpleaños; al igual que muchas otras ocasiones importantes. Pese a ello, nunca reclamó mis ausencias, mis congojas o mis tensiones. Al contrario, creció sin aparentar contratiempos, asumiendo en solitario o junto a la excepcional compañía de su padre, sus obligaciones, sin quejas ni reproches. Его рождение (Хосе Мария – сын Л. Чинчильи – Авт.) в этот день помешало нам вместе отпраздновать большую часть его дней рождения; как и многие другие важные события. Несмотря на это, он никогда не жаловался на мое отсутствие, на мою грусть или мои тревоги. Наоборот, он рос без особых трудностей, выполняя в одиночку или вместе с отцом свои обязанности, но без жалоб и упреков.

В данном случае мы можем наблюдать отсутствие образа агрессора, речь идет скорее о самопожертвовании. Самопожертвование может быть спровоцировано агрессором, т.е. когда агрессор прямо или косвенно вынуждает субъекта принести жертву, однако в данном случае – это добровольный выбор политика служить на благо своей Родины. Следовательно, цель оратора не дискредитация чьего-либо образа, а представление своего в выгодном свете. Так, продолжая мысль о принесенной жертве, Чинчилья подчеркивает, что не жалеет о совершенном выборе:

Al cerrar con el ejercicio de mi presidencia, 20 años de servicio en la función pública, me siento honrada y agradecida. Los momentos de tensión, angustia o sacrificio, se vieron siempre retribuidos por las infinitas bendiciones y alegrías que me deparó el haber servido a las y los costarricenses. Завершая свои президентские обязанности и проведя 20 лет работы на государственной службе, я чувствую себя польщенной и благодарной. Моменты напряжения, страдания или жертвы всегда вознаграждались бесконечными благословениями и радостями, которые приносило мне служение костариканцам.

El costo de la incompreensión que he debido pagar por esta obra, no ha disminuído mi convicción sobre la importancia de la misma. Цена непонимания, которую мне пришлось заплатить за эту работу, не уменьшила моей убежденности в ее важности.

Выводы:

1. В своих речах Лаура Чинчилья создает 3 образа жертвы: Коста-Рика, женщины и она сама (президент-жертва). Агрессорами выступают другие страны (в частности Никарагуа), мужчины-политики и СМИ. С помощью данной типологии оратор реализует тактики кооперации, размежевания, (само)презентации, отвода критики, обвинения и обличения.

2. Образ жертвы невозможен без образа врага/агрессора. Он может быть четко определен и назван (например власти Никарагуа); он может быть не назван, но всем понятен (СМИ, оппозиция и т.д.); и он может быть не определен (женщины-жертвы). Однако если речь заходит о самопожертвовании, то в таком случае агрессор действительно может отсутствовать, и на передний план выходит самоотверженность политика и его готовность пожертвовать собой ради страны.

3. Агрессор не всегда четко определен, под его образ могут попадать большое количество субъектов. В таком случае мы можем говорить либо о сознательном желании оратора не конкретизировать образ, а расширить его, либо основной целью становится реализация не дискредитирующей, а других видов стратегий и тактик.

Литература

- Воротникова Т. А. (2015). Коста-Рика после выборов: стабильность и обновление. *Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама*. М.: ИЛА РАН, 196–204.
- Козырев Г. И. (2009). Социальное конструирование образа жертвы в социально-политических отношениях и в конфликте. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2, 11–27.
- Козырев Г. И. (2010). *Жертва в социальном конфликте: реальность и виртуальность* [Электронный ресурс]. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева. URL: <http://kozyrev-gi.ru/nauka.php?id=42> (Дата обращения: 08.03.2023).
- Меркулова Е. М. (2012). Средства вербализации Жертвы в российском и американском военных дискурсах. *Политическая лингвистика*, 4, 139–144.
- Полатовская О. С. (2019). Средства представления Агрессора в англоязычном дискурсе. *Современное педагогическое образование*, 9, 136–142.
- Руженцева Н. Б. (2004). *Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе*. Екатеринбург, 294.
- Шабанова Т. А. (2012). Образ американской женщины глазами феминисток США. *Политическая лингвистика*, 1, 158–161.
- Cruz G., Pacchiarotti S. (2013). La interpretación de un discurso presidencial de Laura Chinchilla Miranda:

una lectura lingüístico-discursiva. *Revista de Filología y Lingüística de la Universidad de Costa Rica*, 125–142. DOI:10.15517/rfl.v39i2.15080

Díaz González J.A. (2020) ¿Dónde está la presidenta? La construcción de la imagen de Laura Chinchilla en la prensa escrita [Электронный ресурс]. *Revista Humanidades de la Universidad de Costa Rica*, 10(1). URL: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=498060395012> (Дата обращения: 11.03.2023).

Flórez-Estrada M. (2010). La campaña de Laura Chinchilla y las mujeres ¿Oportunismo o compromiso con un nuevo pacto sexual? *Revista de Ciencias Sociales*, 130, 85–89. DOI: 10.15517/rcs.v0i130.4156

López Aristizábal L., Guerrero F. A. (2018). La tridimensionalidad de la víctima: un análisis del discurso en el proceso de transición colombiano. *Análisis político*, 93, Bogotá, 169–188. DOI: 10.15446/anpol.v31n93.75623

Sagot M. (2017). Laura Chinchilla y la promesa incumplida [Электронный ресурс]. *Revista con la A*, 52, 1–3. URL: <https://conlaa.com/laura-chinchilla-la-promesa-incumplida/> (Дата обращения: 11.03.2023).

References

Cruz G. (2013). La interpretación de un discurso presidencial de Laura Chinchilla Miranda: una lectura lingüístico-discursiva. *Revista de Filología y Lingüística de la Universidad de Costa Rica*, 125–142. DOI: 10.15517/rfl.v39i2.15080

Díaz González J. A. (2020). ¿Dónde está la presidenta? La construcción de la imagen de Laura Chinchilla en la prensa escrita. *Revista Humanidades de la Universidad de Costa Rica*, 10(1). Available at: <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=498060395012> (Accessed: 11.03.2023).

Flórez-Estrada M. (2010). La campaña de Laura Chinchilla y las mujeres ¿Oportunismo o compromiso con un nuevo pacto sexual? *Revista de Ciencias Sociales*, 130, 85–89. DOI: 10.15517/rcs.v0i130.4156

Kozyrev G. I. (2009). Sotsial'noe konstruirovaniye obraza zhertvy v sotsial'no-politicheskikh otnosheniyakh i v konflikte [Social Construction of the Victim in Socio-Political Relations and in Conflict]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie"*, 2, 11–27.

Kozyrev G. I. (2010). Zhertva v sotsial'nom konflikte: real'nost' i virtual'nost'. [Victim in social conflict: reality and virtuality]. M.: RKHTU im. D. I. Mendeleeva. Available at: <http://kozyrev-gi.ru/nauka.php?id=42> (Accessed: 08.03.2023).

López Aristizábal L. (2018). La tridimensionalidad de la víctima: un análisis del discurso en el proceso de transición colombiano. *Análisis político*, 93, Bogotá, 169–188. DOI: 10.15446/anpol.v31n93.75623

Merkulova E. M. (2012). Sredstva verbalizatsii Zhertvy v rossiyskom i amerikanskom voennykh diskursakh [Means of verbalization of victim in the Russian and American discourses, describing war]. *Politicheskaya lingvistika*, 4, 139–144.

Polatovskaya O. S. (2019). Sredstva predstavleniya Agressora v angloyazychnom diskurse [Means of representing the Aggressor in English discourse]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 9, 136–142.

Ruzhentseva N. B. (2004). Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 294.

Sagot M. (2017). Laura Chinchilla y la promesa incumplida. *Revista con la A*, 52, 1–3. Available at: <https://conlaa.com/laura-chinchilla-la-promesa-incumplida/> (Accessed: 11.03.2023).

Shabanova T. A. (2012). Obraz amerikanskoy zhenshchiny glazami feministok SSHA. [Image of a woman as viewed by the US feminists]. *Politicheskaya lingvistika*, 1, 158–161.

Vorotnikova T. A. (2015). Kosta-Rika posle vyborov: stabil'nost' i obnovlenie [Costa Rica after the elections: stability and renewal]. *Latinskaya Amerika: izbiratel'nye protsessy i politicheskaya panorama*. M.: ILA RAN, 162–167.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Дарья Андреевна Кушнерева – соискатель (исследователь, преподаватель-исследователь); Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0003-2546-0807; kushnereva.daria@gmail.com

D. A. Kushnereva

AGGRESSOR AND VICTIM IN WOMEN'S POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE SPEECHES OF LAURA CHINCHILLA MIRANDA)

Abstract. The article is devoted to the study of the features of constructing the image of “victim” and “aggressor” in the political speeches of the former President of the Republic of Costa Rica. The purpose of this study is to analyze the created “typology of victims and aggressors”, to determine the means of verbalization of these images, as well as to determine the manipulative strategies and tactics which are implemented by the speaker. The material was the speeches delivered by Laura Chinchilla during her presidency from 2010 to 2014; 12 speeches were analyzed in total. The relevance of the study is due to the low level of knowledge of such a phenomenon as the “victim-aggressor” dichotomy and its specific manifestations in terms of the speaker’s intentions within the framework of the female political discourse of Latin America. During the analysis it was possible to establish the specifics of the “victimization” process for Chinchilla’s speeches, as well as to identify three images of victims created by a politician (the country, women and the president herself), the contexts and methods that construct these images in political discourse, and a typology of “images of aggressors”. In particular, it was established that the goal of forming these images was the implementation of some tactics: cooperation, demarcation, presentation, self-presentation, rejection of criticism, accusation and denunciation.

Keywords: political discourse, gender discourse, speech manipulation, Spanish, image of the victim, image of the aggressor, Laura Chinchilla

For citation: Kushnereva D. A. (2023). Aggressor and Victim in women's political discourse (on the example of the speeches of Laura Chinchilla Miranda). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 497–504. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).497-504

Д. О. Ремянникова

ВКУС ПРАВИТ, МЕТАФТОНИМИЯ ПОМОГАЕТ

Аннотация. В наше время невозможно представить жизнь без рекламы. Не проходит и дня, чтобы мы не встретили хотя бы одно рекламное сообщение, которое не сопровождалось бы слоганом. Данная статья посвящена анализу метафтонимии в рекламном слогане ресторана быстрого питания Burger King: «Taste is king». С целью изучения метафтонимии был применён ступенчатый анализ, позволяющий раскрыть прагматический, синтагматический и парадигматические аспекты данного феномена. Для выявления специфики индивидуального сознания потребителей проводился ассоциативный эксперимент. Результаты исследования показали, что большинство ассоциаций, связанных со словом «king» вызывает у потребителей положительный отклик.

Ключевые слова: метафтонимия, лексема «king», ступенчатый анализ метафтонимии, ассоциативный эксперимент, рекламный слоган

Для цитирования: Ремянникова Д. О. Вкус правит, метафтонимия помогает // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 505–511. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).505-511

Современные когнитивные процессы ориентированы на способы компрессии знаний и упаковывания ёмкого содержания с различной степенью образности в сжатые языковые формы, которые позволяют оптимизировать информационный процесс получения, обработки, хранения и передачи знаний. Особый интерес при этом вызывают такие лингвокогнитивные феномены, как метафора, метонимия, а также более комплексный феномен – метафтонимия [Goossens, 1990, 2002; Barcelona, 2003; Ruiz de Mendoza, 2011; Kövecses, 2000; Radden, 2003; Ремянникова, Мишланова, 2019].

Пионером в области изучения метафтонимии стал Л. Гуссенс [Goossens, 1990, 158–174; Goossens, 2002, 349–377]. В работе «Метафтонимия: взаимодействие метафоры и метонимии в высказываниях с переносным смыслом» («Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action») Л. Гуссенс разграничивал четыре модели взаимодействия метафоры и метонимии: метонимия в метафоре, метафора из метонимии, метафора в рамках метонимии как расширение метафорического или метонимического значения и деметонимизация в метафорическом контексте [Goossens, 1990, 158–174].

Опираясь на предлагаемую классификацию, можно сделать вывод о том, что исследователь понимает под метафтонимией комбинации двух когнитивных механизмов – метафоры и метонимии. Такое представление можно визуализировать в виде **точки** на рисунке 1.

Метафора и метонимия

Рисунок 1. Метафтонимия как взаимодействие метафоры и метонимии (Л. Гуссенс)

Испанский лингвист Ф. Руиз де Мендоза продвинул изучение метафтонимии на шаг вперед и предложил концепцию, которая расширяет границы в исследовании этого комплексного феномена. Ученый определил две основные метонимические схемы – ЧАСТЬ вместо ЦЕЛОГО (источник в цели) и ЦЕЛОЕ вместо ЧАСТИ (цель в источнике), на которых строятся последующие случаи взаимодействия метафоры и метонимии: метонимическое расширение / сужение метафорической области источника / области цели, метонимические комплексы, в которых происходит взаимодействие нескольких метонимий, метафорические комплексы или амальгамы с одним или несколькими источниками и метафорические цепочки (прямые и пересекающиеся с метонимией) [Ruiz de Mendoza, 2011, 1–29].

На основании вышеизложенного можно заключить, что Ф. Руиз де Мендоза определяет метафтонимию как бескрайние метафоро-метонимические цепочки. В связи таким пониманием метафтонимия изображена в виде **прямой**, у которой отсутствует начало и конец (рисунок 2).

Метафоро-метонимические
цепочки

Рисунок 2. Метафтонимия как бескрайние цепочки (Ф. Руиз де Мендоза)

Когнитивно-дискурсивная парадигма вносит коррективы в изучение комплексных феноменов, уделяя важную роль экстралингвистическим факторам. Такой подход ставит перед исследователем новую задачу: проследить связь между феноменом и факторами, которые его обусловили.

Ввиду того, что настоящее исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, мы представляем метафтонимию в виде **отрезка** (рисунок 3), который ограничен в рекламном слогане идеологией, то есть идеология выступает границей анализа при изучении метафтонимии.

Метафоро-метонимические
переносы

Рекламный слоган

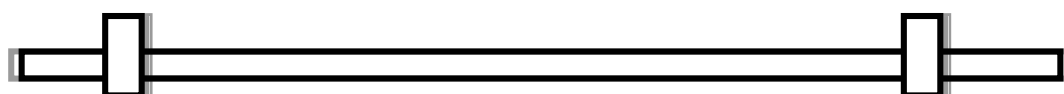

Рисунок 3. Метафтонимия как отрезок

В научной литературе насчитывается значительное количество трудов, посвященных изучению метафтонимии, однако в большинстве случаев исследователи сосредоточивают свое внимание на анализе определенного аспекта данного феномена. Для проведения анализа, который бы позволил изучить три аспекта метафтонимии (прагматический, синтагматический, парадигматический), потребовалась разработка комплексной методики. Разработанный нами **ступенчатый анализ метафтонимии** (metaphonymy step analysis) включает элементы модифицированного критического дискурс-анализа, процедуру идентификации MIPVU и пятишаговый анализ Г. Стейна [Pragglejaz Group, 2007, 1–39; Steen, 2009, 57–78; Steen et al., 2010].

Согласно алгоритму в ступенчатом анализе исследователю необходимо предпринять следующее:

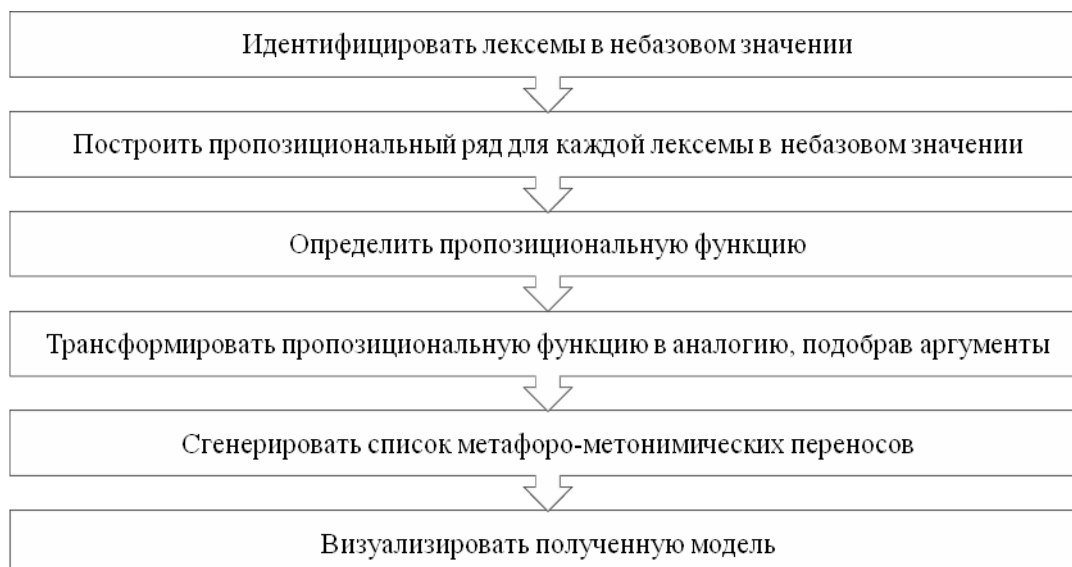

Рисунок 4. Ступенчатый анализ метафтонимии

Применив ступенчатый анализ метафтонимии в рекламном слогане «*Taste is king*» («Вкус правит»), идентифицировано две лексемы, которые используются в слогане в небазовом значении – KING, TASTE. Рассмотрим более подробно каждую из них на рисунках 5 и 6.

Лексема KING (КОРОЛЬ)

- Лексема KING (КОРОЛЬ) используется в рекламном слогане *метонимически*.
- Контекстуальное значение лексемы KING (КОРОЛЬ) контрастно базовому, так как в слогане идет речь о важности вкуса еды, а не о члене королевской семьи. Обычно «королю» приписывают «влияние», «властность» и «величие», которые, как подчёркивается копирайтерами, аналогичны силе вкуса и его способности оказывать воздействие на потребителя. В слогане также используется *метонимическое сужение*, которое позволяет закодировать название самого ресторана быстрого питания Burger King и помогает копирайтерам играть с подсознанием потребителя.

Рисунок 5. Метонимическое использование лексемы KING

Лексема *TASTE* (ВКУС)

- В анализируемом слогане лексема *TASTE* (ВКУС) используется *метафорически*.
- Базовое значение лексемы *TASTE* (ВКУС) апеллирует к ощущениям, возникающим при раздражении слизистой оболочки языка (область-источник). При метафорическом переносе эти ощущения проецируются на свойства и качества пищи, приготовленной в ресторане быстрого питания Burger King (область-цель).

Рисунок 6. Метафорическое использование лексемы *TASTE*

В результате проведенного ступенчатого анализа в рекламном слогане выявлены метафоро-метонимические переносы, которые визуализированы на рисунке 7.

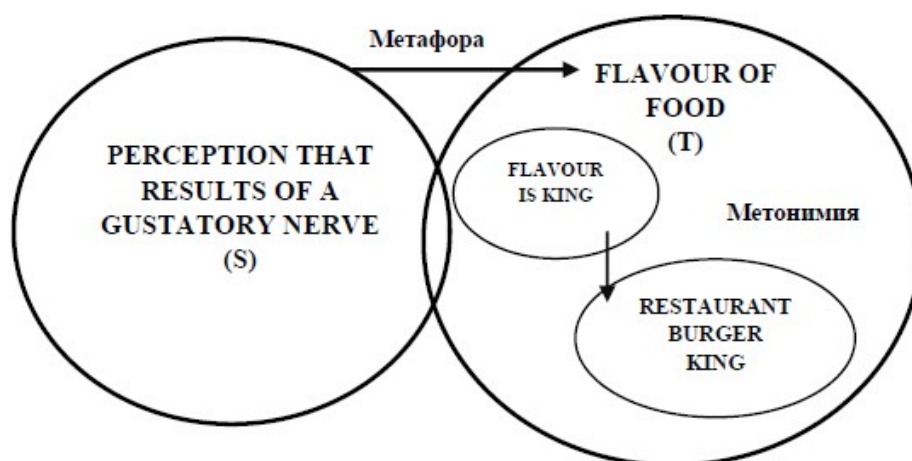

Рисунок 7. Метафоро-метонимические переносы в рекламном слогане «Taste is king»

Для определения специфики индивидуального сознания потребителя в процессе восприятия лексемы «king», а также для точности интерпретации полученных в ходе ступенчатого анализа данных был проведён ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 112 русскоговорящих информанта разных возрастных групп. Возраст опрашиваемых находился в диапазоне от 19 до 53 лет. Эксперимент проводился посредством опроса и анкетирования, которое предусматривало получение реакций на слово стимул «king».

Согласно ответам, у большинства опрошенных лексема «king» ассоциируется со словом «король» (28 ответов). Вторым по частотности повторяющихся ассоциаций был «ресторан Burger King» (17 ответов), к которому и делается отсылка в слогане. За счёт метонимического сужения копирайтеры кодируют название бренда в рекламном слогане, играя таким образом на подсознании потребителя. «Корона», которая является неотъемлемым атрибутом «короля / королевы», упоминается 13 раз. Следует отметить, что ассоциации, связанные с «королевой» и «гамбургер»,

встречаются в равном количестве (8). Далее следует американский анимационный музыкальный драматический фильм «Король лев», к которому была отсылка 7 раз. Ассоциации, связанные с Великобританией, встречаются среди респондентов в нескольких форматах: в сокращённом названии страны «Великобритания» (6), а также в полной официальной форме «Соединённое Королевство» (6). Наименее распространёнными ответами среди опрошенных были: «правитель» (5), «замок» (4), «величие» (3), «привилегии» (3), «богатство» (3), «глава» (1). Ознакомиться с полученными результатами можно на рисунке 8.

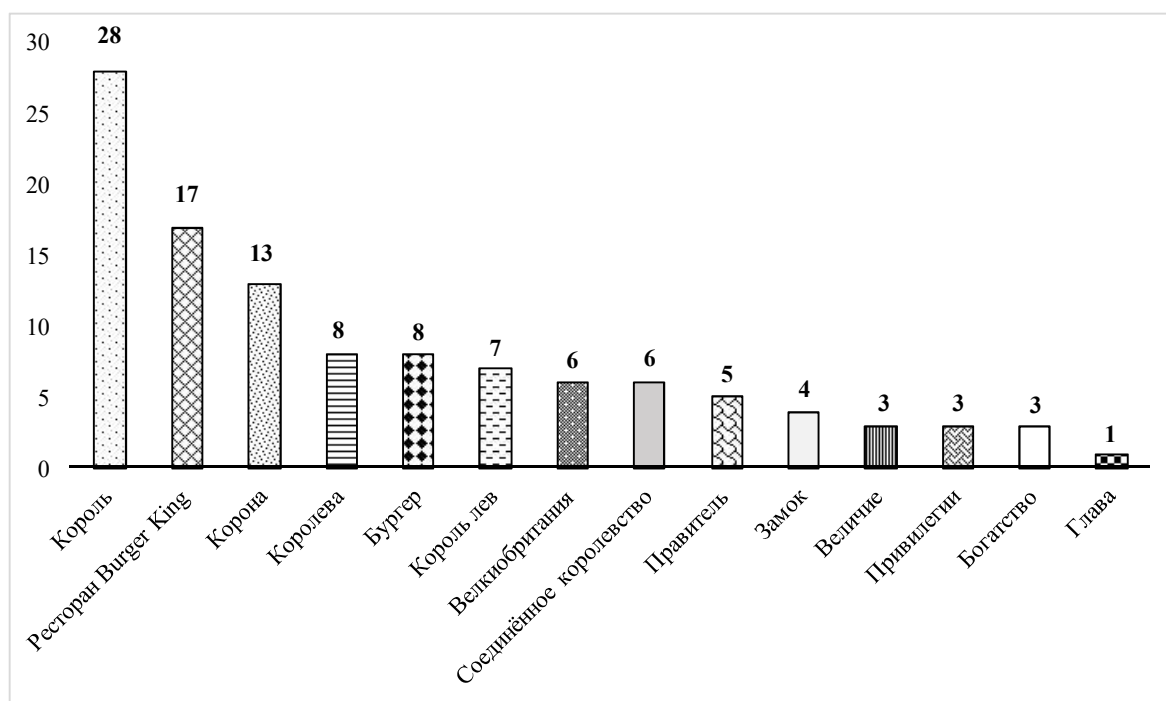

Рисунок 8. Слова стимулы к лексеме «king»

Для определения наиболее частых ассоциаций в ходе эксперимента были проанализированы все полученные реакции. Как и предполагалось, среди опрошенных преобладают ассоциации, связанные с «королём», а также с самим рестораном быстрого питания Burger King. Последующие ассоциативные ряды скорее сходятся, чем расходятся, потому что объединены одной тематикой «королевства».

В заключение следует отметить, что проведённый нами ассоциативный эксперимент подтвердил тот факт, что лексема «king» в сознании потребителей вызывает положительные ассоциации.

Литература

- Ремяникова Д. О., Мишланова С. Л. (2018). Критический анализ метафтонимии в рекламных слоганах. *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 6-2, 157–164.
- Barcelona A. (2003). Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 207–277.
- Fairclough N. (1997). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London: Longman.
- Fairclough N. (2003). *Analysing Discourse*. New York: Routledge.
- Goossens L. (1990). *Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in expressions for linguistic action*. Philadelphia: Benjamins, 158–174.

- Goossens L. (2002). *Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in expressions for linguistic action. Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 349–377.
- Kövecses Z. (2000). The scope of metaphor. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*. Berlin; New York, 79–92.
- Pragglejaz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
- Radden G. (2003). How metonymic are metaphors? *Metonymy and metaphor: Conceptualization strategies*. Berlin; New York, 407–434.
- Ruiz de Mendoza F. (2011). Going beyond Metaphtonymy: Metaphoric and Metonymic complexes in phrasal verb interpretation. *Language Value*, 3(1), 1–29.
- Steen G. J. (2009). *From linguistic form to conceptual structure in five steps: analyzing metaphor in poetry*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 57–78.
- Steen G. J., Dorst A. G., Kaal A. A., Herrmann J. B., Krennmayr T. (2010). *A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

References

- Barcelona A. (2003). Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics. *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 207–277.
- Fairclough N. (1997). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London: Longman.
- Fairclough N. (2003). *Analysing Discourse*. New York: Routledge.
- Goossens L. (1990). *Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in expressions for linguistic action*. Philadelphia: Benjamins, 158–174.
- Goossens L. (2002). *Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in expressions for linguistic action. Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin; New York, 349–377.
- Kövecses Z. (2000). The scope of metaphor. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*. Berlin; New York, 79–92.
- Pragglejaz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
- Radden G. (2003). How metonymic are metaphors? *Metonymy and metaphor: Conceptualization strategies*. Berlin; New York, 407–434.
- Remyannikova D. O., Mishlanova S. L. (2018). Kriticheskiy analiz metaftonimii v reklamnykh sloganakh [Metaphtonymy critical analysis in advertising slogans]. *Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 6-2, 157–164.
- Ruiz de Mendoza F. (2011). Going beyond Metaphtonymy: Metaphoric and Metonymic complexes in phrasal verb interpretation. *Language Value*, 3(1), 1–29.
- Steen G. J. (2009). *From linguistic form to conceptual structure in five steps: analyzing metaphor in poetry*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 57–78.
- Steen G. J., Dorst A. G., Kaal A. A., Herrmann J. B., Krennmayr T. (2010). *A method for linguistic metaphor identification: From MIP to MIPVU*. Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Дарья Олеговна Ремянникова – кандидат филологических наук, доцент; Пермский государственный национальный исследовательский университет; ORCID: 0000-0001-5705-3750; dasharemyannikova94@mail.ru

D. O. Remyannikova

TASTE IS KING, METAPHTONYMY IS TOOL

Abstract. Advertisements and advertising slogans are around us all the time. There is not a day when we would not come across at least one advertisement that would not be accompanied by a slogan. Current research paper focuses on analyzing metaphonymy in Burger King advertising slogan: “Taste is king”. Step metaphonymy analysis is applied in order to study pragmatic, syntagmatic and paradigmatic relations. Association experiment is carried out to increase availability of the results and to identify the peculiarity of consumer consciousness. The results of the research demonstrate that most associations connected with the lexeme “king” have positive reactions.

Keywords: metaphonymy, lexeme “king”, step analysis, association experiment, advertising slogan

For citation: Remyannikova D. O. (2023). Taste is king, metaphonymy is tool. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 505–511. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).505-511

Л. В. Дубаков, Чжан Вэйнин

ПОЭТИКА И ФУНКЦИИ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА В ТВОРЧЕСТВЕ С. М. ТРЕТЬЯКОВА

Аннотация. В статье анализируется специфика создания С. М. Третьяковым образов китайских национальных костюмов в художественной публицистике, написанной им на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Актуальность работы определяет интерес современного литературоведения к исследованию отражённых в литературе культурных пересечений между Россией и Китаем. Новизна работы обусловлена впервые предпринятой попыткой проанализировать особенности восприятия китайской культуры (в данном случае в части её бытовой составляющей) занимавшим революционную позицию писателем Третьяковым. Костюмный текст культурологической диалогии «Чжунго» и «Дэн Ши-хуа» отличает стремление автора к выявлению подлинных, глубинных особенностей китайской культуры, китайского мировоззрения. Его внимание сконцентрировано на общих китайских культурных интенциях, которые он фиксирует и отвергает как чрезмерные и отжившие, – на традиционализме, на сдержанности, на миниатюрности костюма, на обезличивании человека. Основа для создания образа костюма у Третьякова – сравнение и метафора. Эти тропы у него отличаются установкой на «снижение»: писатель использует зооморфные, гастрономические, овеществляющие сравнения, указывая тем самым на умаление человека в китайской культуре прошлого и настоящего на фоне происходящих революционных изменений.

Ключевые слова: костюм, портрет, зооморфные и гастрономические сравнения, культурный традиционализм, модерирование поведения, миниатюризация формы

Для цитирования: Дубаков Л. В., Чжан Вэйнин. Поэтика и функции китайского национального костюма в творчестве С. М. Третьякова // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 512–519. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).512-519

В конце 1910-х – начале 1920-х годов советский писатель Сергей Третьяков жил и работал в Китае. Художественным результатом его соприкосновения с китайской культурой, помимо пьесы и стихотворений, стали два крупных произведения – книга очерков «Чжунго» (1927) и роман, или био-интервью, «Дэн Ши-хуа» (1930). Оба этих текста, согласно замыслу автора, призваны были показать советскому читателю настоящий, современный Китай.

В книге очерков «Чжунго» Третьяков показал китайское государство не как чужую и чуждую для него и читателя страну, полную «опиумных притонов» и «средневекового насилия», но как культурную территорию, на которой проживало «450 миллионов человек» [Третьяков, 1930b, с. 190], что пробудились ото сна и была готова бороться за свою свободу и независимость. «Чжунго» даёт представление об истории Китая, его экономике, политике, общественной структуре и социальных особенностях, культуре, бытовой стороне китайской жизни.

Актуальность представленной статьи обусловлена усиливающимся в последние годы интересом России и Китая к исследованию имеющихся в литературе пересечений между русской и китайской культурами, что позволяют двум народам осмыслить особенности взаимной рецепции в прошлом и настоящем.

Новизну статьи определяет стремление проанализировать специфику восприятия бытовой китайской культуры, характерные особенности изображения особенностей китайского костюма в художественно-публицистических произведениях, созданных революционным писателем С. Третьяковым на основе непосредственных наблюдений за китайцами, живущими у себя на родине.

Нами был использован метод сплошной выборки и, соответственно, были проанализированы все образы китайского костюма, появляющиеся в романе «Дэн Ши-хуа» и книге «Чжунго». Ниже представлен анализ наиболее типичных способов создания Третьяковым образа китайского костюма и повторяющихся художественных и публицистических оценок особенностей этого костюма, сделанных им.

Замысел романа «Дэн Ши-хуа» родился из общения между С. Третьяковым и учащимся русского отделения Пекинского университета. С точки зрения жанра «Дэн Ши-хуа» является историей жизни, рассказанной писателю Дэн Ши-хуа, типичным китайским студентом 1920-х годов, или, как охарактеризовал жанр этого произведения автор, – био-интервью. Этим произведением писатель хотел «проточить древесину нового Китая биографией, как жук-древоточец прогрызает балку» [Третьяков, 1930b, с. 7]. В романе подробно описывается китайская жизнь 1920-х годов. Третьяков не раз в «Дэн Ши-хуа» упоминает и национальные костюмы, в частности через них он создаёт образ эпохи, характеризует ситуацию и персонажа, синтезирует «бытовое и бытийное содержание жизни» [Селеменова, 2008, с. 197].

При анализе костюма в художественном произведении используется понятие костюмного текста. Костюмный текст – это:

- костюмные портреты писателей и литературных персонажей;
- авторские описания любых ситуаций, построенные при соучастии костюмных лексем и фразеологизмов, даже если эти ситуации напрямую с собственно костюмом не связаны;
- литературные образцы костюмного поведения, функционирующие в пространстве повседневных коммуникаций;
- костюмные лексемы и фразеологизмы, имеющие литературную родословную [Манкевич, 2008, с. 31].

Под костюмом (а это «всё, что искусственно изменяет облик человека, держась на его теле» [Давыдова, 2000, с. 191]) понимаются:

- компоненты предметной среды обитания человека, используемые для оформления его внешнего облика (одежда, обувь, аксессуары, макияж, причёска);
- костюмные средства художественно-эстетической выразительности (форма, ткань, цвет, узор);
- специфические методы моделирования костюма (пластика, ритм, пространственная композиция);
- этикетные нормы ношения костюма;
- костюмные вкусы и предпочтения;
- эмоциональные переживания, волевые импульсы, физические ощущения, связанные с костюмом как средой обитания» [Манкевич, 2008, с. 31].

Костюмный текст Третьякова обращён к социально-психологической и культурологической стороне действительности. Писатель использует костюм как средство характеристики персонажа, понимаемого как определённый социальный тип. Также костюм становится способом фиксации идеологических и мировоззренческих особенностей китайской культуры. Костюм для писателя является и поводом «выразить отношение к действительности» [Кирсанова, 1989, с. 8], дать свою оценку той социально-политической реальности, которая сложилась в Китае в 1920-е годы.

Рассмотрим несколько примеров создания Третьяковым образа костюма в «Чжунго» и «Дэн Ши-хуа».

В «Чжунго» в главе «Южно-маньчжурская» из очерка «Путёвка» автор пишет о том, что видел и слышал по дороге в Пекин на поезде после строительства Китайско-восточной железной дороги. Мимо поезда пробегают дети, «стуча дощечками сандалий» [Третьяков, 1930b, с. 19]. Такие сандалии в Китае называются «му-джи», они представляют собой разновидность обуви на деревянной подошве, которая скрипит при ходьбе. «Му-джи появились в III веке н. э. Изначально они были знаком интеллектуалов, например, студентов-конфуцианцев. Эти деревянные сандалии оставались популярны в Китае и в период правления династии Цин» [Nu Baogo, 2006, с. 12]. Третьяков выбирает самый простой способ описания данной обуви – выделяя главный компонент сандалий, их деревянную подошву, и обозначая небольшой размер через использование уменьшительно-ласкательного суффикса. Мальчики, что пробежали мимо поезда, были с «подбритой по-запорожски, с краёв, шевелюрой» [Третьяков, 1930b, с. 19]. Писатель здесь, с одной стороны, использует понятный русскому читателю образ, восходящий к украинской, может быть, гоголевской, культуре, с другой – определение «по-запорожски» рождается, вероятно, из характера увиденных им мальчиков, точнее, «мальчуганов», которые показались ему серьёзными, бойкими, боевыми. В сознании читателя рождается связь смыслов: по-запорожски – Запорожская Сечь.

В главе «Дома» из очерка «Пекин» Третьяков пишет о «лысых старухах на козьих ножках» [Третьяков, 1930b, с. 19]. В китайской образной системе это т. н. золотой лотос в три цуня (“三寸金莲”). «Здесь имеется в виду использование длинных полос ткани для стягивания ног женщины, в результате чего стопа постепенно становится маленькой и заострённой» [Zhang Ning, 2011, с. 6]. Это явление восходит к древности, оно возникло под влиянием патриархальной культуры, которая воспринимает женщину не только через эстетику миниатюрного, но и эстетику деформированного. Сравнение деформированной ноги с козьей ножкой, возможно, восходит к образу загнутых г-образно папирос (которые именовались в народе «козья ножка»), широко популярных и распространённых в Советском Союзе в этот период.

В главе «Отцы и дети» автор создаёт образ китайских отца и ребёнка времён феодального общества. Под влиянием конфуцианства все костюмы в Китае соответствовали правилам послушания, вежливости и серьёзности. Например, когда автор говорит об отце, он вначале пишет, что он проходит «мягкой походкой на войлочных подошвах своих туфель» [Третьяков, 1930b, с. 101]. Похож на него и ребёнок, который, как и отец, «вежливо медлителен» [Третьяков, 1930b, с. 101]. Третьяков, говоря здесь о типичных представителях двух поколений, иронизирует. Отец у него «покрыт комфоркой» ермолки и «длиннохалатный», и эти метафора и окказионализм указывают на косность человека, одежда которого (а значит и её социальная и сохраняющая традиции функция) оказывается важнее индивидуальности. Сын, спустя годы, по предположению писателя, будет так же «бинтовать мозги своего потомка бинтами семейно-родовой морали» [Третьяков, 1930b, с. 101]. Это сравнение отсылает ко много раз критикованному Третьяковым китайскому обычаю бинтовать ноги девочкам.

В главе «Китайка» даётся несколько портретов различных китайских женщин, каждая из которых, как невеста традиционной свадьбы, неестественна и потому отчасти смешна. Вот «нарумяненные маньчжурки с целыми шёлковыми воротами на голове и причёской, чёрным блестящим рачьим хвостом лежащей на загривок. Они ступали осторожно высокими кубиками каблучков, которые у них прибиты прямо под подошвой в подражание перебинтованным копытцам китайок, ибо маньчжурки никогда не знали бинтов для ног» [Третьяков, 1930b, с. 165-166]. Костюм маньчжурок для писателя сложен и вычурен, и он снижает впечатление от него зооморфными сравнениями. Одновременно эти женщины, по Третьякову, как бы более животные, чем люди, у них почти нет индивидуальности. Обращает писатель внимание и на подражательность женского маньчжурского костюма: жители Поднебесной – люди коллектива даже на уровне отдельных народностей. Схожа с маньчжурками и женщина-китайка: «Изредка, топоча французским каблучком, проходила очкастая обамериканенная китайка, с косами, сложенными на ушах в бараньи рога» [Третьяков, 1930b, с. 166]. В её костюме также присутствует животный мотив: у маньчжурки как будто есть рачий хвост, у этой женщины – бараньи рога. И также в её одеянии имеется подражательность: если маньчжурки подражают китайкам, то она – людям Запада. Причём на уровне фиксации внимания эти образы параллельны: обувь и культурный контекст.

Другие женские образы у Третьякова также «снижены». В частности, посредством метафор, которые показывают, как женщина стала больше похожа на предмет, чем на человека: купчихи были в «скользких узорчатых кофтах, – на нижней губе у них сияло пунцовое пятно, отчего верхняя была как кусок чайной колбасы; старухи с мятыми, точно из оберточной бумаги, лицами сияли лысыми черепами, на которых, как на балалайках, было натянуто три-четыре фальшивых волоска для прилику, а от затылка торчал оголённый деревянный крюк, вроде вагонного сцепного, на котором держится причёска китайки» [Третьяков, 1930b, с. 166].

Китайские женщины неграмотны, но «Неграмотность и с детства привитая психология холопки – это уродства психические. Но есть и уродства физические» [Третьяков, 1930, с. 150]: «Туго перебинтованная, впалая, хилая грудь – отличие каждой китайской мещанки, – это такой же признак женской красоты, как в западном обществе когда-то был корсет и талия рюмочкой» [Третьяков, 1930b, с. 150]. То же – с ногами: «Ноги бинтуют с детства, насильно притягивая пальцы к пятке. Подошва мало-помалу складывается в смрадную тесную щель. С трудом, как свинья, ставшая на задние лапы, идет китайка, ступая пятками, от которых вперед торчит короткий клинышек носка. <...> Такое свинячье копыто – тоже атрибут женской красоты (не сродни ли ему наши французские каблучки?)» [Третьяков, 1930b, с. 150-151]. Снова здесь используются зооморфные сравнения (китайская женщина стала «двуногой рабочей лошадью, которую можно купить-продать» и которая качается «на своих изуродованных ногах» [Третьяков, 1930b, с. 156]) и присутствует параллель с иными культурами. В данном случае нет подражания, но есть схожая женская психология, приводящая к крайностям красоты. В Китае – к ещё более странному и опасному, чем на Западе: «копытоногие» [Третьяков, 1930b, с. 67] «простолюдинки-работницы часто бывают вынуждены передвигаться на коленях, как у нас инвалиды с отрубленными ступнями – приделают кожаные наколенники и ползают» [Третьяков, 1930b, с. 151].

В предисловии к био-интервью (от 1928 года) фиксируется первое впечатление автора от Дэн Ши-хуа: тот шёл, «мягко ступая матерчатыми туфлями», на нём был легко «струящийся халат» [Третьяков, 1930а, с. 4]. Халат – типичный костюм молодых китайских литераторов начала XX-го века. Этот халат имеет плоский крой, а его атласная ткань создаёт ощущение, что она мягко колеблется при ходьбе. Такое одеяние формирует образ героя тихого и тонкого, сдержанного и интеллигентного. Мягкость характера Дэн Ши-хуа, заданную визуальными и звуковыми ассоциациями, Третьяков подчёркивает также аллитерациями: «мягко – матерчатыми», «ступая – туфлями».

В портрете деда главного героя Третьяков обращает внимание на традиционность китайской жизни. Дед заказывает портрет ко дню своего пятидесятилетия, потому что так «полагается». Это выражение, конечно, распространяется и на костюм, в котором его, учёного второй степени, цзю-чженя, чиновника, портретируют. Мандаринская шапка с костяной шишечкой дяди Дэн Ши-хуа – «ёмкое, но неудобное сооружение» [Третьяков, 1991, с. 17]. Костюм чиновника неудобен, он формирует у носящего качества дисциплинированности, сдержанности, умение преодолевать внешнюю стеснённость.

Когда Дэн Ши-хуа отправляют учиться, его одевают в парадный костюм (ма-гуа). Писатель, характеризуя его, использует эпитет «лоснящиеся». Это слово, и схожие с ним эпитеты, Третьяков часть задействует в романе, чтобы передать состояние благополучия персонажей. С другой стороны, лоск в «Дэн Ши-хуа» связан у писателя с мотивами жира, жирного. У франтов «лоснящиеся ермолки», «волосы притёрты бриолином», что воспринимается как «жир волос» [Третьяков, 1991, с. 163], и при этом у них сквозь пудру и румяна «тычутся зелеными концами гляцевитые угри» [Третьяков, 1991, с. 162]. Сияние их облика (шёлковые туфли, ослепительность белых чулок, блеск волос, затылков) на контрасте «снижаются» писателем. У женщин, что пришли на свадьбу Дэн Ши-хуа, лоснящиеся причёски, а сами они для героя, как и другие гости, это «вязкая человеческая масса» [Третьяков, 1991, с. 189]. Женщины, приехавшие в паланкинах, описываются как почтенные и жирные [Третьяков, 1991, с. 190]. У пассажиров второго класса в поезде «шапочки лоснятся» [Третьяков, 1991, с. 209]. Жир здесь выступает в качестве знака мещанского довольства и обезличенности человека.

У Дэн Ши-хуа «вышитые цветами туфли поверх белых носков» [Третьяков, 1991, с. 18], потому что «босиком ходить нельзя, засмеют» [Третьяков, 1991, с. 18]. Так могут ходить только кули. Костюм выступает в качестве средства социальной и культурной идентификации: они не только «мазанные», то есть грязные, но и грубые. Мать Дэн Ши-Хуа перед тем, как умыть ему лицо, «застёгивает халатик шариками пуговиц» [Третьяков, 1991, с. 20]. Дэн Ши-Хуа с детства носил халат с длинными рукавами. Он родился в семье китайских интеллектуалов, во времена Китайской Республики дети из рабочих и крестьянских семей не имели возможности носить такой халат. Говоря об одеянии мамы героя и его самого, Третьяков использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами – у мамы «трубочки синих штанов», у Дэн Ши-хуа «халатик с шариками пуговиц». Китайский костюм видится писателю миниатюрным.

Мама Дэн Ши-хуа, делая причёску, смазывает волосы маслом, «пряди скручивает на затылке и серебряным лезвием шпилек, плоских, как ложка, скалывает эту котлету волос» [Третьяков, 1991, с. 20]. То же – в образе невесты-жены Дэн Ши-хуа: на свадьбе у неё «собранные в лепёшку волосы» [Третьяков, 1991, с. 192]. Третьяков использует гастрономическую метафору, создавая женский портрет: женщина погружена в хозяйство, в приготовление еды, и потому сама приобретает её черты.

Итак, в книге очерков «Чжунго» и романе «Дэн Ши-хуа» С. М. Третьяков осмысляет особенности национальных костюмов, в которые одет ряд китайских социальных типов. Писателя интересует не костюм сам по себе, но отражённое в нём китайское мировоззрение, пропущенное через сознание русского, человека европейской и революционной культуры. (В случае с романом «Дэн Ши-хуа» писатель использует двойную оптику – русский и китаец, но оба наблюдателя мыслят скорее одинаково.)

Несмотря на то, что книги имеют разные жанровые определения, их стили в целом схожи – это художественная публицистика, и между ними существует множество мотивных перекличек, в том числе в части создания писателем образов китайских костюмов. Поэтому их можно рассматривать как культурологическую диалогию.

На основе анализа всех образов китайского костюма, появляющихся в обоих названных текстах, можно сделать следующие выводы.

Третьяков, описывая сложные или нетипичные элементы китайской одежды, использует сравнения и образы, понятные русскому читателю, либо отсылающие к русской бытовой сфере, либо к культуре, близкой к великоросской. Одновременно эти сравнения и образы позволяют ему обрисовать характер конкретных персонажей книги.

Костюмы всех представителей разнородного китайского общества (даже маргинальных) характеризует сдержанность. Эта сдержанность может доходить до болезненного неудобства. Но она – основа китайского семейно-родового мировоззрения, ограничивающего индивидуальную свободу, блокирующего беспорядок. На фоне европейского костюма и причёски китайский национальный костюм оказывается несвободным, и это влияет не только на телесные ощущения, но и на социально-политическую реальность.

Один из частых образов, характеризующих китайскую причёску, костюм, это образ чего-то лоснящегося. Он символизирует собой «жирное», косное, мещанское. О косности, по мнению писателя, свидетельствует и чрезмерный традиционализм китайского костюма, сохраняющий в том числе то, что уже ушло в прошлое.

Воспроизводя образ женского костюма, Третьяков использует зооморфные сравнения или сопоставляет элементы одежды или причёски с какими-либо грубыми предметами или с едой, указывая тем самым на умалённую индивидуальность, дегуманизацию женщины в Китае 1920-х годов. Порой цвет костюма как бы растворяет того человека, который его носит. Это касается монахов, женщин-невест. Костюмы бедняков сливаются с природной средой.

Красота женского китайского костюма определяется эстетикой специфического прекрасного, которое вырастает из деформации (бинтование ног у девочек). Эта

деформация, в свою очередь, рождается из заложенного в китайской культуре стремления к миниатюрности, что также, вероятно, обусловлено необходимостью психологического и физического умаления.

Литература

- Давыдова В. В. (2000). Костюм в пространстве культуры. Серия «Symposium». Виртуальное пространство культуры, 3. Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 191–195.
- Кирсанова Р. М. (1989). Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М.: Книга.
- Манкевич И. А. (2008). Костюмные тексты в произведениях А. С. Пушкина в культурологическом прочтении. Вестн. Том. гос. ун-та, 310, 31–37.
- Селеменова М. В. (2008). Поэтика повседневности в городской прозе Ю. В. Трифонова. Известия Уральского государственного университета, Серия 2: Гуманитарные науки, 59(1), 195–208.
- Третьяков С. Н. (1930а). Дэн Ши-хуа: Био-интервью. М.: Молодая гвардия.
- Третьяков С. Н. (1991). Дэн Ши-хуа: Био-интервью. Страна-перекрёсток. М.: Советский писатель, 5–306.
- Третьяков С. Н. (1930b). Чжунго: очерки о Китае. 2-е доп. изд. М.: Гос. изд-во; Ленинград: ГИЗ.
- Nu Baogo (2006). Ju yuan de mu-ji zhi sheng [The sound of clogs in different eras]. Qingnian bo lan [Youth Exhibition] (纽保国. 久远的木屐之声. 青年博览).
- Zhang Ning (2011). San tsung jin lian guan yu zhongguo ning ren chang zu jian nan wen xue [About the bandaging of the legs of Chinese women according to the principle of «golden lotus in three cuny»]. Jian nan wen xue [Jiannan Literature] (张宁. 关于中国女人缠足之三寸金莲. 剑南文学).

References

- Davydova V. V. (2000). Kostyum v prostranstve kul'tury [Costume in the space of culture]. The "Symposium" series. Virtual space of culture, 3. Proceedings of the scientific conference April 11–13, 2000. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 191–195.
- Kirsanova R. M. (1989). Rozovaya ksandrejka i dradedamovyj platok. Kostyum – veshch' i obraz v russkoj literature XIX v. [Pink xandreika and a draped shawl. Costume as a thing and image in Russian literature of the XIX century]. Moscow.
- Mankevich I. A. (2008). Kostyumnye teksty v proizvedeniyah A. S. Pushkina v kul'turologicheskom prochtenii [Costume texts in the works of A. S. Pushkin in a culturological reading]. Bulletin of the Tomsk State University, 310, 31–37.
- Selemeneva M. V. (2008). Poetika povsednevnosti v gorodskoj proze Yu. V. Trifonov [Poetics of everyday life in urban prose Yu. V. Trifonov]. Proceedings of the Ural State University, 59(1), 195–208.
- Tretyakov S. N. (1930a). Den Shi-hua: Bio-interv'yuy [Deng Shi-hua: Bio-interview]. Moscow.
- Tretyakov S. N. (1991). Den Shi-hua: Bio-interv'yuy [Deng Shi-hua: Bio-interview]. In: Tretyakov S. N. Strana-perekryostok. Moscow, 5–306.
- Tretyakov S. N. (1930b). Chzhungo: ocherki o Kitae [Zhongguo: essays on China]. Moscow, Leningrad.
- Nu Baogo (2006). Ju yuan de mu-ji zhi sheng [The sound of clogs in different eras]. Qingnian bo lan [Youth Exhibition] (纽保国. 久远的木屐之声. 青年博览).
- Zhang Ning (2011). San tsung jin lian guan yu zhongguo ning ren chang zu jian nan wen xue [About the bandaging of the legs of Chinese women according to the principle of «golden lotus in three cuny»]. Jian nan wen xue [Jiannan Literature] (张宁. 关于中国女人缠足之三寸金莲. 剑南文学).

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторах

Леонид Викторович Дубаков – кандидат филологических наук, доцент, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР, филологический факультет; ORCID: 0000-0003-1172-7435; dubakov_leonid@mail.ru

Чжан Вэйнин – магистрантка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР, филологический факультет; ORCID: 0009-0004-7041-1080; lilyzhang@yandex.ru

L. V. Dubakov, Zhang Weining

THE POETICS AND FUNCTIONS OF THE CHINESE NATIONAL COSTUME IN THE
WORKS OF S. M. TRETYAKOV

Abstract. The article analyzes the specifics of S. M. Tretyakov's creation of images of Chinese national costumes in arts journalistic works, written by him at the turn of the 1920s – 1930s. The relevance of the work determines the interest of modern literary criticism in the study of cultural intersections between Russia and China reflected in literature. The novelty of the work is due to the first attempt to analyze the peculiarities of the perception of Chinese culture (in this case, in terms of its everyday component) by the writer Tretyakov, who took a revolutionary position. The costume text of the cultural diology “Zhongguo” and “Deng Shi-hua” is distinguished by the author's desire to identify the authentic, deep features of Chinese culture and Chinese worldview. His attention is focused on the general Chinese cultural intentions, which he fixes and rejects as excessive and outdated – on traditionalism, on restraint, on the miniaturization of the costume and on the depersonalization of a person. The basis for creating the image of a costume by Tretyakov is a comparison and a metaphor. These tropes differ in his attitude to “decline”: the writer uses zoomorphic, gastronomic, objectifying comparisons, thereby pointing to the diminution of man in Chinese culture of the past and present against the background of the ongoing revolutionary changes.

Keywords: costume, portrait, zoomorphic and gastronomic comparisons, cultural traditionalism, moderation of behavior, miniaturization of form

For citation: Dubakov L. V., Zhang Weining. (2023). The poetics and functions of the Chinese national costume in the works of S. M. Tretyakov. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 512–519. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).512-519

Л. А. Иванова

ПАРОДИЯ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПОИСКОВ БЕНДЖАМИНА ДИЗРАЭЛИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию опыта пародийного осмысления художественных открытий Бенджамина Дизраэли (1804–1881), выдающегося британского государственного деятеля и талантливого писателя, одного из основоположников жанра социально-политического романа в мировой литературе. В контексте интенсивного изучения политической деятельности и творческого наследия Дизраэли особый интерес представляет пародийная интерпретация художественной реальности его романов в творчестве американского писателя Фрэнсиса Брета Гарта (1836–1902). Исследуется критический и познавательный потенциал пародии Брета Гарта «Лото» из цикла «Романы в сжатом изложении». Основными методами настоящего исследования являются культурно-исторический, сравнительно-исторический, метод интертекстуального анализа, метод рецептивной эстетики, биографический комментарий.

Ключевые слова: пародия, Бенджамин Дизраэли, социально-политический роман, комический образ

Для цитирования: Иванова Л. А. Пародия как способ осмысления творческих поисков Бенджамина Дизраэли // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 520–526. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).520-526

Научная мысль обращается к изучению неисчерпаемого интеллектуального и творческого потенциала наследия Дизраэли в стремлении более глубокого проникновения в суть политических и исторических процессов современности, это фундаментальные работы [Блейк, 1967; Браун, 1981; Винсент 1990]. Исследователи Е. В. Ермакова, С. Н. Зенкин видят в Дизраэли писателя-новатора, первооткрывателя новых жанровых модификаций английского романа [Ермакова, 2016; Зенкин, 2018]. Весьма неоднозначный подход к оценке романов Дизраэли и их явная недостаточная изученность обусловили тематику исследований [Ажель, 2019; Матвеевко, Хрулева, 2019], связанных с особенностями восприятия художественного мира писателя. Особый интерес исследователей вызывают возможности пародийной поэтики как способа освоения новаторского художественного опыта под специфическим пародийным углом зрения. Исследовательский потенциал данной тематики, реализуется в работах [Stone, 2017; Рейтблат, Уланов, 2019; Федотова, 2019].

Особый интерес с точки зрения рецептивной эстетики и актуальной проблематики диалога культур и литератур представляет уникальный художественный опыт выдающегося американского писателя и журналиста Фрэнсиса Брета Гарта (1836–1902). Детство и юность писателя связаны с городком Олбэни, штат Нью-Йорк. Когда ему исполнилось семнадцать лет, он покинул родной город и отправился в Калифорнию, как и многие американцы из Восточных штатов в надежде разбогатеть и добиться успеха. Успех действительно пришёл, но не сразу, молодому человеку пришлось пробовать себя в самых разнообразных занятиях. Ему довелось работать школьным учителем, рудокопом на золотых приисках, аптекарем, почтальоном. А успех поджидал будущего талантливого писателя в сфере профессиональной журналистики. Его становление как журналиста связано с сотрудничеством с такими периодическими изданиями как «Голден Эра», «Калифорниен», «Оверленд Мансли». Кстати, именно журнал «Калифорниен» стал

настоящим центром притяжения молодых талантливых писателей, среди которых был и начинающий автор Марк Твен. Первый большой профессиональный успех приходит к Брету Гарту в 1868 году – назначение на должность главного редактора журнала «Оверленд Мансли». Не заставил себя ждать и успех на литературном поприще. Читающая публика оценила стихи, легенды и, конечно, знаменитый пародийный цикл «Романы в сжатом изложении» (1865).

Используя критический и творческий потенциал пародийного жанра, детально анализируя художественные явления в процессе литературного развития, Брет Гарт комически интерпретирует творческую манеру своего знаменитого современника Бенджамина Дизраэли в одной из пародий сборника пародийных новелл «Романы в сжатом изложении». Этот сборник стал своеобразным прологом сенсационного литературного успеха рассказов «калифорнийского» цикла. Исследование пародий Брета Гарта позволяет познакомиться с уникальной гранью его творчества и увидеть в зеркале пародии выдающиеся литературные произведения, в числе которых, без сомнения, романы Бенджамина Дизраэли, всестороннее изучение и осмысление которых ещё ждёт своего часа.

В фокусе исследования критический потенциал пародии и объективность идейно-эмоциональной оценки художественного своеобразия пародии Брета Гарта «Лото» из цикла «Романы в сжатом изложении». Особую ценность имеет, на наш взгляд, возможность сопоставить в ретроспективном аспекте эстетическую оценку литературного наследия Дизраэли Бретом Гартом и выводы современных исследователей о месте и значении романов Дизраэли в литературном процессе, опираясь на накопленный исследовательский опыт в сфере изучения когнитивных и прагматических аспектов восприятия и интерпретации художественного текста с привлечением данных лингвистического стилистического анализа.

Название пародии «Лото, или Приключения молодого джентльмена в поисках религии» и прямое указание на автора «By Mr. Benjamins» не вызывают у читателя сомнений в том, что объект пародии – один из поздних романов Дизраэли «Лотар» (1870), посвященный проблемам нравственных и религиозных исканий, в этом произведении находят развитие традиции романа воспитания, элементы философского, дендистского романа, нравоописательного романа. Подтверждением тому служит вторая часть заглавия пародии. Крупное по объёму художественное произведение трансформируется в короткую новеллу. Контраст объёмов пародии и оригинала работает как своеобразная литота – приём художественного преуменьшения, что даёт своеобразное преимущество пародии перед оригиналом, высмеивая многословие при помощи краткости. Это один из излюбленных приёмов пародиста в цикле «Романы в сжатом изложении».

Будучи по природе своей элитарным жанром, пародия требует от своего читателя определённой подготовки и интеллектуальных усилий, чтобы разглядеть сюжетные линии и образы героев более ранних романов Дизраэли. Дальнейшее прочтение текста пародии отсылает искушённого читателя к таким программным произведениям Дизраэли, как «Вивиян Грей» (1827), «Генриетта Темпл» (1837), «Конингсби» (1844), «Сибилла» (1845), «Танкред» (1847). Такая масштабная с точки зрения объёма трансформация объекта пародии гармонично сочетается у Брета Гарта с самым пристальным вниманием к особенностям творческой манеры автора,

комический образ которой возникает благодаря тонкой игре с гиперболами. Единство трансформации и воспроизведения – один из ключевых законов жанра, определяющий пути и способы создания комического образа объекта.

На первом, буквальном плане пародийной новеллы перед читателями предстаёт современное Дизраэли общественное устройство. Особое внимание пародист уделяет изображению нации богатых, в мельчайших деталях описывает их несметные сокровища и обширные владения. Главный герой владеет несколькими десятками замков, вилл, охотничьих павильонов, городских домов, кстати, о некоторых своих владениях он даже никогда не слышал: «Lothaw was immensely rich. The possessor of seventeen castles, fifteen villas, nine shooting-boxes, and seven town houses, he had other estates of which he had not even heard» [Bret Harte, 1899, p. 180]. Далее сообщается: «His stables were near Oxford, and occupied more ground than the University» [Bret Harte, 1899, p. 182]. А жемчужное ожерелье для его возлюбленной должно быть толщиной в половину корабельного каната: «About half a cable's length» [Bret Harte, 1899, p. 185].

А вот богатые и знаменитые купаются в роскоши: «One dexterously applied golden knitting-needles to the fabrication of a purse of floss silk of the rarest texture, which none who knew the almost fabulous wealth of the Duke would believe was ever destined to hold in its silken meshes a less sum than £1,000,000; another adorned a slipper exclusively with seed pearls; a third emblazoned a page with rare pigments and the finest quality of gold leaf» [Bret Harte, 1899, p. 178].

В основе создания комического образа главного героя – травестийные гиперболы, создающие разительный контраст с бурлескными гиперболами, при помощи которых пародист рисует нацию богатых: «He managed to acquit himself creditably, and avoided drinking out of the finger-bowl by first secretly testing its contents with a spoon» [Bret Harte, 1899, p. 181]. Такие бесцеремонные манеры героя напрямую отсылают читателя к роману «Вивиян Грей». По единодушному мнению, исследователей именно под его влиянием создавался «Портрет Дориана Грея» Оскара Уальда (1890). Красноречиво подтверждают это предположение и рассуждения Лото о природе полигамии: «I certainly think that polygamy should be limited by isothermal lines» [Bret Harte, 1899, p. 181].

Толпа, состоящая из представителей рабочего класса, представляет в пародии нацию бедных: «A crowd, apparently of the working class. On the steps of the baronial halls, were ranged his retainers, led by the chief cook and bottle-washer, and head crumb-remover. On either side were two companies of laundry-maids, preceded by the chief crimper and fluter, supporting a long Ancestral Line, on which depended the family linen, and under which the youthful lord of the manor passed into the halls of his fathers. Twenty-four scullions carried the massive gold and silver plate of the family on their shoulders and deposited it at the feet of their master» [Bret Harte, 1899, p. 184]. Господин же готов позаботиться о представителях нации бедных: «When I come into my property I should like to build some improved dwellings for the poor» [Bret Harte, 1899, p. 180].

В результате гармоничного взаимодействия бурлескных и травестийных гипербол пародия конструирует комический образ эстетической системы Дизраэли, акцентируя внимание читателя на критическом, обличительном начале и на

романтически-утопических представлениях о существующем общественном устройстве. Опираясь на критический и творческий потенциал пародийной поэтики, Брету Гарту удалось определить основополагающие доминанты художественного мира романного творчества Дизраэли в концептуально-идеологическом плане, рассмотреть наследие писателя как идейно-художественное целое в литературном контексте, и наметить перспективы дальнейшего осмысления поэтических особенностей творческого наследия писателя.

Анализируя опыт изучения пародий данного цикла, необходимо отметить основные особенности, объединяющие пародийные новеллы в единое целое. Во-первых, объекты пародий цикла «Романы в сжатом изложении» – это крупные жанровые формы. Об этом однозначно говорится в названии. Примечательно, что это не одно конкретное произведение пародируемого писателя. Брету Гарту удаётся конструировать комический образ эстетической системы каждого пародируемого автора, воспроизводя художественные особенности целого ряда его произведений. Так, например, объектом пародии «Мэк-а-Мэк» является знаменитая пенталогия Купера о легендарном Кожаном Чулке, «Духовидец» – пародирует «Рождественские повести» Диккенса, «Мичман Бризи» – пародия на серию морских романов Ф. Марриета, «Селина Сидилия» – на английский готический роман, «Мисс Микс» – на творчество сестер Бронте. Объектами пародий выступают романы «сенсационного» направления, роман воспитания, фешенебельный роман, нравоучительные повести, английский политический роман.

С одной стороны, пародия демонстрирует способность вступать во взаимодействие с широким спектром литературных явлений, с другой стороны, собственно жанр пародии предпочитает лаконичные, ёмкие формы. Присущие пародии острота и краткость позволяют реализовать определённое преимущество перед объектом. История литературы не знает удачных примеров крупных пародийных жанровых форм. Другое дело, что пародирование может выступать как один из ведущих мотивов в художественных произведениях. Это и «Дон Кихот» Сервантеса, «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена, пародийные мотивы в произведениях немецких романтиков, например, «Удивительная история Петера Шлемиля» Адельберта фон Шамиссо, «Крошка Цахес», «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана.

Важной особенностью пародий цикла «Романы в сжатом изложении» является их близость к объектам пародирования. Брет Гарт зачастую прямо указывает на пародируемых авторов и названия пародируемых произведений, воспроизводит сюжетные линии, мотивы и фрагменты, имена героев. Так, например, пародия на роман Виктора Гюго «Отверженные» называется «Фантина», а подзаголовок не оставляет сомнений в фигуре пародируемого автора «По Виктору Гюго», пародия на роман Дюма «Три мушкетёра» называется «Девяносто девять гвардейцев», подзаголовок гласит «Сочинение Александра Дюма». А главных героев пародии зовут Д'Артаньян, Арамис, Портос.

Объединяющим началом пародий данного цикла является характер направленности, идейно-эмоциональной оценки пародируемых произведений. Изначально присущее жанру пародии критическое отношение к оригиналу гармонично сочетается со стремлением Брета Гарта в гиперболизированном виде

изобразить и новаторские, сильные стороны художественного мира пародируемых авторов. Пародист ни в коем случае не сомневается в эстетической ценности оригиналов, не ставит задачу оскорбить, дискредитировать автора. Критический потенциал пародии используется для исследования ярких, самобытных художественных произведений, а сам пародист выступает не только в роли критика, но и блестящего аналитика и историка, предлагающего особый пародийный взгляд на развитие литературного процесса.

Продолжается интенсивное изучение романного наследия Бенджамина Дизраэли во всей его неординарности и многоплановости. Не может не удивлять поразительная прозорливость Брета Гарта-пародиста в выборе объектов для своих пародий не среди эпигонских, откровенно слабых результатов литературных опытов, каковых достаточно создаётся во все времена и вряд ли заслуживающих особого внимания со стороны критиков и пародистов, а среди ярких, знаковых, лучших образцов художественного творчества, созданных на переломных этапах процесса литературного развития, воплотивших лучшие традиции предшествующих эпох и направлений и смелые, новаторские художественные открытия. Диалектика рождения новых направлений и школ как в зеркале отразилась в пародиях Брета Гарта, а его оценки пародируемых произведений подтвердились дальнейшим развитием истории литературы и удивительным образом предопределили актуальность современных исследований. Это касается, разумеется, и популярности выбранных для пародирования произведений и авторов у читателей, интерес и любовь которых к героям, сюжетам сохраняется уже у многих поколений. Многие из этих произведений стали классикой, шедеврами мировой литературы, некоторые нашли продолжение в новых видах искусства, в частности, в кино и на телевидении. Безусловными рекордсменами в этом смысле, конечно, являются романы Дюма, сестёр Бронте, Коллинза, кинематографические и телевизионные версии которых насчитывают уже не один десяток вариантов.

Литература

- Ажель Ю. П. (2019). Основные этапы восприятия творчества Бенджамина Дизраэли в России 1840–1915 гг.: к постановке вопроса. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 11, 3, 86–95. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-86-95
- Ермакова Е. В. (2016). *Художественный мир романов Бенджамина Дизраэли*. Пермь: Изд. центр Перм. гос. нац. исслед. ун-та.
- Зенкин С. Н. (2018). Образ без подобия (Рецептивная структура «Портрета Дориана Грея») [Электронный ресурс]. *Новое литературное обозрение*, 6. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/154_nlo_6_2018/article/20421/?sphrase_id=183147/ (Дата обращения: 29.04.23).
- Матвеев И. А., Хрулева О. С. (2019). Восприятие творчества Б. Дизраэли журналом «Отечественные записки» в 1840–70-е гг. в контексте еврейского вопроса в России. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 33, 91–98. DOI: 10.17223/22220836/33/7
- Рейтблат А., Уланов А. (2019). Как был сделан символизм [Электронный ресурс]. *Новое литературное обозрение*, 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21565/ (Дата обращения: 29.04.23).
- Федотова С. В. (2019). Стихия пародии в литературной критике К. И. Чуковского (казус Л. Андреева). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 58, 244–262. DOI: 10.17223/19986645/58/14

- Blake R. (1967). *Disraeli*. St. Martin's Press. N. Y.: Fourth Printing.
- Braun T. (1981). *Disraeli the Novelist*. London: Routledge.
- Bret Harte F. (1899). *The Writings of Bret Harte: The Luck of Roaring Camp and other tales*: Vol. 1: Condensed Novels. Boston, New York: Houghton Mifflin, 77–232.
- Stone J. (2017). *The Institutions of Russian Modernism. Conceptualizing, Publishing and Reading Symbolism*. Evanston: Northwestern University Press.
- Vincent J. (1990). *Disraeli*. Oxford: Oxford University Press.

References

- Azhel Yu. P. (2019). Osnovnye etapy vospriyatiya tvorchestva Bendzhamina Dizraeli v Rossii 1840–1915 gg.: k postanovke voprosa [Main Periods in the Reception of Benjamin Disraeli's Fiction in Russia, 1840–1915: Problem Statement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 11, 3, 86–95. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-86-95
- Blake R. (1967). *Disraeli*. St. Martin's Press. N. Y.: Fourth Printing.
- Braun T. (1981). *Disraeli the Novelist*. London: Routledge.
- Bret Harte F. (1899). *The Writings of Bret Harte: The Luck of Roaring Camp and other tales*: Vol. 1: Condensed Novels. Boston, New York: Houghton Mifflin, 77–232.
- Ermakova E. V. (2016). *Khudozhestvennyy mir romanov Bendzhamina Dizraeli*: Monografiya [The artistic world of the novels by Benjamin Disraeli: Monograph]. Perm.
- Fedotova S. V. (2019). Stichiya parodii v literaturnoy kritike [Parody in the Literary Criticism of Chukovsky (The Case of Leonid Andreyev)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 58, 244–262. DOI: 10.17223/19986645/58/1
- Matveenko I. A., Khruleva O. S. (2019). Vospriyatie tvorchestva B. Dizraeli zhurnalom "Otechestvennye zapiski" v 1840–70-e gg. v kontekste evreyskogo voprosa v Rossii [Reception of Disraeli novels on the pages of "Otechestvennye zapiski" in 1840–1870 in the context of Jewish issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i isskustvovedenie*, 33, 91–98. DOI: 10.17223/22220836/33/7
- Rejtlat A., Ulanov A. (2019). Kak byl sdelan simvolizm [How symbolism was made]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21565/ (Accessed: 29.04.23).
- Stone J. (2017). *The Institutions of Russian Modernism. Conceptualizing, Publishing and Reading Symbolism*. Evanston: Northwestern University Press.
- Vincent J. (1990). *Disraeli*. Oxford: Oxford University Press.
- Zenkin S. N. (2018). Obras bes podobiya (Retseptivnaya struktura "Portreta Dorian Greya") [An Image Without a Likeness (The Receptive Structure of Oscar Wilde's The Picture of Dorian Gray)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/154_nlo_6_2018/article/20421/?sphrase_id=183147/ (Accessed: 29.04.23).

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Любовь Александровна Иванова – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Гуманитарный институт; ORCID: 0000-0001-8407-6536; Lyubov.Ivanova@novsu.ru

L. A. Ivanova

PARODY AS A WAY OF COMPREHENSION OF BENJAMIN DISRAELI'S CREATIVE SEARCH

Abstract. The article is devoted to the study of the experience of parodic comprehension of the artistic discoveries of Benjamin Disraeli (1804–1881), an outstanding British statesman and talented writer, one of the founders of the socio-political novel genre in world literature. In the context of intensive study of the political activity and creative heritage of Disraeli, the parodic interpretation of the artistic reality of his novels in the work of the American writer Francis Bret Harte (1836–1902) is of particular interest. The critical and cognitive potential of Bret Harte's parody "Lothaw" from the series "Condensed Novels" is explored. The main methods of this research are cultural-historical, comparative-historical and intertextual analysis methods, as well as a receptive aesthetics method and biographical commentary.

Keywords: parody, Benjamin Disraeli, socio-political novel, comic image

For citation: Ivanova L. A. (2023). Parody as a way of comprehension of Benjamin Disraeli's creative search. *Memoirs of NovSU*, 2023, 5(50), 520–526. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).520-526

В. Д. Калинина, В. В. Шадурский

НОВГОРОДСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ 1941–1945 ГГ.)

Аннотация. Представляется характеристика сюжетов, связанных с раскрытием образа Новгорода в произведениях, которые опубликованы в газетах периода 1941–1945 гг. Рассматриваются лирические и эпические тексты, напечатанные в газетах, распространявшихся на территории современной Новгородской области. Обращается внимание на различные локусы новгородской земли и сюжеты, обусловленные необходимостью победить фашистских завоевателей. Исследуется образ Новгорода, который создается в очерках, рассказах и стихах после его освобождения от фашистов в 1944 г. Впервые осуществляется анализ и интерпретация произведений разных жанров, написанных профессиональными журналистами, офицерами, солдатами, связанными с событиями Великой Отечественной войны на территории современной Новгородской области, а также жителями Новгородчины. Анализ произведений 1941–1945 гг. открывает новые возможности для развития новгородики и понимания специфики литературных произведений, созданных в условиях войны и с учетом требований социалистического реализма.

Ключевые слова: Новгородика, Великая Отечественная война, рассказ, очерк, газета, социалистический реализм

Для цитирования: Калинина В. Д., Шадурский В. В. Новгородские сюжеты и образы в произведениях времени Великой Отечественной войны (по материалам газет 1941–1945 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 527–534. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).527-534

При анализе газет, издававшихся или распространявшихся в период Великой Отечественной войны на территории современной Новгородской области, обнаруживаются различные особенности, которые позволяют говорить о специфике применения «новгородского» материала. Большая часть Новгородчины, а это территории 18 районов, полностью или частично были захвачены фашистами в 1941 г. В советских центральных газетах освобождению этих территорий от немецких завоевателей уделялось особое внимание. Во-первых, в них могли быть упоминания городов и деревень, где осуществлялась партизанская борьба и работали подпольные организации. Во-вторых, уже с 1944 г. в новостных сообщениях новгородские топонимы упоминались как освобождаемые населенные пункты. Но особое значение приобрело звучание этих городов и деревень в местных изданиях, в таких газетах, как «Звезда», «Шимская правда», «Новгородская правда», где, наряду с новостной информацией и фактографичными очерками, публиковались тексты, в которых проявлялась художественность. Именно в них возникают образы страдающего народа, образы воинов-освободителей, партизан, разрушенного и освобожденного города. В этих газетах печатаются очерки с художественными элементами рассказа, а также повествовательные стихи.

Среди заметок, передающих информацию о жизни новгородцев в условиях войны, стоит обратить внимание на текст «Примеры высокой сознательности», который опубликован в газете «Солецкий ударник» летом 1941 г. – еще до прихода фашистов. Статья вышла в рубрике с девизом «Женщины! Заменяйте на работе ушедших на фронт». «Новгородская» тема здесь представлена фактическим материалом и по условиям оперативно-новостного жанра не может содержать художественности: сообщается о стахановской работе, начатой женщинами и

пожилыми колхозниками Новгородчины в отсутствии мужчин, отправившихся на фронт [Курышев, 1941]. В газете Уторгошского РК ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся «Сталинский путь» опять-таки приводятся только факты, новгородская специфика ограничивается перечислением разоренных деревень Уторгошского района, завершается новость агитационным призывом «помогать Красной Армии и партизанам уничтожать гитлеровских бандитов» [В.Г., 1942]. Указывать в заголовке-предложении суть информации было тенденцией времени; так, о страшных издевательствах фашистов в селе Чудовского района газета Карельского фронта сообщила под заглавием: «Зверства немцев в колхозе “Рогачи”» [Солдатов, 1942]. Обозначая место событий и приводя факты, газета военного времени играла роль документа, фиксирующего трагичные страницы жизни Новгородчины.

Вместе с тем на фоне этих публикаций выделяется очерк «Гнев земли», напечатанный в «Шимской правде» И. Полярным зимой 1943 г. Очевидно, что автор – талантливый журналист и, как явствует из других его материалов, хороший поэт, ему удалось соединить фактографичность очерка, форму репортажа с эмоциональностью лирического стихотворения. Повествование ведется от лица разведчика-партизана, который, проходя по окрестным деревням, почувствовал эмоции подавленного немецким сапогом народа и передал растущую ненависть. Олицетворения, сравнения, пронзительные в своей скорбности, создают художественный образ замерзшей и потому приглушенной жизни: «застыла», «как будто льдом скованы», «сбросят с себя ледяное бремя, как река сбрасывает лед» [Полярный, 1943]. Кроме глаголов, передающих звуки униженных крестьян («вздохнет», «всплакнет», «зарыдает»), применяются олицетворения: души «стонут», земля «стонет». Эпитеты «шумные», «веселые», характеризующие довоенные села Шимского района, контрастируют с эпитетом, изображающим исчезновение звука: «глухо» стало в деревне. Несмотря на ощущение трагедии и кажущегося бессилия, данный очерк вселяет веру в возможности поработанного человека. Ненависть оскорбляемого народа породит гнев, и, как река в «половодье», вырываясь, сбрасывает с себя оковы, так и униженные крестьяне смогут распрямиться и встать во весь рост.

В рассказе «Правда о немецкой каторге», опубликованном в виде истории угнанного в рабство и чудесным образом освобожденного крестьянина Демянского района М. Е. Ковалева, переданы факты насильственного перемещения новгородцев в г. Бранденбург, жизни в лагере и работы на немецком заводе. Повествование создает собирательный образ русского народа, страдающего от голода, унижений и избиений, ежедневно умирающего в лагере. Ковалеву повезло: после месяца каторжной работы его («точно самую последнюю скотину, замученную работой с утра до ночи» [Ковалев, 1943]), с отнявшимися ногами, не расстреляли, а выбросили из лагеря; за 2 месяца он смог добраться до фронта, где его «освободила родная Красная Армия» [Ковалев, 1943]). На примере судьбы одного новгородского крестьянина, пережившего ужас немецкого плена, раскрывается судьба всего народа, находящего силы не только для выживания, но и для победы над врагом.

Стихотворение «Новгород» автора Дмитрия Донского, опубликованное в 1944 г., когда немецкие войска уже отогнали далеко на запад, – это лирический текст с публицистическими элементами. Он написан в виде обещания, клятвы любимому,

«на раненого витязя похажему» [Донской, 1944] городу. Автор использует книжный стиль и пятистопный ямб для придания торжественности своему обещанию вновь сделать город «величавым», славным. Потерям, изображенным с помощью амплификации: «Нам не забыть руины, пепел, дым / И ужас <...>» [Донской, 1944], он противопоставляет будущую славу города: «И ты опять у волховской воды / Предстанешь гордый, величавый. <...>». Строители, участвующие в возрождении Новгорода, «несгибаемые сыны» – это люди времени, которое будет «овеяно доблестью и славой». По мысли поэта, Новгород воссоздающим его людям становится «еще родней, дороже», «еще милее». Безусловно, элементы проявленной художественности не могут претендовать на оригинальность, они более похожи на средства создания патетики, свойственной многим образцам социалистического реализма. И тем не менее указанные художественные средства создают пафосное настроение, воодушевляющее читателей.

В стихотворении «Этот день», опубликованном в январе 1945 г. В. Алексеевым, от собирательного «мы», голоса народа, передается ощущение скорой победы над врагом. Новгородских примет (кроме указания места жительства: пос. Батецкая) в этом тексте не обнаруживается. Интересно, что если в других текстах, изображающих оккупированную или разрушенную Новгородчину, преобладал мотив онемения, исчезновения звука как признака жизни, то здесь доминирующим становится мотив громкой радости: «Будет праздник звенеть кругом», «будет шумно» «за семейным большим столом», «Переливы баяны с песнями / Зазвенят <...>» [Алексеев, 1945]. Интересно, что автор демонстрирует литературную грамотность, развитие художественной мысли; наверное, потому его текст и оказался выбранным редакцией «Красного знамени». В нем строки 3/4 ударного дольника не только передают ощущение неотвратимой скорой победы («Это будет зимою, летом, – / Все равно этот день придет») [Алексеев, 1945], но и создают идиллическую, благостно-утешительную картину окончания войны, возвращения с фронтов бойцов в семьи («<...> пройдут девчата / Своих милых друзей встречать», «<...>У порога сосновой хаты / Встретит сына седая мать») [Алексеев, 1945]. А разнообразная ритмическая энергия стихотворения подчеркивается использованием разных клаузул: в первых трех строках это чередование женских и мужских, в последующих четырех – дактилических и мужских. Произведение вселяет веру читателя в красивую и счастливую жизнь, которая наступит после победы, пока же вся страна занята одним общим делом: «Мы в бою и труде сознательном / Приближаем победы час» [Алексеев, 1945]. Патетический тон стихотворения, очевидно, должен вызывать воодушевление граждан и приближать эту счастливую, «отвоеванную в бою» жизнь.

Наверное, одним из самых необычных по композиции, сюжету и образам является очерк, опубликованный под заглавием «Танкисты» [Киселев, 1945а]. Он состоит из нескольких картин-эпизодов. Первая – это репортаж корреспондента из блиндажа танкистов, предчувствующих свое участие в завтрашней атаке на немцев, находящихся в Новгороде. Один из них, механик Сиволобов, рассказывает о своем мотиве побывать в Новгороде. Далее следует вторая картина, представляющая историю отступления из Новгорода летом 1941 г. и объясняющая наличие у механика открытки с изображением Кремля и Софийского собора. Третий эпизод – это выполнение приказа по наступлению на Новгород, то есть знаменитый танковый

прорыв в январе 1944 г., по форме эта сцена – репортаж с места событий, в которых принял участие танк Сиволобова. Четвертый эпизод представляет собой описание только что отвоеванного города и необычного жеста танкиста: написание на подобранной в 1941 г. открытке слов: «Вечно здравствуй, господин Великий Новгород. 20 января 1944 года» [Киселев, 1945а]. Наконец, пятый эпизод переключает внимание читателя на более позднее время, когда, наверное, прошел уже год войны: новая встреча корреспондента и Сиволобова состоялась где-то на далеких рубежах фронта, ушедшего далеко на запад, в доме с видом на «объятые зимним сном» деревья; танкист с радостью узнает, что Новгород оживает, и передает фронтовой привет новгородцам. Композиционная раздробленность в очерке – довольно редкий тип строения текста, переводящий его в разряд художественного произведения, то есть рассказа. Художественность ему придают и средства языковой выразительности: сравнения («словно в металлической коробке машины», «словно жениху перед свадьбой», «словно кислотой облили»), метафоры («нежная голубизна неба», «золотое убранство», «кутаясь в дым пожарищ»), эпитеты («крошечный») [Киселев, 1945а]. Интересно, что сравнительные обороты используются в основном в речи танкистов, а метафоры и эпитеты – в речи повествователя-военного корреспондента. В одном из эпизодов во время изображения боя рассказчик словно проникает в сознание командира танка Азмурзаева и передает его наблюдение, заметившего сквозь люк кусочек ясного неба: «Синее-то какое, как на Васиной открытке» [Киселев, 1945а]. Таким образом, вид открытки Сиволобова превратился в деталь новгородского пейзажа, ранее увиденного на открытке. Очевидно, что читать такой продолжительный и разбитый на сцены рассказ нужно было долго, внимательно. Читатель должен был бы ощутить торжественность победоносного события, радость от успеха выполненной операции и от общения с романтическим танкистом-освободителем Новгорода. Указанные черты поэтики жанра рассказа опять-таки не могут быть признаны оригинальными, задача художественных приемов не в том, чтобы представить рассказ в новой жанровой форме, проявить уникальность автора, напротив: их значение вполне утилитарное: выразить патетическое содержание, а своеобразное многословие автора и усложненность текста могут быть объяснены и тем обстоятельством, что уже появлялось время на чтение, когда участь войны была решена.

Интересно увидеть определенную тенденцию в публикациях произведений разных жанров причем как в центральных, так и в местных изданиях: зимой 1945 г. в стихах, очерках и рассказах появляются сюжеты о скором окончании войны и устроении мирной жизни, моделируются даже ситуации извещения соотечественников о победе. Так, в февральском номере новгородской газеты «Звезда» публикуется очерк с несколько пафосным заголовком «В честь победы» [Филипенко, 1945]. Сюжет этого очерка на первый взгляд прост: трактористы, узнав о завершении войны и победе над фашистами, дали новые трудовые обязательства по перевыполнению установленной нормы выработки. Однако фантастичность этой ситуации состоит в том, что текст о победе создается, когда до самой победы еще 3 месяца. А это значит, что опубликованное произведение, по форме своей являющееся очерком из жизни советских трактористов, по сути оказывается вымышленным рассказом, и если бы не элемент вымысла, то и художественности такого текста было бы говорить проблематично.

Одним из оригинальных стихотворений, встреченных нами во время исследования различных газет военного времени, можно назвать текст «Девушке-пилоту», напечатанный в «Новгородской правде» 8 Марта 1945 г. Как и во многих стихах этого периода истории, в начале текста патетически звучит собирательный голос советского народа: «Мы полны / Решимости и силы / Ознаменовать победой этот год» [Киселев, 1945b]. Событийность этого повествовательного стихотворения связана с изображением встречи автора-повествователя, за которым угадывается военный корреспондент, с со знакомой ему девушкой. Она родом из Новгородского края, когда-то работала дояркой, видимо, тогда с ней и познакомился поэт. Но с девушкой произошла неожиданная перемена: она стала летчицей, получила орден «за свои отважные дела», и теперь автор ее видит перед важным боевым полетом «на птице краснокрылой». Очевидно, что это стихотворение может быть чистым вымыслом, и написано оно членом редакции «Новгородской правды» Николаем Киселевым заранее для празднования Международного женского дня. Кажется, что оно совершенно заказное, написанное по канонам соцреализма, но в этом произведении создается полноценный художественный образ девушки-летчицы, мстительницы, летящей бомбить Берлин. Автор изображает события простым, но мелодичным стихом: пятистопным хореем, разбросанным лесенкой по нескольким строкам; за счет ритмических пауз в конце строк создаются дополнительные ритмические нюансы, позволяющие это стихотворение легче декламировать и легче воспринимать, одним словом, – Николай Киселев, заботясь о торжественном настроении потенциальных читателей, тщательно поработал над приданием своему тексту праздничного характера. Так патетика и художественность, с одной стороны, являя собой черты социалистического реализма, определенные для художественных произведений советской литературы того времени. С другой стороны, органично объединяясь, эти черты благодаря художественному таланту и литературной образованности автора помогают достигать естественности в изложении содержания стихов, в возвышении способностей молодой советской женщины.

В другой новгородской газете в эту же дату опубликовано стихотворение «Письмо милой» автора И. Дмитриева, который, вероятно, был родом с Новгородчины; письмо, как явствует из подписи, доставлено военно-полевой почтой [Дмитриев, 1945]. Оно написано в жанре послания: солдат с фронта передает привет своей любимой, обещает вернуться. Интересно, что стихотворение, построенное в виде 7 четверостиший, обладает ритмом трехстопного анапеста, но некоторые строчки написаны с перебивом: стопа анапеста сокращается до стопы ямба. Это как раз подтверждает факт непрофессионального, «народного» сочинительства, но стихи И. Дмитриева ценны своим воодушевлением, тем, что любовь к Отечеству в них сопрягается с любовью к женщине, и действия солдата на фронте становятся вдвойне ответственными: «И я все отдаю для победы – / За страну и за нашу любовь» [Дмитриев, 1945].

В заключение можно отметить следующее.

1. Очевидно, что о Новгородском крае в годы войны писали как искушенные, грамотные литераторы-журналисты (военные корреспонденты), так и выполняющие поставленные перед ними агитационные задачи политруки и даже простые солдаты. Отсюда и разное качество произведений, разные уровни их художественности. В

одной из статей мы отмечали, что сотрудники редакций, «смешивая разные жанры фольклора, литературы и журналистики, разные ритмы – разговорной речи и силлабо-тонического стиха» [Калинина, Шадурский, 2022, с. 205] «<...> достигали большего эмоционального эффекта для воодушевления советских воинов, партизан, гражданского населения <...>» [Калинина, Шадурский, 2022, с. 205]. В данной статье на примере текстов, связанных с освобождением Новгорода, это подтверждается еще раз.

2. По публикациям произведений в газетах 1941–1945 гг. видно, как эпические произведения приобретают черты разных жанров: очерк черпает дополнительные возможности строения композиции у репортажа. А очерк-репортаж с началом 1945 г. приобретает черты рассказа благодаря появлению художественности. По характеру изображаемых событий лирические произведения являются реалистическими, с преимущественными патетическим настроением, в них по общей традиции военной поэзии выражается ненависть к врагу и любовь к родной новгородской земле. Авторы-новгородцы, будь то поэты с неустановленными нами именами или образованные члены редакций, военные корреспонденты, использовали для выражения своих эмоций классические, силлабо-тонические метры (ямб, хорей, анапест), лишь в исключительных случаях встречается дольник. Это наблюдение дает возможность понять, что «народная» поэзия в годы войны ассоциировалась именно с силлабо-тоническими размерами, с одной стороны, наличие силлабо-тонических стихов было признаком литературной образованности и некой художественности, с другой стороны, такие стихи помогали передавать сплоченность коллектива, единство эмоций, народный дух, что соответствовало канонам социалистического реализма.

3. В прозе и поэзии авторов, обращавшихся к новгородской истории, к событиям Великой Отечественной войны, создавались образы героев-освободителей Новгорода, образы Новгорода как символа государственности и неиссякаемого творчества. Литература военного времени не становится мифотворческой, но приближается к символизации, она устремляется к символизации персонажей, символизации исторических событий, символизации города.

Проведенный анализ произведений 1941–1945 гг. открывает новые возможности для развития новгородики и понимания специфики литературных произведений, созданных в условиях войны и с учетом требований социалистического реализма.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01762, <http://rscf.ru/project/23-28-01762/>

Литература

- Алексеев В. (1945). В этот день. *Красное знамя*, 1 янв., 1, 3.
В.Г. (1942). Гитлеровцы уничтожают наши деревни. *Сталинский путь*, 28 июня, 2.
Дмитриев И. (1945). Письмо милой. *Звезда*, 8 марта, 10(6643), 2.
Донской Д. (1944). Новгород. *Новгородская правда*, 19 авг., 3, 2.
Калинина В. Д. Шадурский В. В. (2022). Дети на войне: по публикациям в отечественной прессе 1941–1945 гг. *Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник научных трудов*, 11(17). Тверь, 198–206.
Киселев Н. (1945а). Танкисты. *Новгородская правда*, 20 янв., 8(49), 2.

- Киселев Н. (1945b) Девушке-пилоту. *Новгородская правда*, 8 марта, 29(70), 2.
- Ковалев М. (1943). Правда о немецкой каторге: Рассказ крестьянина деревни Добросли Демьянского района Ленинградской области Михаила Ефимовича Ковалева, вырвавшегося из фашистского плена. *За Советскую родину*, 29 апр., 3, 3.
- Курьшев И. (1941). Примеры высокой сознательности. *Солецкий ударник*, 28 июня, 150(2510), 2.
- Полярный И. (1943). Гнев земли. *Шимская правда*, 10 янв., 1, 2.
- Солдатов С. и другие (1942). Зверства немцев в колхозе «Рогачи». *В бой за родину*, 29 марта, 86(180), 2.
- Филипенко П. (1945). В честь победы. *Звезда*, 8 февр., 6(6639), 2.

References

- Alekseev V. (1945). V etot den'. [On this day]. *Krasnoe znamya*, 1, 3.
- Dmitriev I. (1945). Pis'mo miloy [A Letter to Dearest]. *Zvezda*, 10(6643), 2.
- Donskoy D. (1944). Novgorod [Novgorod]. *Novgorodskaya Pravda*, 3, 2.
- Filipenko P. (1945). V chest' pobedy [In honor of the victory]. *Zvezda*, 6(6639), 2.
- Kalinina V. D. Shadurskiy V. V. (2022). Deti na voyne: po publikatsiyam v otechestvennoy presse 1941–1945 gg. [Children at war: according to publications in the domestic press, 1941–1945]. *Rodnaya slovesnost' v sovremennoy kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik nauchnykh trudov*, 11(17). Tver', 198–206.
- Kiselev N. (1945a). Tankisty [Tankers]. *Novgorodskaya Pravda*, 8(49), 2.
- Kiselev N. (1945b). Devushke-pilotu [To the girl-pilot]. *Novgorodskaya Pravda*, 29(70), 2.
- Kovalev M. (1943). Pravda o nemetskoj katorge: Rasskaz krest'yanina derevni Dobrosli Demyanskogo rayona Leningradskoy oblasti Mikhaila Efimovicha Kovaleva, vyrvavshegosya iz fashistskogo plena. [The truth about German forced labor: The story of a peasant in the village of Dobrosli, Demyansky district, Leningrad region, Mikhail Efimovich Kovalev, who escaped from Nazi captivity]. *Za Sovetskuyu roдину*, 3, 3.
- Kuryshev I. (1941). Primery vysokoy soznatel'nosti [Examples of high consciousness]. *Soletskiy udarnik*, 150(2510), 2.
- Polyarnyy I. (1943). Gnev zemli [Anger of the Earth]. *Shimskaya Pravda*, 1, 2.
- Soldatov S. i drugie. (1942). Zverstva nemtsev v kolkhoze "Rogachi" [Atrocities of the Germans in the collective farm "Rogachi"]. *V boy za roдину*, 86(180), 2.
- V.G. (1942). Gitlerovtsy unichtozhayut nashi derevni [The Nazis are destroying our villages]. *Stalinskiy put'*, 28 June, 2.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторах

Вероника Дмитриевна Калинина – студент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0009-0001-6636-6326; veronika2001love@mail.ru

Владимир Вячеславович Шадурский – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ORCID: 0000-0002-0039-7824; shadvlad@mail.ru

V. D. Kalinina, V. V. Shadursky

NOVGOROD PLOTS AND IMAGES IN WORKS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (BY THE MATERIALS OF NEWSPAPERS OF 1941–1945)

Abstract. The article presents a description of the plots associated with the disclosure of the image of Novgorod in the works that were published in the newspapers of 1941–1945. Lyrical and epic texts published in newspapers distributed on the territory of the modern Novgorod region are considered. The attention is drawn to the various loci of the Novgorod land and plots, driven by the need to defeat the fascist conquerors. The image of Novgorod, which is created in essays, stories and poems after it was liberated from the Nazis in 1944, is studied. For the first time, the paper presents the analysis and interpretation of works of various genres written by professional journalists, officers and soldiers associated with the events of the Great Patriotic War on the territory of the modern Novgorod region, as well as residents of the Novgorod region. Analysis of the works of 1941–1945 opens up new opportunities for the development of Novgorod and understanding the specifics of literary works created in the conditions of war and taking into account the requirements of socialist realism.

Keywords: Novgorodica, Great Patriotic War, story, essay, newspaper, socialist realism

For citation: Kalinina V. D., Shadursky V. V. (2023). Novgorod plots and images in works of the Great Patriotic war (by the materials of newspapers of 1941–1945). *Memoirs of NovSU*, 5(50), 527–534. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).527-534

А. В. Марков

СПОР ОБ ОБРАЗЕ ОСТАПА БЕНДЕРА В СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Сатирические романы И. Ильфа и Е. Петрова разоблачали как недостатки текущей действительности, так и общий стиль старорежимной жизни, конструируя современность для того, чтобы сделать ее предметом более сложного сатирического обличения. Такая механика своевременного отбрасывания социального конструктивизма не всегда была прозрачна для советских критиков, что показал спор двух выдающихся ученых – В. Я. Проппа и Ю. Б. Борева. Пропп считал романы об Остапе Бендере неудачным примером комического, усматривая в них смешение жанров, немотивированные промежуточные развязки, растянутость и неправдоподобие. Доказывается, что Пропп во многом продолжал эстетику Владимира Соловьева, который в борьбе против позиций Льва Толстого сблизил комическое и гротескное. Боров, наоборот, понимает Остапа Бендера почти как персонажа Толстого, комического в своем неверном целеполагании, но не во внутренних свойствах. Два исследователя расходятся в понимании не сатиры, но юмора и его места в эстетической конструкции. Истолкование этого спора помогает уточнить соотношение текущего социального конструирования и привычного эстетического переживания в различных видах юмора.

Ключевые слова: сатира, юмор, советская культура, советская эстетика, Пропп, Боров

Для цитирования: Марков А. В. Спор об образе Остапа Бендера в советской теории литературы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 535–542. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).535-542

Советская сатира была двунаправлена – она бичевала недостатки текущего момента, чтобы непосредственно блокировать нежелательные действия, но также показывала невозможность старого быта в современности. Эта сатира поэтому одновременно активна и демонстративна: она и обличает бюрократа или спекулянта, и показывает, что того дореволюционного прошлого, где бюрократы и спекулянты чувствовали себя вольготно, уже быть не может. В этом смысле диалогия И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» идеально соответствует понятию советской сатиры: в этих книгах дается наиболее полный свод недостатков эпохи НЭПа, и одновременно есть галерея типажей из старого времени, которая показывает, что ни дворянства, ни духовенства, ни светской жизни в прежнем виде уже никогда не будет.

Настоящее, существующее в таком случае реконструируется для того, чтобы обернуться инструментом обличения уже настоящего, а не только прошлого. Как заметила М. О. Чудакова, «[с]тиль, создаваемый Ильфом и Петровым, весь ориентирован на уже существующее в литературе, хотя и осуществляется во многом путем пародирования неприемлемых литературных и вообще письменных форм» [Чудакова, 1979, с. 100]. Б. Брикер описал это единство активности и демонстративности как соединение сатирического и стилеобразующего векторов в самом юморе Ильфа и Петрова [Брикер, 1995, с. 11], причем следует заметить, что кибернетическое направление в структурализме открыло соседство этих векторов даже на микроуровне, внутри одной метафоры [Жолковский, Щеглов, 1973, с. 40]. Один из авторов этой книги, Ю. Щеглов, стал впоследствии авторитетным интерпретатором романов Ильфа и Петрова как сложной системы такого порождения одновременно обличаемого прошлого и обличаемого настоящего.

При этом если в «Двенадцати стульях» типажи «бывших» даны как галерея, и мы запоминаем рельефных Воробьянинова и отца Федора, то в «Золотом теленке» уже изображены разные способы соперничества за это «бывшее» наследие – чистое *стяжательство* Корейко, который пользуется прорехами в законах и информационных системах, и чистое *трикстерство* Бендера. Тем самым обличение делает демонстрацию невозможности прошлого еще более убедительной: прошлое не просто не возродится в своем институциональном контуре, но вполне разобрано на детали и встроенные в новый быт пережитки, и не может быть собрано обратно. Криминальная развязка первой книги дилогии и объяснялась такой реакцией *человека из прошлого* на постоянный разбор на детали всего, что с ним происходило, представление его самого как запасного, как утиля для замыслов Бендера – но в финале первой книги выясняется, что и сами богатства были переприсвоены советским культурным строительством.

Разумеется, как любой сложно организованный текст, дилогия Ильфа и Петрова может интерпретироваться по-разному: и как непосредственное публицистическое высказывание, и как в чем-то жизнестроительная программа нового общества, избавляющегося и от деталей прошлого, и от прежних конструктивистских и других попыток сборки этих деталей. Бендер в этом смысле оказывается сложной фигурой путешественника по мирам – он монтирует из темного прошлого и обличаемых недостатков настоящего некоторую выгодную ему конструкцию, которая потом оказывается сатирически отброшена уже благодаря авторской позиции.

Как раз эта двойственность, почти очевидная после пояснения, учитывающего сложное отношение авторов к авангардному монтажу (одна фигура Крайних-Взглядов, пародия на Дзигу Вертова, чего стоит), была как раз непрозрачна долгое время для читателей советского времени, которые видели в дилогии сатиру на НЭП и сатиру на пережитки более старого времени, – но не как усложненную конструкцию, а как своеобразный концерт, *ряд номеров* или словесно-картинных скетчей, связанных общим персонажем и общим магистральным развитием авантюрно-детективного сюжета. То есть как раз усиленное художественное единство, благодаря сквозному персонажу и авантюрному сюжету было очевидно, тогда как конструкция целого очевидна не была. Мы это проиллюстрируем, разобрав две полемически заостренных, и друг против друга тоже, интерпретации образа Остапа Бендера внутри двух романов Ильфа и Петрова. Одна из них принадлежит крупнейшему исследователю фольклорных структур В. Я. Проппу (1895–1970) [Пропп, 1976], а другая – крупнейшему советскому эстетике Ю. Б. Бореву (1925–2019) [Борев, 1970] – эту итоговую работу Борева по вопросу Пропп не успел учесть, и как мы увидим, полемика могла бы в случае учета пойти иначе.

Книга Проппа «Проблемы комизма и смеха» написана как будто с целью доказать, что юмор Ильфа и Петрова – не настоящий, с натяжками, со смешением жанров, и что он сбивает с толку не только читателей, но и теоретиков, не способных от этого сформулировать ясные критерии комического. Единственным вполне комическим персонажем Пропп считает Эллочку-Людоедку [Пропп, 1976, с. 102], так как ее скудословие находится в *оппозиции* к пустословию, другому мотиву комической литературы; а значит, перед нами не просто смешное, но комическое. Тем самым, комическое для Проппа существует там, где можно обличать

противоположные пороки, в отличие от юмора, который ситуативен и собственной структуры не имеет.

Но уже другая оппозиция так не работает: самозванство Остапа Бендера в качестве шахматиста и в качестве лидера автопробега состоит в оппозиции к бытовому комическому самоуничижению, когда, например, в поезде профессор выдает себя за разнорабочего, но эта оппозиция порождает жанровое неравновесие [Пропп, 1976, с. 121]. Ведь самоуничижение – часть бытового розыгрыша, полностью осуществляющего комическое внутри сцены, а в случае самозванства у Ильфа и Петрова сцену приходится быстро свертывать. В обоих эпизодах Остапу Бендеру приходится бежать, это своего рода комический аналог *deus ex machina*. Согласно Проппу, смешно, но не вполне комично, такое вторжение трагического жанра: самозванец был бы комичен, продолжим уже мы, если бы он до самого конца пытался пользоваться преимуществами своего самозванства – в этом смысле комичен Хлестаков, или, согласно Вл. Соловьеву, был бы комичен царь Эдип, если бы он свои преступления воспринял как житейское дело. Бесспорно, Пропп знал эстетику Соловьева, учитывая его глубочайшие религиозно-философские интересы в молодости.

В работе «Общий смысл искусства» Соловьев выводил трагическое из способности лица воспринять противоречие между идеалом и действительностью, а комическое – из неспособности лица воспринять это из-за самодовольства. Для этого философа оппозиция идеала действительности должна была уравниваться оппозицией идеала лицу. Как и в системе Проппа, в системе Соловьева без противоположности, например, жадности как общей социальной действительности (скудости ресурсов) и расточительности как личного качества какого-то человека, комическое возникнуть не может.

Исходя из этого, Соловьев и выстраивает последовательный образ комического Эдипа: «Так, например, Эдип, убивший своего отца и женившийся на своей матери, мог бы быть, несмотря на это, лицом высококомическим, если бы он относился к своим страшным приключениям с благодушным самодовольством, находя, что все случилось нечаянно и он ни в чем не виноват, а потому и может спокойно пользоваться доставшимся ему царством» [Соловьев, 2017, с. 104].

Соловьев делает оговорку в сноске, чтобы его слова не звучали цинично: «Разумеется, комизм был бы возможен здесь именно потому, что преступление не было личным намеренным действием. Сознательный Преступник, довольный самим собою и своими делами, не трагичен, но отвратителен, а никак не комичен» [там же]. Таким образом, для Соловьева как раз необходимо до конца довести все театральные и миметические эпизоды с таким комическим Эдипом, чтобы раскрыть его комизм, а любое структурное вторжение трагического просто разрушит идентичность и трагедии, и комедии.

Так же точно Пропп утверждает, что быстрое свертывание декораций и антуража нарушает главное правило комизма – правильное понимание отношений между идеалом и действительностью через комическое лицо, которое по самодовольству не может достичь идеала. В случае ускоренной развязки эпизода это самодовольство не может быть вполне показано, никак нельзя назвать благодушным героя, который поначалу был на коне, а потом воровато убегает от возмездия. Тогда

перед нами остается только юмор, отдельные юмористические сцены, которые скорее утомляют, чем создают единое эстетическое переживание.

Дальше критика Проппа становится всё суровее. Он говорит, что «[б]ессвязность и случайность эпизодов и их последовательности» [Пропп, 1976, с. 155–156], в случае авантюрного романа-путешествия может не противоречить внутренней цельности, – но только если роман обозрим. Пропп противопоставляет емкие «Мертвые души», не утомляющие «читателя ни на одной странице» [там же, с. 156] и страдающие «некоторой растянутостью» оба романа дилогии Ильфа и Петрова. При этом он указывает, что «Дон Кихот» тоже обширный роману; но досуг современников Сервантеса позволял воспринимать роман как емкий.

Опять Пропп следует эстетике Соловьева, для которого как раз высокий комизм возможен не там, где мы видим довольство героя своими отдельными *поступками*, но где мы видим довольство героя своей *жизнью*, которая обозрима для него и должна стать при некоторых условиях обозрима для читателя. Тем самым, Пропп до предела доводит эстетику Соловьева, потому что если Соловьев говорил о наблюдении над происходящим, о своеобразной духовной физиогномике в должных достоверных декорациях и с правдоподобными жестами, чтобы увидеть расхождение идеала и с *действительностью*, и с *личностью*, то Пропп – о схватывании *структуры оппозиций*, в которой такая физиогномика и опознается как достоверная.

Пропп не принимает смешения жанров, которое ведет к такому поспешному свертыванию повествования и эстетического впечатления. Смешение жанров видно в убийстве и воскрешении Остапа Бендера [там же, с. 166], что нормально для детектива, но не для комического произведения, где должно быть ясно, какое влияние смерть протагониста произвела на современников. Смерть детективная не мотивирована там, где выстраивается комизм и особый режим вовлеченности, а не детективная отстранённость от ситуации. Смерть Остапа Бендера, согласно Проппу, «нисколько не смешна» [там же, с. 178], поскольку являет в себе и образ жалкого, и образ низкого преступления.

Наконец, Пропп осуждает Ильфа и Петрова за искусственные имена, такие как «Медуза Горгонер», в которых соединяется юмор характерологический (отсылка к мифологии) и юмор низовой (этническая насмешка), что художественно неубедительно – в реальности таких фамилий быть не может, и она хотя и смешна, но не комична, потому что не показывает, как работает реальность в том числе на выявление определенных черт персонажа, то есть *действительности* его существования и *личных* свойств его характера через различные оппозиции. Ильфу и Петрову Пропп противопоставляет советским сатирикам Чехова и Гоголя, чьи фамилии остроумны, но и комичны, потому что они встречаются в реальности и создают должную систему эстетических эффектов. Тогда как мифология в реальности не встречается, читатель ее знать не обязан, – а значит, это даже не шутка для знатоков мифологии, а род упрёка, использования мифологии для словесной агрессии. «Называя женщину личным именем Медузы и фамилией Горгонер, авторы показали, что мифологию они знают. Но читатель знать эту мифологию не обязан. Прибавление немецко-еврейского суффикса “ер” к древнегреческому имени не смешит по своей полной произвольности и противоестественности (ср. с этим

акушерку Змеюкину у Чехова). При всей кажущейся невероятности и неправдоподобности имен у Гоголя, у него нет ни одного случая противожизненной натяжки в именовании героев» [Там же, с. 176].

Пропп ошибся: у Ильфа и Петрова это двойная фамилия Медуза-Горгонер, и как раз здесь словообразовательные модели для фамилий вполне вероятны. Еще вероятнее ошибка как бы по Фрейду, но, точнее, по тому Бергсоно-Фрейдовскому синтезу, о котором пишет Боров [Боров, 1970, с. 8–10] как о первичной форме комического высказывания. Допустим, акушерку зовут Страшунер (как в «Египетской марке» О. Э. Мандельштама), но запоминаем ее как Горгонер, а дальше, исходя из родовитых двойных фамилий, прибавляем и Медуза, наподобие фамилии Береза. Тем более у Ильфа и Петрова двойные фамилии всегда сюжетные, вроде Плотский-Поцелуев или княгиня Белорусско-Балтийская, и как раз имеют в виду конструирование нелепого образа очередного человека из прошлого, который обличается как неуместная конструкция. Такая не просто коллажная, но критическая функция монтажа должна быть уже очевидна после фундаментального исследования И. Кукулина [Кукулин, 2015]. Точно такой же монтажный конструктивизм можно увидеть и во всем прочем, что Проппу не нравится в творчестве сатириков: так, смерть Остапа Бендера напоминает киномонтаж по Льву Кулешову, а ситуации с васюковскими шахматистами и автопробегом – вертикальный монтаж Эйзенштейна.

Но дело в том, что для Проппа критика повествования Ильфа и Петрова – часть более сложного эстетического спора с Ю. Б. Боровым. Пропп критикует позицию Борева за то, что тот различает *внесоциальное юмористическое* и *социальное комическое*, подчиненное граждански-воспитательным целям. Пропп не согласен, что юмористическое внесоциально, и ловит Борева на слове, когда тот говорит, что «почти» отсутствует социальное в элементарно-юмористическом: «почти», строго говорит Пропп – это не научное понятие [Пропп, 1976, с. 156]. Кроме того, Борову, говорит Пропп, придется признать, что низовое или элементарное юмористическое способно углубить обличающий и социально значимый комизм – фарс и клоунада у Гоголя, вроде имен Бобчинский и Добчинский, углубляют социальное обличение обывателя. Пропп вопреки Борову говорит, что элементарный первичный юмор у Гоголя не создает дополнительного смысла, то есть не усложняет структуру, а делает выразительным имеющийся смысл. «Утверждение, что элементарно-комическое служит для *углубления* комизма, вряд ли найдет много сторонников. Скорее, здесь можно было бы говорить не об углублении, а об *усилении*» [там же, с. 157] (курсивы автора).

Как раз авангардисты, по-своему перерабатывавшие наследие Гоголя, с этим бы не согласились: для Мейерхольда, поставившего «Ревизор», как раз смешное усложняет структуру. Например, в постановке Мейерхольда, основанной часто на черновиках Гоголя, Анна Андреевна уподобляется Хлестакову и вспоминает стрелявшихся за нее офицеров – и они выбегают на сцену как клоуны. Понятно, что Анна Андреевна комична для нас, но смешна здесь для Хлестакова, даже если она заморозила его своим хвастовством, но именно смешное образует то усложнение структуры, которое и превращает Хлестакова окончательно из смешного персонажа в комический.

Но дело в том, что Пропп опять же следует эстетике Соловьева, для которого комично слово, если оно не переходит в дело. Этому посвящен выпад Соловьева против Толстого в «Оправдании добра»: «Обижаемый человек имеет право на всю возможную помощь от нас, а не на одно только словесное заступничество, которое в огромном большинстве действительных случаев может быть только комичным» [Соловьев, 2012, с. 460]. Такой комизм, разумеется, невозможно *углубить*, углубить можно только конкретное действие, а не отказ от него, но можно *усилить*, и Толстой его усиливает, – как и Соловьев, не стеснявшийся подбирать всё более гротескные образы для обличения Толстого, вроде сравнения его с «дырмолями», поклоняющимися дырке сектантами в «Трёх разговорах».

Но как раз Боров выступает в своей эстетической системе не как соловьевец, а как толстовец. Дело всё в том, что если для Проппа социальная сфера всецело структурирована отношениями, и поэтому невозможно говорить о «почти», употреблять те эстетические замечания, которые разрушают структуру социального аргумента и очевидности структуры, то у Борева например, животные комичны, когда вовлекаются в эстетическую сферу – не социальную! «Так же и подвижность, суетливость, гримасничанье, карикатурные повадки обезьяны, втягиваясь в сферу эстетических отношений, становятся комичными» [Боров, 1970, с. 10].

Эстетическое оказывается той самой областью «почти», порогом для социального, началом, где и появляются те приблизительные и ориентировочные данные о действительности, которые по Толстому времен «Крейцеровой сонаты» и трактата «Что такое искусство» и создают социальную жизнь. При этом Пропп полемизирует с более ранними работами Борева, где как раз социальное больше сближалось с идеологическим социальным регулированием, а не как в книге 1970 года, которую Пропп прочесть не успел – с переживаниями, связанными с общим развитием и природы, и общества, с *эволюционными механизмами* развития характерных черт поведения, что и проходит красной нитью через книгу Борева.

Если Пропп считает комическим образ Бендера, и возмущается, почему так много элементов в дилогии Ильфа и Петрова подрывают сатиру как способ удостоверения в действительности и в характере, как комическую систему оппозиций пороков, не давая даже порокам Бендера раскрыться, – то Боров судит проще, говоря, что Бендер – юмористическая, а не комическая фигура. Бендер комичен для нашего общества, как Хлестаков комичен для зрителей театра Мейерхольда, тогда как для Гоголя комичны равно все персонажи, а для Анны Андреевны в театре Мейерхольда Хлестаков юмористичен, он поднимает настроение и заставляет говорить тот же нелепый юмор, который в конце концов показывает несостоятельность и самозванства Хлестакова, и ее кокетства.

Боров пишет: «Впрочем, нужно ли оправдывать юмор, даже если им пользуется такой проходимец, как Остап? Ведь он не обычный, а симпатичный проходимец, и его привлекательность имеет жизненные и художественные основания не только в том, что он остроумен. Нельзя при выборе оттенка смеха исходить только из социальной сущности, не учитывая индивидуальные особенности характера. В Бендере все весьма противоречиво, все переплелось самым причудливым образом, ибо он сам причудливое порождение противоречий НЭПа. (...) Ведь крах плохого человека может быть объяснен его дурными качествами, а крушение человека с

хорошими задатками может проистекать лишь из полной несостоятельности избранной им дороги» [Борев, 1970, с. 94; с. 96].

Таким образом, Борев утверждает как раз возможность юмористического развертывания структуры, где любые поспешные развязки и смешения жанров работают на юмористическую демонстрацию несостоятельности жизненных решений героя, что они как бы вопреки природе, а не только вопреки нормативным социальным ожиданиям. Это вполне отвечает Толстому, для которого деградирующий герой комичен и жалок, как Нехлюдов, то есть как раз требуется вторжение трагического элемента жалости, той постоянной поспешной предварительной развязки, которую Пропп не одобряет. Тогда и Бендер комичен, когда его побивают или гонят, но он юмористичен, когда обманывает других, просто потому что он вовлекается в ситуацию взаимного юмористического обмана, как Хлестаков и Анна Андреевна у Мейерхольда.

Для Борева эта юмористичность оказывается прежде всего главным ключом к монтажу фактов и событий как приему, который Ильф и Петров восприняли из атмосферы авангарда: эпизоды из жизни Бендера оказались некоторой единой дорогой, и социальная сущность его личностного профиля принадлежит сцепке событий, а не характеру. Для Проппа как характер социален, если он хоть в чём-то встретился с собой, и за какой-то порок его должна была мучить совесть. Поэтому Пропп видит в фигуре Бендера неудачный комизм, когда героя преследует искусственная сатирическая совесть, тогда как Борев – удачный юмор, так как Бендер втянут в систему эстетических отношений больше, чем в систему социальных оппозиций. В этом смысле Борев мыслит как шестидесятник, современник театра Любимова и прозы Аксенова, реанимирующий пафос и монтажно-антимонтажный фокус романов Ильфа и Петрова для обличения новых бюрократов и мещан, тогда как Пропп представляет скорее русскую религиозную философию, в которой эффекты действительности неотделимы от вопросов совести.

Литература

- Борев Ю. Б. (1970) *Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия*. М.: Искусство.
- Брикер Б. (1995). Пародия и речь повествователя в романах И. Ильфа и Е. Петрова. *Russian Literature*, 37(1), 11–37.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. (1973). *К описанию смысла связного текста. Ч. 3. Приемы выразительности, 1*. М.: Институт русского языка АН СССР.
- Кукулин И. В. (2015). *Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры*. М.: Новое литературное обозрение.
- Пропп В. Я. (1976). *Проблемы комизма и смеха*. М.: Искусство.
- Соловьев В. С. (2012). *Оправдание добра*. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм.
- Соловьев В. С. (2017). *Красота как преобразующая сила*. М.: Рипол-Классик.
- Чудакова М. О. (1979). *Поэтика Михаила Зощенко*. М.: Наука.

References

- Borev Yu. B. (1970). *Komicheskoye, ili o tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchayet i obnovlyayet cheloveka i utverzhdayet radost' bytiya* [Comic, or how laughter executes the imperfection of the world, purifies and renews a person and affirms the joy of being]. Moscow.
- Briker B. (1995). Parodiya i rech' povestvovatelya v romanakh I. Il'fa i Ye. Petrova [Parody and speech of the narrator in the novels by I. Ilf and E. Petrov]. *Russian Literature*, 37(1), 11–37.

- Chudakova M. O. (1979). *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Poetics of Mikhail Zoshchenko]. Moscow.
- Kukulin I. V. (2015). *Mashiny zashumevshogo vremeni: kak sovetskiy montazh stal metodom neofitsial'noy kul'tury* [Machines of noisy time: how Soviet montage became a method of unofficial culture]. Moscow.
- Propp V. Ya. (1976). *Problemy komizma i smekha* [Problems of comic and laughter]. Moscow.
- Solov'yev V. S. (2012). *Opravdaniye dobra* [Justification of the good]. Moscow.
- Solov'yev V. S. (2017). *Krasota kak preobrazhayushchaya sila* [Beauty as a transforming force]. Moscow.
- Zholkovskiy A. K., Shcheglov Yu. K. (1973). *K opisanuyu smysla svyaznogo teksta. Part. 3. Priyemy vyrazitel'nosti, 1* [To the description of the meaning of a coherent text. Part 3. Techniques of expressiveness]. Moscow.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.07.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Александр Викторович Марков – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный гуманитарный университет; ORCID: 0000-0001-6874-1073; markovius@gmail.com

A. V. Markov

THE DISPUTE OVER THE IMAGE OF OSTAP BENDER IN SOVIET LITERARY THEORY

Abstract. The satirical novels by I. Ilf and E. Petrov exposed both the flaws of current affairs and the common lifestyle of the old regime, constructing modernity in order to make it the subject of a more complex satirical rebuke. This mechanics of timely discarding social constructivism was not always transparent to Soviet critics, as demonstrated by the dispute between two prominent scholars, V. Ya. Propp and Yu. B. Borev. Propp considered the novels about Ostap Bender an unsuccessful example of the comic, finding in them a mixture of genres, unmotivated intermediate denouements, stretching and implausibility. It is proved that Propp in many respects continued the aesthetics of Vladimir Soloviev, who in his struggle against Leo Tolstoy's positions brought the comic and the grotesque closer together. Borev, on the contrary, considers Ostap Bender almost as Tolstoy's character, comic in his misguided goal-setting, but not in his innermost features. The two scholars diverge in their understanding not of satire, but of humor and its position in the aesthetic construct. Interpreting this dispute is useful in specifying the relationship between ongoing social construal and habitual aesthetic experience in different types of humor.

Keywords: satire, humor, Soviet culture, Soviet aesthetics, Propp, Borev

For citation: Markov A. V. (2023). The dispute over the image of Ostap Bender in Soviet literary theory. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 535–542. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).535-542

В. О. Рожин

ИДЕЯ РАЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОМАНЕ С. СНЕГОВА «ЛЮДИ КАК БОГИ»

Аннотация. Анализируется роман советского писателя-фантаста С. Снегова «Люди как боги». В частности, исследование посвящено выявлению характерных особенностей мира будущего человеческой цивилизации, которая изображена в произведении на стадии своей зрелости. Новый порядок жизни человечества сопоставляется с описанием жизни людей из мифического прошлого, что отражено в античных и библейских источниках. Обозначаются сходства и отличительные черты представлений о счастливой жизни. Отмечается важность трудовой деятельности для человека будущего как необходимого элемента для создания единого общества с равными правами и возможностями вопреки беспечности представителей эпохи золотого века. Делается вывод о влиянии древних мифов на формирование творческого замысла автора романа, моделирующего картину светлого будущего, основанного на достижениях научно-технического прогресса и высокоразвитого нравственного чувства человека.

Ключевые слова: «Люди как боги», Снегов, золотой век, светлое будущее, научная фантастика, райский сад

Для цитирования: Рожин В. О. Идея рая и ее воплощение в романе С. Снегова «Люди как боги» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 5(50). С. 543–549. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).543-549

Европейская культура зафиксировала в своей исторической памяти одно важное сказание, в котором находит отражение мечта многих и многих поколений людей о счастливой и беззаботной жизни, чем в доисторическое время обладало человечество, но по определенным причинам утратило ее. Этот период человеческой истории обычно называется золотым веком. Как отмечает С. А. Токарев, основные сведения, которые дают представление об упомянутой эпохе, содержатся в трудах античных авторов – «Труды и дни» Гесиода и «Метаморфозы» Овидия, правда, отмечается, что последний, очевидно, заимствовал рассказ о золотом веке из древнегреческого мифа [Токарев, 1994, с. 471].

М. Элиаде в своих исследованиях об истории веры и религиозных идей подчеркивает, что описанная у Гесиода райская эпоха имеет «параллели во многих религиозных традициях /.../ миф об “изначальном совершенстве мироустройства” и блаженстве людей, утраченном в результате катастрофы или “прегрешения”, достаточно распространен» [Элиаде, 2017, с. 227–228]. Как видим, ученый-религиовед помимо античной легенды, в том числе указывает и на библейский рассказ о жизни первых людей в Едеме.

Указанные параллели проявляют себя и в прочих религиозных традициях, схожие мотивы можно найти в скандинавской, китайской, египетской, шумерской и других древних мифологиях [Элиаде, 2017, с. 35]. Следует отметить влияние древнего мифа о золотом веке на творчество писателя-фантаста XX в. С. Снегова, творчество которого практически не изучалось литературоведами. Самый известный роман советского писателя «Люди как боги», переведенный на различные языки, изображает счастливое поколение людей будущего, достигших в каком-то смысле того самого первобытного состояния, описанного в легендарных сказаниях. Поскольку С. Снегов принадлежит к европейской культурной традиции, то для исследования обратимся к античным источникам, повествующим о золотом веке.

Легенда о золотом веке древнегреческого поэта Гесиода описывает беспечное состояние людей, о которых говорится как подобных богам. Блаженная жизнь человека золотого века заключалась в отсутствии необходимости физического труда, так как земля давала все нужное для его пропитания. Впоследствии, когда золотой век сменился серебряным, человек стал портиться, превращаясь в гордое и глупое существо, противопоставил себя богам, что стало причиной нескончаемых бедствий, продолжительность его жизни значительно сократилась. Медный век характеризует людей как воинственных существ – могучих и страшных. Затем были славные полубоги, которых погубила война. И, наконец, в поэме Гесиода говорится о представителях железного века, к которым он и сам относится и по этой причине горько стонает: «Если бы мог я не жить с поколением пятого века!» [Эллинские поэты, 1999, с. 54], так как его современники не знают отдыха из-за тяжелого труда и постоянных горестей, несчастий и забот. Жизнь этого поколения отмечена отсутствием любви между братьями, непочтением родителей, оправданием более сильного: «Где сила, там будет и право» [Эллинские поэты, 1999, с. 54], – в общем, человек окончательно утратит свое богоподобие. Таким образом, древнегреческий рапсод в мифе о смене веков описывает постепенное деградирование человеческого рода.

Древнеримский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» золотой век описывает как эпоху правды и верности, когда не было никакой необходимости в законотворчестве по причине идеального нравственного состояния человечества. Людям было несвойственно враждебное отношение к ближнему, они не знали чувства мести и жили с сознанием собственной безопасности. Землю совсем не нужно было возделывать – она и так всех кормила, принося обильные плоды. В поэме говорится, что в этот век «вечно стояла весна» [Овидий], текли молочные реки и капал с деревьев золотой мед.

В серебряный век сокращаются сроки весны, появляются зима, осень и лето, то есть привычные для нас четыре времени года. Люди были вынуждены искать себе жилище, чтобы спрятаться от лютого мороза либо иссушающего зноя. Затем наступает время медного века, о котором говорится совсем кратко: «Духом суровей он был, склонней к ужасающим браням, — но не преступный еще» [Овидий]. Этот период, согласно Овидию, становится подготовкой к нечестивому времени – железному веку, когда все злое и коварное в человеке вырвалось наружу [Овидий]. К этому времени относится начало земледелия и добычи полезных ископаемых, люди обучаются мореплаванию, начинаются войны.

Видно как «Метаморфозы» Овидия в общих чертах повторяют изображение золотого века и постепенной регрессии людей, которые представлены в поэме Гесиода «Труды и дни». Мифическое предание об этом времени, очевидно, прочно закрепилось в сознании представителей человечества древнего мира как мечта о потерянном счастье.

Следует также обратиться и к библейскому рассказу о райской жизни первых людей, поскольку наряду с античной мифологией христианство, без сомнения, повлияло на развитие всей европейской культуры. Библейская книга «Бытие» рассказывает о том, что человек был создан Богом по Своему образу. Бог специально для человека насадил райский сад, чтобы «возделывать его и хранить его» (Быт.

2:15). Однако замысел Бога о возделывании Едемского сада не означал для человека принуждения к земледелию как необходимому труду для добычи пропитания. Святитель Игнатий Брянчанинов, к примеру, утверждает, что приведенные выше библейские слова не следует интерпретировать «в плотском смысле», то есть, что райский сад был в чем-то несовершенен и нуждался в доработке. Христианский мыслитель говорит, что недостатков в Едеме не было, а возделывание его заключалось «в изучении Бога», «в созерцании величия и благости Создателя» [Игнатий Брянчанинов, 2011, с. 326], – таким образом, толкователь Библии предлагает понимать ее слова в нематериальном аспекте.

Христианский святой Ефрем Сирин объясняет слова книги «Бытие» о возделывании райского сада первыми людьми как об их стремлении исполнить заповеданное Богом относительно плодов дерева познания добра и зла [Ефрем Сирин, 1995, с. 232].

Есть и иные точки зрения относительно интерпретации рассматриваемого отрывка. Святитель Филарет Дроздов полагает, что Бог назначил человеку «простой земледельческий труд», но все же его можно определить как путь духовного преобразования – «видимое совершенствование земных произведений» должно было служить основанием для осознания долга перед Богом «возделывать собственное сердце» [Филарет Дроздов, 2004, с. 85]. Иными словами святитель Филарет осмысливает значение земледельческого труда человека в области духовной проблематики.

Также считает и один из авторитетнейших толкователей Священного Писания святитель Иоанн Златоуст. Он видит опасность для духовного состояния человека в том чрезмерном удовольствии жизни в Раю, которую дал ему Бог. Потому, как говорит Златоуст, и дана человеку заповедь труда, чтобы он не развратился [Иоанн Златоуст, 1898, с. 112].

Блаженный Августин считает, что возделывание райского сада не было утомительным для человека, в чем и отличие этого труда от обработки земли после грехопадения [Августин]. То есть это была приятная и радостная для него деятельность.

Нарушив данную Богом заповедь, человек лишился блаженной райской жизни и должен был сам обрабатывать землю, что стало одним из наказаний человека за совершенное им преступление (Быт. 3:17–19). То есть грех нарушил устроенную Богом гармонию мира, вследствие чего качественно изменился как образ жизни человека, так и назначение его труда.

Из вышесказанного следует, что согласно библейской истории о жизни человека в райском саду, было время, когда люди не трудились для добывания себе пропитания в привычном понимании. Об этом позаботился Бог, когда «произрастил из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи» (Быт. 2:9). Кроме того, первые люди не знали ни бедствий, ни смерти. В описанных характеристиках очевидно сходство античной и библейской мифопоэтической традиций. Однако есть и отличия, а именно – в отношении к труду. Христианская практика толкования Библии различает качество труда до и после грехопадения, но все же видит в нем необходимость для человека – в отличие от античного понимания, которое определяет труд лишь как следствие деградации человечества.

Золотой век человечества будущего в романе «Люди как боги» моделируется, без сомнения, на основании древних мифов о беспечном и счастливом для человека времени, но необходимо отметить ряд важных особенностей. В былые времена люди жили как боги, потому что боги этого сами хотели, то есть данное обстоятельство нужно расценивать как дар. В романе Снегова люди подобны богам благодаря собственным усилиям, тому могуществу, которое было приобретено трудом человеческого гения, принесшим массу открытий и давшим массу возможностей для достижения лучших условий существования. Жизнь человека будущего в отличие от человека прошлого, который просто пребывал в состоянии блаженства, носит созидательный характер. Труд здесь не считается чем-то неуместным, и тем более не воспринимается в качестве наказания. Таким образом, относительно фантастической реальности романа можно говорить о доминантном влиянии на автора библейского понимания труда для человека как необходимости. Труд преображает человека, делает лучше и окружающий мир, и его самого.

В отличие от своих доисторических предков, которые жили в гармонии с природой, ничего специально для этого не предпринимая, снеговские земляне практически во всем используют рациональный подход. Интеллектуальные способности по этой причине приобретают особое значение – силой разума возможно вернуться в состояние утраченного блаженства, либо его восстановить.

В новом земном раю не нужно было больше обрабатывать землю в поте лица для того, чтобы добыть себе необходимое пропитание. Научно-технические достижения дали человеку синтетическую пищу [Снегов, 2019, с. 209], которая была значительно лучше той, которую употребляло человечество XX века. Следовательно, люди будущего не обременены таким трудом, который традиционно понимается как проклятие или наказание. Человек был обеспечен всем необходимым: едой, одеждой, кровом и даже развлечениями. Подобный образ жизни позволяет полностью посвятить себя такой деятельности, которая доставляла бы удовольствие, приносила радость и при этом была бы социально значимой. В то же время отсутствие нужды, достаток во всем и для каждого служат основанием для мирного и плодотворного сосуществования всех земель.

Покорив природу, предоставив все необходимое для полноценной жизнедеятельности населению планеты, создав механизмы идеальной организации как социальной, так и индивидуальной жизни, герои Снегова не останавливаются на достигнутом, но стремятся реализовать свой творческий потенциал за пределами родной Земли. Люди строят искусственные солнца и планеты, посылают исследовательские экспедиции в глубины космического пространства, обнаруживают инопланетные цивилизации, вступают с ними в миротворческие союзы. Важной характеристикой качества жизни человечества будущего в романе, как и во многих утопических произведениях, является отсутствие войн. При этом люди будущего обладают очень мощным оружием – аннигилятором Танева, который мог уничтожить все вокруг, превратив в пустоту, и, наоборот – из пространства создать вещество.

Возможности, которыми обладает человечество будущего, появившиеся в результате развития научного знания и техники, воспринимаются людьми, прежде всего, в нравственно-этическом аспекте, так как необходимо, чтобы человек был духовно зрел, когда ему доверяется такая сила. Для представителей земной

цивилизации характерно нравственное отношение и этическая оценка происходящего. Такова общая характеристика описанного в произведении социума.

Социальная модель общества в романе выглядит следующим образом. Между всеми представителями человеческого общества существует равенство. Отсутствуют различия по национальному, языковому, имущественному и прочим социальным признакам, а также в области юридического права. Голос каждого человека имеет значение в принятии решений, касающихся участи всей Земли и космического пространства, которое тщательно исследуется специальными экспедициями ученых. Институт государства (Большой Совет), конечно же, существует, но его власть имеет достаточно условный характер. Деятельность членов условного правительства в таком случае больше напоминает жертвенное служение своему обществу, нежели попытку лоббирования собственных интересов. Организация общественной жизни в будущем осуществляется с помощью техники – Большой Государственной машины, которая представляет собой мощный искусственный интеллект. Этой машине человечество доверяет руководство важными социальными процессами.

Наряду с социальной ответственностью и серьезным отношением к повседневному быту, человек будущего изображен и беспечным, что выражается в ребячестве персонажей, которыми в их действиях, как оказалось, руководит не только научный интерес ко всему окружающему. Например, забавное зрелище представляет собой главный герой Эли Гамазин, виртуозно передвигающийся на авиетке во время праздника Большой летней грозы, или один из персонажей по имени Лусин, летящий на огнедышащем драконе. Люди в романе, хотя они и «как боги», все же остаются людьми с человеческими эмоциями и потребностями.

Интересно, что автор наделяет своих персонажей и романтическими качествами. Так, Лусин пишет научную работу на тему «Материализация чудовищ древнего фольклора» – в этом есть что-то необычное с точки зрения прагматического подхода, поскольку никакой особенной важности данные исследования собой не представляют. Непонятно какая польза может быть человеку от создания тех же драконов или пегасов. Эли Гамазин поэтому говорит, что авиетки удобней и надежней, а в драконах «есть что-то от древнего театра» [Снегов, 2019, с. 7]. Цель такой научной работы – соприкоснуться с прошлыми эпохами и этим поразить воображение окружающих.

Помимо научно-исследовательской деятельности человечество будущего тяготеет к искусству. Персонаж Андре Шерстюк вместе с изготовлением дешифраторов занимается сочинением музыки. Несмотря на то, что его труд мало кто ценит по достоинству, сам факт творческой деятельности в области искусства отсылает читателя к важной характеристике нового общества, которое не ограничивается исключительно прагматизмом, но имеет способности и желание развивать духовную сторону собственного бытия.

Про персонажа Аллана Круза говорится, что он в своем чемодане всегда носит книги, относящиеся к XX веку, но не потому, что они ему необходимы по роду деятельности, а для забавы, чтобы «острее ощутить современность» [Снегов, 2019, с. 10], как он выражается. А Эли Гамазину свойственна сентиментальность – простое созерцание звездного неба вызывает у него больше эмоций, чем все современные

ему достижения научно-технического прогресса, Вселенная поражает его своей бесконечностью и красотой. Таким образом, фундаментальная наука для нового человека не является чем-то единственно важным, а новое знание об окружающем мире не становится чем-то исключительно интересным.

Для описываемой в романе эпохи характерна общность культурных достижений. В этой связи нельзя обойти вниманием район под названием «Музейный город», расположенный в Столице планеты. Столица была первым городом, который построили в новой реальности. Он был изначально спроектирован под знаком объединения. В Музейном городе находится Пантеон, где можно найти памятники вымышленным людям – в основном это герои художественных произведений. Там же находится статуя Андрея Танева, который открыл вышеупомянутое явление аннигиляции, сделавшее человека творцом, подобным богу. Но особенно интересно, что в Музейном городе одновременно находились египетские пирамиды и Кремль, знаменитый Собор Парижской Богоматери и ассирийские храмы, собор Святого Петра и кельнская готика, Вавилонская башня и храм Мардука [Снегов, 2019, с. 41, 48], а также многое другое. При строительстве Столицы было решено воспроизвести все известные архитектурные памятники прошлого, относящиеся к самым разным культурам, собрать их в одном месте в знак единства всего человечества и отсутствия любых различий: культурных, социальных, языковых и религиозных. Так автор реализует социально значимую творческую концепцию, которая предполагает преодоление различных барьеров, препятствующих объединению всех людей.

Новый золотой век романа «Люди как боги», таким образом, имеет своим прототипом древние легенды о беспечной жизни людей и их райском состоянии с характерными для жанра утопии особенностями. Древний рай был дарован людям Богом, либо богами – новый рай человек создает силой своего интеллекта и развитого нравственного чувства, как это и представляли себе мыслители эпохи Просвещения. Необходимо отметить значение научно-технического прогресса жизни на Земле и в космическом пространстве, а также продолжающееся развитие изображенного мира, который – в отличие от жизни в эпоху древнего золотого века – не является статичным. Человек будущего изображен хозяином положения, во всяком случае, в первой и второй частях трилогии. Он имеет преимущество перед другими цивилизациями Вселенной, что дает ему основание для причисления себя к числу богов. Таким образом, хотя и в новом виде и качестве, но все же происходит возвращение человечества к своим истокам, оно создает себе потерянный рай.

Литература

- Августин Аврелий (б. д.). *Сочинения* [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.wikireading.ru/159122> (Дата обращения: 09.02.2023).
- Ефрем Сирин (1995). Святой Ефрем Сирин. *Творения*: В 8 т. Т. 6. М.: Изд-во «Отчий дом».
- Игнатий Брянчанинов (2011). Святитель Игнатий Брянчанинов. *Слово о смерти. Слово о человеке*. М.: Благовест.
- Иоанн Златоуст (1898). Святитель Иоанн Златоуст. *Творения*: В 12 т. Т. 4. СПб.: Изд. С.–Петербургской Духовной Академии.
- Публий Овидий Назон (б.д.). *Метаморфозы* [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt (Дата обращения: 09.02.2023).
- Снегов С. (2019). *Люди как боги*. СПб.
- Токарев С. А. (1994). Золотой век. В: Токарев С. А. (ред.). *Мифы народов мира. Энциклопедия*: В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Рос. энциклопедия.

Филарет Дроздов (2004). Святитель Филарет (Дроздов). *Толкование на Книгу Бытия*. М.: Лепта-Пресс.
Элиаде М. (2017). *История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий* / Пер. с фр. Н. Н. Кулаковой и др. 4-е изд. М: Академический проект.
Эллинские поэты (1999). Гаспаров М. Л. (ред.). *Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика*. М.: Ладомир.

References

Aurelius Augustinus (n.d.). *Sochineniya* [Essays]. Available at: <https://religion.wikireading.ru/159122> (Accessed: 09.02.23).
Efrem Sirin (1995). *Svyatoy Efrem Sirin. Tvoreniya* [Works] in 8 vols. Vol. 6. Moscow.
Eliade M. (2017). *Istoriya very i religioznykh idey: ot kamennogo veka do elevsinskiykh misteriy* [The History of Faith and Religious Ideas: from the Stone Age to the Eleusinian Mysteries]. Moscow.
Ellinskie poety (1999). Gasparov M. L. (ed.). *Ellinskie poety VII–III vv. do n. e. Epos. Elegiya. Yamby. Melika* [Hellenic poets of the VII–III centuries BC. Epos. Elegy. Iambic. Melika]. Moscow.
Filaret Drozdov (2004). Svyatitel' Filaret (Drozdov). *Tolkovanie na Knigu Bytiya* [Interpretation on the Book of Genesis]. Moscow.
Ignatiy Bryanchaninov (2011). Svyatitel' Ignatiy Bryanchaninov. *Slovo o smerti. Slovo o cheloveke* [A word about death. A word about a person]. Moscow.
Ioann Zlatoust (1898). Svyatitel' Ioann Zlatoust. *Tvoreniya* [Works] in 12 vols. Vol. 4. St. Petersburg.
Publius Ovidius Nasō (n.d.). *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Available at: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt. (Accessed: 09.02.23).
Snegov S. (2019). *Lyudi kak bogi* [Humans as Gods]. St. Petersburg.
Tokarev S. A. (1994). *Zolotoy vek* [The Golden Age]. In: Tokarev S. A. (ed.). *Mify narodov mira. Entsiklopediya* in 2 vols. Vol. 1. A–K. Moscow.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.06.2023.
Принята к публикации 05.09.2023.

Об авторе

Владимир Олегович Рожин – выпускник аспирантуры БФУ им. И. Канта, священник РПЦ МП; ORCID: 0000-0001-7046-9785; rozhin.v@inbox.ru

V. O. Rozhin

THE IDEA OF PARADISE AND ITS EMBODIMENT IN S. SNEGOV'S NOVEL “HUMANS AS GODS”

Abstract. The novel “Humans as Gods” by the Soviet science fiction writer S. Snegov is analyzed. In particular, the study is devoted to identifying the characteristic features of the world of the future of human civilization, which is depicted in the work at the stage of its maturity. The new order of human life is compared with the description of the lives of people from the mythical past, which is reflected in ancient and biblical sources. The similarities and distinctive features of ideas about a happy life are indicated. The importance of labor activity for a person of the future is noted as a necessary element for creating a unified society with equal rights and opportunities, despite the carelessness of representatives of the Golden Age era. The conclusion is made about the influence of ancient myths on the formation of the creative idea of the author of the novel, modeling a picture of a bright future based on the achievements of scientific and technological progress and a highly developed moral sense of a person.

Keywords: Humans as Gods, Snegov, Golden Age, bright future, science fiction, garden of Eden

For citation: Rozhin V. O. (2023). The idea of paradise and its embodiment in S. Snegov's novel “Humans as Gods”. *Memoirs of NovSU*, 5(50), 543–549. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.5(50).543-549